

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
...
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
...
КАФЕДРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА, ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА
...
КЛУБ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
(ежегодник)

Посвящается пятилетию со дня образования
КАФЕДРЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА, ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Пермь 2017

PERM STATE UNIVERSITY
•••
FACULTY OF LAW
•••
DEPARTMENT OF ENTREPRENEURSHIP LAW, CIVIL LITIGATION AND ARBITRATION
•••
THE CLUB OF ENTREPRENEURSHIP LAW

URGENT ISSUES OF THE LAW OF OBLIGATIONS AND ARBITRATION

ANNUAL ISSUE

DEDICATED TO THE FIFTH ANNIVERSARY
OF THE DEPARTMENT OF ENTREPRENEURSHIP LAW, CIVIL LITIGATION AND ARBITRATION
PERM STATE UNIVERSITY

Perm 2017

УДК 347.4+347.9

ББК 67.400

А 43

Ответственные редакторы: В.Г. Голубцов, Д.Н. Латыпов

А 43 **Актуальные** проблемы обязательственного права и арбитражного процесса: сборник научных статей (ежегодник) / отв. ред. В.Г. Голубцов, Д.Н. Латыпов; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2017. – 201 с.

В сборник входят работы молодых ученых (студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей), представленные на научных конференциях, организуемых кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ. К публикации в сборнике принимаются оригинальные исследовательские работы по актуальным проблемам обязательственного права и арбитражного процесса, одобренные научными руководителями авторов статей.

Ежегодное издание предназначено для научных и практических работников. Главная цель сборника – популяризация исследований молодых ученых-юристов.

УДК 347.4+347.9

ББК 67.400

*Печатается по решению кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Пермского государственного национального исследовательского университета*

ГРУППА ЭКСПЕРТОВ-ПРАКТИКОВ

ПО ОТБОРУ РАБОТ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ НА НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ КАФЕДРЫ:

Д.Ю. Гладких – судья Семнадцатого арбитражного апелляционного суда, кандидат юридических наук, доцент.

В.Ю. Калугин – судья Арбитражного суда Пермского края, председатель 3-го судебного состава.

Ю.Т. Султанова – судья Арбитражного суда Пермского края.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.Г. Голубцов – заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ, заместитель председателя – ответственный секретарь постоянно действующего исполнительного комитета Пермского конгресса ученых-юристов, доктор юридических наук, профессор.

Д.Н. Латыпов – доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ, кандидат юридических наук.

ISBN 978-5-7944-2947-3

© Пермский государственный национальный
исследовательский университет, 2017

UDC 347.4+347.9

LBC 67.400

Chief Editors: V.G. GOLUBTSOV, D.N. LATYPOV

Urgent issues of the law of obligations and arbitration: collection of academic articles (annual issue) / Chief Editors V.G. Golubtsov, D.N. Latypov; Perm State University - Perm, 2017. - 201 p.

The collection includes the articles of young scientists (undergraduates, graduate students, postgraduates and professors) presented at the scientific conferences organized by the Department of Entrepreneurship Law, Civil and Arbitration Process, PSU. Original research papers focused on current issues of the law of obligations, arbitration process are accepted after they are approved by the scientific supervisors of the authors.

This publication is recommended for scholars and practitioners. The main goal of the collection is to popularize the studies of young lawyers.

UDC 347.4+347.9

LBC 67.400

*The proceedings is published according to the decision
of the Department of Entrepreneurship Law, Civil and Arbitration Process, PSU*

**GROUP OF EXPERTS-PRACTITIONERS
ON THE SELECTION OF THE PAPERS PRESENTED
AT A RANGE OF THE SCIENTIFIC EVENTS ORGANIZED BY THE DEPARTMENT:**

D.Yu. Gladkikh is a judge of the Seventeenth Arbitration Appeal Court, Candidate of Law Sciences, Associate Professor.

V.Yu. Kalugin is a judge of the Arbitration Court of the Perm Krai, chairman of the 3rd court board.

Yu.T. Sultanova is a judge of the Arbitration Court of the Permsky Krai.

EDITORIAL TEAM:

V.G. Golubtsov – Head of the Department of Entrepreneurship Law, Civil Litigation and Arbitration at PSU, Deputy chairperson - executive secretary of the Permanent Executive Committee of the Perm Congress of Lawyers, Doctor of law, Professor.

D.N. Latypov – Associate Professor of the Department of Entrepreneurship Law, Civil Litigation and Arbitration at PSU, Candidate of Law Sciences.

ISBN 978-5-7944-2947-3

© Perm State University, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	8
АКИНФИЕВА В.В. Предпосылки нормативного закрепления и легальная дефиниция обеспечительного платежа	10
АКИНФИЕВА В.В., ВОРОНЦОВ С.Г. Заявление об отмене обеспечения иска как одна из мер защиты интересов заинтересованного лица в арбитражном процессе	13
АНИСИМОВА Н.Н. Проблема преюдиции третейских решений в практике высших судов Российской Федерации	18
БАТУЕВА К.Э. Участие третьих лиц без самостоятельных требований в распределении судебных издержек	22
БЕЗОЯН А.Г. К вопросу о принципах производства дел о потребительском банкротстве в РФ	27
БИКБОВА Т.И. Проблемы, возникающие при введении финансового оздоровления	30
ГАВРЮСОВ А.В. О некоторых проблемах института непреодолимой силы в обязательственном праве	34
ГИЛЕВА Ю.В. Приказное производство в гражданском и арбитражном процессе: сравнение	39
ГРИГОРЬЕВА В.А. К вопросу о непоименованных способах обеспечения обязательств	42
ИВШИНА Б.И. Медиация как альтернативный способ урегулирования корпоративных конфликтов	46
КАЦ Р.Ю. О природе защиты конкуренции в обязательствах	50
КОНДРАТЬЕВА К.С. Задолженность по налогу на доходы физических лиц как основание для возбуждения дела о банкротстве	54
КОНЯЕВА С.А. Принцип добросовестности при оспаривании сделок в делах о банкротстве	58
КОСМАЧЕВА Е.С. К вопросу о приказном производстве в арбитражном процессе	62
ЛАТЫПОВ Д.Н. К вопросу о надлежащем способе защиты обязательственных гражданских прав	65
ЛЕППА Ф.Н. Проблемы правового регулирования эмиссии ценных бумаг	69
ЛУКМАНОВА П.Д. Взыскание компенсации в связи с обеспечением иска	72
ЛУНЕГОВА В.П. Профессиональное судебное представительство: результаты и перспективы	76
ЛЮБИМОВА Е.В. Роль обязательственных правоотношений в институте подсудности	80
МАЗИТОВА К.О. Проблема признания договора дарения доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью притворной сделкой	84

Малых И.В. Прекращение судебной экспертизы в арбитражном процессе	88
Микова М.И. О некоторых проблемах развития института социального предпринимательства в России.....	92
Микова С.С. Электронные доказательства в гражданском и арбитражном процессе	97
Миняева С.Р. Некоторые проблемы унификации упрощенного производства	100
Миронова А.И. Порядок возврата излишне уплаченной государственной пошлины в арбитражном процессе.....	105
Наборщикова Н.С. К вопросу о выборе способа защиты права в споре с конкурентами	107
Назаров М.Ю. Пределы ответственности экспедитора при согласовании объявленной стоимости груза по договору транспортной экспедиции	112
Окулова Е.А. Начало течения срока исковой давности при применении последствий недействительности ничтожной части сделки	116
Осинкин В.А. Некоторые вопросы обязательного претензионного порядка досудебного урегулирования конфликтов в арбитражном процессе	121
Покумина А.О. Мирное соглашение в деле о банкротстве	124
Политова М.А. Проблемы освобождения гражданина-должника от обязательств при завершении его банкротства	128
Потапов О.Ю. Уголовно-правовая ответственность в обязательственном праве	132
Прокопенко А.А. Место заключения эксперта в системе классификации доказательств.....	136
Рохман И.С. Обжалование отказа в государственной регистрации юридических лиц	138
Самарина Е.В. Предупреждение о прекращении недобросовестной конкуренции как способ вмешательства в обязательства	142
Сидорова А.В. Обязательный претензионный порядок урегулирования спора в арбитражном процессе.....	147
Сунцова Е.А. Компенсация судебных издержек в приказном производстве	151
Сыропятова Н.В. Ответственность банка за нарушение обязательств по договору банковского счета и ФЗ «О защите прав потребителей»	154
Сятчихин А.В. Заранее оцененные убытки как особая разновидность убытков	159
Федяев Д.А. Вопросы единообразия судебной практики при взыскании законной неустойки по договорам участия в долевом строительстве жилья.....	162
Филиппенко В.В. Прекращение обязательств как правовая цель несостоятельности (банкротства) добросовестного должника-гражданина.....	167
Фролович Э.М. Судебный контроль за деятельностью нотариусов.....	173
Хапова Е.А. К вопросу о формах участия прокурора в арбитражном процессе.....	177

Челнокова В.С. Сравнительная характеристика рассмотрения дел в кассационной инстанции в гражданском и арбитражном процессе.....	181
Чикулаев Р.В. Специализированный депозитарий как субъект правоотношений и пример элемента национальной системы оборота финансовых инструментов.....	185
Чучуладзе А.А. Правовая природа корпоративного договора.....	190
Шейнов А.А. Исполнение денежных обязательств в контексте очередности удовлетворения требований кредиторов.....	193
Юркова Д.А. Пределы рассмотрения дела и полномочия суда в апелляционном производстве.....	197

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

«В здешних судебных учреждениях справедливость изображается в виде женщины с шестью глазами - два спереди, два сзади и по одному с боков, - что означает ее бдительность; в правой руке она держит открытый мешок золота, а в левой - меч в ножнах в знак того, что она готова скорее награждать, чем карать»

Дж. Свифт

«Путешествие Гулливера», 1726 г.

«Разумный кредитор помогает должнику выйти из стесненных обстоятельств и в вознаграждение за свою разумность получает свой долг. Неразумный кредитор сажает должника в острог или непрерывно сечет его и в вознаграждение не получает ничего»

М. Салтыков-Щедрин

«История одного города», 1870 г.

Мы рады представить вашему вниманию ежегодный сборник научных статей, представляемых студентами, магистрантами, аспирантами и преподавателями на научных мероприятиях, организуемых кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета.

В развитых правовых системах обязательственное право, как и арбитражный процесс, прибегая к строкам Джонатана Свифта, призвано «скорее награждать» за надлежащее исполнение установлений закона или договора, чем «карать» за их нарушение. Эта непреходящая идея, известная отечественному праву еще в XIII веке, по-прежнему сохраняет свою актуальность, особенно в эпоху становления и развития рыночных отношений в России. Сегодня, когда уровень исполнения судебных решений далек от приемлемых показателей, действие принципа свободы договора через т.н. «инициативные меры» по стимулированию должника к надлежащему исполнению обязательств без применения мер государственного принуждения задает новый вектор развития отечественного гражданского права, предоставляет сторонам действенный механизм усиления договорной дисциплины и стабилизации гражданского оборота.

Заявленная тематика ежегодника не случайна, поскольку она является ключевой для кафедры. Именно поэтому материалы ежегодных сборников нередко выступают источниками для подготовки и студентов, и преподавателей к лекционным и семинарским занятиям по базовым для кафедры дисциплинам.

Обращает на себя внимание и «субъектный состав» авторов статей – любая наука зиждется, живет и процветает во многом благодаря исследованиям молодых ученых. В то же время поступательное развитие правовой науки стало бы невозможным без сохранения преемственности знаний и учета богатого опыта предшествующих поколений ученых-юристов.

Особую значимость ежегоднику придает и его отчасти «юбилейный» характер – с 2013 года это уже пятый сборник, изданный по итогам проводимых кафедрой научных мероприятий, обращенных к актуальным проблемам предпринимательского, корпоративного и обязательственного права, защиты вещных прав, а также гражданского и арбитражного процесса. Кроме того, в сборнике публикуются научные статьи, содержание которых было представлено на сателлитных мероприятиях Пермского конгресса ученых-юристов, с 2016 года ставшего Межрегиональным российским форумом классической юридической университетской науки.

Уже традицией становится привлечение к формированию сборника представителей судейского корпуса в качестве членов экспертной группы по отбору работ, представленных на научных мероприятиях кафедры. Это стало возможным благодаря реализации образовательных задач кафедры в области развития сотрудничества с судами, расположенными на территории региона. Более того, проводимые научные мероприятия изначально задумывались как «место встречи» молодых ученых и практикующих юристов для получения бесценного опыта общения и апробации результатов их исследований.

Смеем, в свою очередь, надеяться, что наш проект достиг желаемых результатов и может считаться удачным опытом взаимодействия молодой науки и практики.

Обращаем ваше внимание на то, что электронная версия сборника доступна на сайте кафедры по адресу: <http://predprin.psu.ru>

Заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ, доктор юридических наук, профессор

В.Г. ГОЛУБЦОВ

Доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ, кандидат юридических наук

Д.Н. ЛАТЫПОВ

Председатель Клуба предпринимательского права, аспирант кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ

А.В. СЯТЧИХИН

ПРЕДПОСЫЛКИ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ЛЕГАЛЬНАЯ ДЕФИНИЦИЯ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНОГО ПЛАТЕЖА

Аннотация: в работе рассмотрены предпосылки нормативного закрепления обеспечительного платежа как седьмого поименованного способа обеспечения исполнения обязательств, легальная дефиниция обеспечительного платежа, сделан вывод об актуальности и своевременности легального признания конструкции обеспечительного платежа на законодательном уровне.

Ключевые слова: исполнение обязательств, способы обеспечения обязательств, обеспечительный платеж.

Akinfieva V.V.

Senior lecturer, PSU

PREREQUISITES OF REGULATORY FIXING AND THE LEGAL DEFENSE OF SECURITY DEPOSIT

Annotation: the work considers the preconditions for the normative fixing of the security deposit as the seventh named method of securing the fulfillment of obligations, the legal definition of the security deposit, concludes that the design of the security deposit at the legislative level

Keywords: fulfillment of obligations, methods of securing obligations, security deposit

Появление института обеспечительного платежа с точки зрения процесса реформирования гражданского законодательства можно назвать неожиданным. Концепция совершенствования общих положений обязательственного права России¹, несмотря на детальную информацию о реформировании наиболее распространенных способов обеспечения исполнения обязательства (залога, поручительства, банковской (впоследствии – независимой) гарантии, неустойки), не упоминала ни о необходимости, ни о возможности позитивации такого нового способа обеспечения, как обеспечительный платеж.

Утвержденная Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации² (далее – Концепция), подготовленная в соответствии с Указом Президента РФ «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации»³, также не содержит сведений об обеспечительном платеже, однако в ней указывается, что «...с начала 90-х годов, когда стало создаваться действующее гражданское законодательство и когда была разработана и принята определяющая его принципиальное содержание часть первая ГК (1994 г.), в стране произошли важные экономические и социальные преобразования, не получившие должного отражения в этом законодательстве» (п. 3 Концепции).

Следует отметить, что в гражданско-правовой практике, в том числе деловой, обеспечительный платеж активно использовался в качестве непоименованного способа обеспечения преимущественно при заключении предварительных договоров. В этом смысле он не является новым, поскольку давно нашел устойчивое применение в экономическом обороте. По справедливому замечанию Д.А. Торкина, «ни один из поименованных в законе способов обеспечения исполнения обязательств не возник в результате научного предложения»⁴. Думается, что это справедливо и для обеспечительного платежа, выработанного гражданским оборотом.

В судебно-арбитражной практике были нередки споры, связанные с исполнением обеспечительного платежа, который стороны спора и суды называли по-разному: обеспечительный взнос⁵, гарантийный отложенный платеж⁶, страховой депозит⁷, предоплата⁸ и др. Имелись упоминания о юридических конструкциях, близких к обеспечительному платежу, и в научной цивилистической литературе. Так, А.В. Латынцев писал об «оборотном задатке»⁹, С. Федоранич – о «невозвратном депозите»¹⁰, Е.Г. Комиссарова и Д.А. Торкин – о «возвратном задатке»¹¹.

Первое общее упоминание об обеспечительном платеже мы находим в проекте ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹². Однако пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»» не разъясняет закрепление нового обеспечительного института.

В любом случае, мы должны констатировать, что до 8 марта 2015 г., даты принятия Федерального закона № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»¹³, ни российское гражданское законодательство в целом, ни ранее действовавший Гражданский кодекс РСФСР в частности не содержали общих положений, регулирующих обеспечительный платеж¹⁴. Интересно отметить, что конструкция обеспечительного платежа не упоминается в качестве поименованного способа обеспечения исполнения обязательств в большинстве зарубежных право порядков¹⁵.

В соответствии с новой ст. 381.1. ГК РФ, денежное обязательство, в том числе обязанность возместить убытки или уплатить неустойку в случае нарушения договора, и обязательство, возникшее по основаниям, предусмотренным пунктом 2 статьи 1062 настоящего Кодекса, по соглашению сторон могут быть обеспечены внесением одной из сторон в пользу другой стороны определенной денежной суммы (обеспечительный платеж). Обеспечительным платежом может быть обеспечено обязательство, которое возникнет в будущем.

Представители юридической науки уже дали положительную оценку рассматриваемой новелле. Так, А.А. Диденко высказал мнение о том, что «появление в ГК РФ отдельной нормы, регулирующей применение обеспечительного платежа, будет способствовать более широкому распространению данного вида обеспечения исполнения обязательств, в том числе и для гарантии исполнения предварительных договоров»¹⁶. В.Г. Голубцов, исследуя нормы, посвященные обеспечительному платежу, справедливо отметил, что «значимость обеспечительного платежа и положительная оценка рассмотренных нововведений не вызывают сомнений»¹⁷.

Считаем актуальным и своевременным легальное признание конструкции обеспечительного платежа на законодательном уровне, оно соответствует идеологии гражданско-правового регулирования¹⁸ в части укрепления защиты интересов участников оборота. Полагаем, что данная новелла будет способствовать формированию корректного понятийного инструментария, который позволит повсеместно использовать (в доктрине и в практической области) гражданско-правовую конструкцию обеспечительного платежа.

Литература

1. Концепция совершенствования общих положений обязательственного права России (проект. Рекомендован Советом к опубликованию в целях обсуждения (протокол № 66 от 26 января 2009 г.) // [Электронный ресурс]. URL: <http://privlaw.ru/soviet-po-kodifikacii/conceptions/> (дата обращения: 01.04.2017 г.).
2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.
3. О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 (ред. от 29.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 29 (ч. 1). Ст. 3482.
4. Торкин Д.А. Непоименованные способы обеспечения обязательств: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 44.
5. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 12.01.2017 № Ф02-7457/2016 по делу № А19-16085/2015 / Документ опубликован не был // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2017 г.).
6. Определение Верховного Суда РФ от 28.07.2016 № 309-ЭС16-9783 по делу № А76-7602/2015/ Документ опубликован не был // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2017 г.).
7. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.05.2015 № Ф09-2914/15 по делу № А76-19392/2014; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 07.12.2009 по делу № А21-1652/2009 / Документ опубликован не был // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2017 г.).
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.11.2016 № 09АП-54914/2016-ГК по делу № А40-97517/16 / Документ опубликован не был // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.02.2017 г.).
9. Латынцев А.В. Обеспечение исполнения договорных обязательств. М.: Лекс-Книга, 2002. С. 216.
10. Федоранич С. Невозвратный депозит // Административное право. 2015. № 1. С. 65–70.
11. Комиссарова Е.Г., Торкин Д.А. Непоименованные способы обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 112–113.
12. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Проект Федерального

- закона № 47538-6 / Документ опубликован не был // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.02.2017 г.).
13. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 08.03.2015 № 42-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.03.2015).
 14. Гражданский кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. (ред. от 26.11.2001) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407; Свод законов РСФСР. Т. 2. С. 7.
 15. Гражданский кодекс Латвийской Республики / Пер. с латыш. И. Алфеевой. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 571; Гражданский кодекс Республики Беларусь. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 409–410; Гражданский кодекс Республики Молдова: с посл. изм. и доп. Кишинев: Lavilat Info, 2013. С. 109–110; Гражданский кодекс Грузии / Пер. с груз. И. Мериджанашвили, И. Чиковани. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 289; Гражданский кодекс Азербайджанской Республики. Баку: Юрид. лит., 2011. С. 270; Гражданский кодекс Республики Казахстан. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 372; Гражданский кодекс Украины Харьков: ООО «Одиссей», 2007. С. 588.
 16. Диденко А.А. Новые правила ГК РФ о способах обеспечения исполнения обязательств // Власть Закона. 2016. № 1. С. 65.
 17. Голубцов В.Г. Обеспечительный платеж в системе способов обеспечения гражданско-правовых обязательств // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 29. С. 51.
 18. Щенникова Л.В. Идеология гражданского законодательства // Законодательство. 2010. № 4. С. 10–13.

Акинфиева В.В.
старший преподаватель кафедры, ПГНИУ
Воронцов С.Г.
к.ю.н., доцент кафедры, ПГНИУ

ЗАЯВЛЕНИЕ ОБ ОТМЕНЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСКА КАК ОДНА ИЗ МЕР ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ЗАИНТЕРЕСОВАННОГО ЛИЦА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в работе рассматриваются способы отмены мер обеспечения иска в арбитражном процессе, а также раскрываются предложенные законом случаи отмены обеспечительных мер в ходе рассмотрения дела, до вынесения решения судом по существу спора и вступления такого решения в силу.

Ключевые слова: обеспечительные меры в арбитражном процессе, заявление об обеспечении иска, способы отмены мер обеспечения иска, заявление об отмене обеспечения иска.

Akinfieva V.V.
Senior lecturer, PSU
Vorontsov S.G.
PhD in Law, Associate professor, PSU

APPLICATION FOR CANCELLATION OF SECURITY OF THE SUIT AS ONE OF MEASURES OF PROTECTION OF INTERESTS OF THE INTERESTED PERSON IN THE ARBITRATION PROCESS

Annotation: in this paper, ways of canceling measures to secure a claim in arbitration proceedings are considered, and also cases of cancellation of interim measures in the course of consideration of a case proposed

before the law, before the court's decision on the merits of the dispute and the entry into force of the decision are disclosed.

Keywords: interim measures in the arbitration process, application for securing the claim, ways to cancel the measures to secure the claim, application for cancellation of the security of the claim.

Применение обеспечительных мер – срочных временных мер в ходе рассмотрения споров в арбитражных судах – весьма распространенная практика, и к таким мерам в основном относятся наложение ареста на денежные средства или иное имущество, запрещение совершения определенных действий в отношении предмета спора, возложение обязанности совершить определенные действия и прочие необходимые и связанные с предметом спора меры.

В соответствии с частью 1 статьи 92 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее по тексту – АПК РФ) заявление об обеспечении иска может быть подано в арбитражный суд одновременно с иском или в процессе производства по делу до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу. Также АПК РФ указывает, что ходатайство об обеспечении иска может быть изложено в исковом заявлении при его подаче.

Согласно части 2 статьи 90 АПК РФ обеспечительные меры допускаются на любой стадии арбитражного процесса, если непринятие этих мер может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта, в том числе, если исполнение судебного акта предполагается за пределами Российской Федерации, а также в целях предотвращения причинения значительного ущерба заявителю.

В соответствии с пунктом 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 г. № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер»² (далее по тексту – Постановление № 55) при применении обеспечительных мер арбитражный суд должен исходить из того, что в соответствии с частью 2 статьи 90 АПК РФ обеспечительные меры допускаются в случае наличия одного из следующих оснований: 1) если непринятие этих мер может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта, в том числе, если исполнение судебного акта предполагается за пределами Российской Федерации; 2) в целях предотвращения причинения значительного ущерба заявителю. Учитывая, что обеспечительные меры применяются при условии обоснованности, арбитражный суд признает заявление стороны о применении обеспечительных мер обоснованным, если имеются доказательства, подтверждающие наличие хотя бы одного из оснований, предусмотренных частью 2 статьи 90 АПК РФ. Согласно пункту 10 Постановления № 55, в соответствии с пунктом 5 части 2 статьи 92 АПК РФ заявитель должен обосновать причины обращения с требованием о применении обеспечительных мер.

Анализ всей главы 8 АПК РФ об обеспечительных мерах, конкретно положений статьи 90 и части 3 статьи 93 АПК РФ позволяет сделать вывод, что основания наложения обеспечительных мер по иску являются и достаточно возможно-

сти затруднения или невозможным исполнением судебного акта. То есть, в определенном смысле, основание обеспечения – это своеобразное предположение (и не факт, что негативное последствие наступит) ходатайствующей об обеспечении стороны или судьи, налагающего обеспечительные меры.

Согласно пункту 1.1 статьи 93 АПК РФ рассмотрение заявления об обеспечении иска арбитражным судом, в производстве которого находится дело, осуществляется судьей единолично не позднее следующего дня после дня поступления заявления в суд без извещения сторон.

Справедливости ради скажем, что особенно на начальной стадии рассмотрения дела в суде, когда судья еще не в полной мере располагает сведениями о характере спора, сути нарушения прав и интересов ходатайствующей об обеспечении стороны, нередки случаи наложения обеспечительных мер при формальном подходе судьи к этому вопросу: имеется право на применение обеспечительных мер, подано ходатайство об обеспечении, имеются формальные доводы ходатайствующей о таких мерах стороны, формально соблюдены основания в соответствии с частью 2 статьи 90 АПК РФ. Например, судом может указываться «ходатайство о принятии обеспечительных мер непосредственно касается предмета спора, является достаточным, обеспечивает фактическую реализацию целей обеспечительных норм, обусловленных основаниями, предусмотренными частью 2 статьи 90 АПК РФ, и подлежит удовлетворению». Однако, в рассматриваемом случае в указанном деле, доводы ходатайствующей о наложении мер обеспечения иска стороны не были основаны на действительности, на знании и понимании предмета оспариваемых отношений, носили надуманный и преувеличенный характер, не приводились доказательства как затруднительности или невозможности исполнения судебного акта по делу в случае непринятия обеспечительных мер, так и возможного причинения значительного ущерба.

В случае наложения обеспечительных мер, в том числе примененных, по мнению стороны, по формальным основаниям, противная сторона в целях защиты своих интересов вынуждена заявлять об их отмене.

Закон предлагает два способа отмены мер обеспечения иска в арбитражном процессе.

Так в соответствии с частью 7 статьи 93 АПК РФ противной стороне предоставляется возможность обжаловать определение арбитражного суда об обеспечении иска. По правилам части 3 статьи 188 АПК РФ обжалование определения арбитражного суда первой инстанции осуществляется в арбитражном суде апелляционной инстанции, по общему правилу в срок, не превышающий месяца со дня вынесения определения³. На практике, такой способ отмены обеспечительных мер достаточно длительный и процессуально громоздкий.

Вторым способом отмены мер обеспечения по иску может послужить предлагаемая статьёй 97 АПК РФ отмена обеспечения иска по ходатайству лица, участвующего в деле самим судом, рассматривающим дело.

Заметим, что в настоящей статье нами рассматриваются случаи отмены обеспечительных мер ещё в ходе рассмотрения дела, до вынесения решения судом по существу спора и вступления такого решения в силу, когда сторонами процесса еще не доказано, «на чьей стороне правда», и когда после вынесения решения становится очевидна целесообразность отмены или сохранения обеспечительных мер до исполнения судебного акта.

Такой способ отмены мер обеспечения встречается в арбитражной практике не редко, однако суды, рассматривающие дело, весьма неохотно отменяют наложенные ими же меры обеспечения, возможно, ввиду того, что такая отмена обеспечения будет своеобразным признанием собственной неправоты судьи при вынесении определения об обеспечении иска первоначально⁴.

В этой связи обратим внимание на используемую Пленумом ВАС РФ формулировку пункта 22 Постановления № 55 *«повторно проверяет наличие оснований, установленных частью 2 статьи 90 АПК РФ»*: ответчик, иные лица, участвующие в деле, а также лица, чьи права и интересы нарушены в результате применения обеспечительных мер, после получения определения арбитражного суда о применении обеспечительных мер вправе обратиться с ходатайством об их отмене в суд, их применивший, в порядке, предусмотренном статьей 97 АПК РФ, представив объяснения по существу примененных мер, на основании которых суд повторно проверяет наличие оснований, установленных частью 2 статьи 90 АПК РФ, и оценивает отношения на соответствие критериям, указанным в пункте 10 Постановления; с учетом сбалансированной оценки доводов заявителя и ответчика суд отказывает в отмене обеспечительных мер либо выносит определение об их отмене.

Как будто логика пункта 22 Постановления № 55 такова: действительно, применяя меры обеспечения по иску, суд может не в полной мере обладать знанием о фактических обстоятельствах и фактах спора, обеспечительные меры являются ускоренным средством защиты, следовательно, для их применения не требуется представления доказательств в объеме, необходимом для обоснования требований и возражений стороны по существу спора (пункт 10 Постановления № 55), и, если подается заявление об отмене примененных ранее мер, подойти к рассматриваемому вопросу следует более обстоятельно и глубже исследовать доводы уже обеих противоборствующих сторон спора.

Уже упомянутое ранее дело № А50-25036/2015 интересно, в том числе, тем, что ответчиком, в отношении которого были применены меры обеспечения по иску, использовались одновременно оба способа защиты своих прав и интересов: сначала было подано заявление об обжаловании определения об обеспечении

иска, затем несколькими днями позднее подано в суд, рассматривающий дело, заявление об отмене обеспечительных мер; заявление было удовлетворено судом в полном объеме и меры обеспечения отменены⁵, в удовлетворении жалобы в апелляционной инстанции было отказано.

Согласно части 2 статьи 97 АПК РФ порядок рассмотрения арбитражным судом, рассматривающим дело, заявления лица, участвующего в деле, об отмене мер обеспечения по иску идентичен порядку рассмотрения ходатайства об обеспечении иска, однако срок рассмотрения более длинный – пять дней, видимо, отмена обеспечения не является для законодателя такой оперативной мерой, какой признается наложение обеспечительных мер.

Так же как и при рассмотрении заявления об обеспечении иска, согласно части 5 статьи 97 АПК РФ определения арбитражного суда об отмене обеспечения иска и об отказе в отмене обеспечения иска могут быть обжалованы.

Отказ в отмене обеспечения иска не препятствует повторному обращению с таким же ходатайством об отмене примененных ранее обеспечительных мер при появлении новых обстоятельств, обосновывающих необходимость отмены обеспечения иска.

Считаем, такой способ защиты прав лица, участвующего в рассмотрении дела в арбитражном процессе, как заявление об отмене обеспечения иска в суде, рассматривающем дело, весьма действенным и применимым на практике, а также продуктивным и отвечающим интересам защиты прав заявителя, если суды будут охотнее и более объективно подходить к «повторной проверке наличия оснований, установленных частью 2 статьи 90 АПК РФ» и не будут бояться отменять обеспечительные меры, которые ранее сами установили.

Литература

1. Первоначальный текст документа опубликован в изданиях «Парламентская газета», № 140-141, 27.07.2002 г.; «Российская газета», № 137, 27.07.2002 г.; «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002 г., № 30, ст. 3012. Действующая редакция опубликована на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> 29.12.2015 г.; «Российская газета», № 297, 31.12.2015 г.; «Собрание законодательства РФ», 04.01.2016 г., № 1 (часть I), ст. 29.
2. О применении арбитражными судами обеспечительных мер: Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 г. № 55 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12 (декабрь).
3. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.04.2016 г. по делу № А50-8447/2015.
4. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 27 февраля 2001 г. по делу № А40-2842/01-120-20.
5. Определение Арбитражного суда Пермского края от 19.11.2015 г. по делу № А50-25036/2015.

Анисимова Н.Н.

студент, ПГНИУ

научный руководитель: Любимова Е.В.

ПРОБЛЕМА ПРЕЮДИЦИИ ТРЕТЕЙСКИХ РЕШЕНИЙ В ПРАКТИКЕ ВЫСШИХ СУДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье исследуется правовая природа третейских решений, автор особое внимание уделяет их преюдициальной характеристике. В работе рассмотрены позиция законодателя и ключевые дела Конституционного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ по этому вопросу. На основе проанализированной информации сделан вывод об отсутствии преюдициальной силы третейских решений. Автор не согласен со сложившейся правоприменительной практикой и видит необходимость внесения соответствующих изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: третейский суд, преюдициальная сила, судебная практика.

Anisimova N.N.

student, PSU

Supervisor: Lyubimova E.V.

THE PREJUDICIAL EFFECT OF THE ARBITRATION DECISIONS IN THE PRACTICE OF THE HIGHER COURTS IN RUSSIA

Annotation: The article presents an analysis of the prejudicial force of the arbitration courts' decisions in Russia. Based mainly upon the practice of the Constitutional Court and the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, the author comes to a conclusion that the decisions in arbitration courts do not have the prejudicial effect. In this regard, the author sees the need to review and modify current legislation.

Keywords: arbitration courts, prejudicial force, judicial practice.

Разрешение споров при помощи такой негосударственной организации, как третейский суд сегодня набирает все большую популярность. В связи с этим актуальным предметом обсуждения становится правовая природа третейских решений, а именно их преюдициальный характер.

Преюдиция – многоаспектная проблема: преюдициальность судебных актов государственных судов по отношению к решениям третейских судов и наоборот, третейских судов по отношению к решениям этого же или иного третейского суда; характеристика субъективных и объективных пределов преюдиции; необходимость защиты прав третьих лиц, возможности процессуальных злоупотреблений, – эти и многие другие вопросы встают перед правоприменителями.

В данной статье будет рассмотрена позиция российского законодателя и высших судов по преюдициальному пределу законной силы третейского решения в отношении судебных актов государственных судов (арбитражных судов и судов общей юрисдикции).

В соответствии со ст. 16 АПК РФ, судебные акты, вступившие в законную силу, исполняются государственными органами, органами местного самоуправления и иными органами, организациями, должностными лицами и гражданами на всей территории РФ в порядке, установленном АПК РФ и федеральным законом. Таким образом, помимо силы, которую имеет судебное решение для лиц, участвующих в деле, оно также имеет определенное значение и для всех субъектов права на территории России. Можно сказать, что судебное решение создает презумпцию действительности тех фактов, которые им установлены, на территории России¹.

Обратимся к практике Федерального Арбитражного Суда Поволжского Округа, в соответствии с которой коллегия отклонила довод заявителя жалобы о нарушении ст. 22 АПК РФ, ссылаясь на то, что третейский суд хоть и не является государственным органом, а его решения относятся к ненормативным актам, но, тем не менее, они подлежат обязательному исполнению на всей территории Российской Федерации (ст. 197 АПК РФ)². Исходя из обязательности исполнения решения третейского суда, можно сделать предположение, что оно обладает законной силой судебных актов. В доктрине традиционно подчеркивается тесная взаимосвязь всех свойств вступившего в законную силу судебного акта. В соответствии с этим, мы выдвигаем гипотезу, что третейское решение обладает и таким свойством как преюдициальность. Преюдициальность – признак (свойство) вступившего в законную силу судебного акта либо признак (свойство) обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным актом³, такие обстоятельства не подлежат повторному доказыванию.

АПК РФ в ст. 69 не перечисляет вступившее в законную силу решение третейского суда в качестве основания освобождения от доказывания, но в то же время АПК РФ содержит нормы, обязывающие арбитражный суд учитывать как возможность рассмотрения дела третейским судом, так и вынесенное последним решение⁴. Таким образом, решению третейского суда (за исключением случаев, указанных в п. 3 ст. 85 АПК РФ) присуще свойство обязательности. Исходя из этого, также имеются основания для вывода, что решение третейского суда обладает преюдициальным характером для арбитражного суда при рассмотрении им другого дела с участием тех же лиц и в связи с тем же материальным правоотношением. Данная позиция поддерживается многими учеными⁵.

Большие надежды на более четкое урегулирование вопроса преюдициальности юридическое сообщество возлагало на новый Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»⁶, но, к сожалению,

нию, законодательная регламентация осталась на прежнем уровне ранее действовавшего Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации»⁷ и не внесла ясность.

Исходя из этого, видится необходимым обратиться к судебной практике высших судов, на которую непосредственно равняются правоприменители, для выяснения правовой природы третейского решения.

Практика Конституционного Суда (далее – КС РФ) стоит на том, что вступившими в законную силу могут быть только решения государственных судов, относящихся к судебной системе Российской Федерации. Данная позиция подтверждена Определением КС РФ от 04 июня 2007 г. N 377-О-О⁸, согласно которому третейский суд не относится, в соответствии со ст. 118 Конституции Российской Федерации, к органам осуществления правосудия.

Конституционный Суд РФ также указывал в нескольких определениях, что «преюдициальными признаются обстоятельства, установленные судебными постановлениями судов общей юрисдикции, но не решениями третейских судов, что соответствует статусу третейских судов как альтернативной формы разрешения гражданско-правовых споров, в рамках которой, как указал КС РФ в Постановлении от 26 мая 2011 года N 10-П⁹, не осуществляется правосудие»¹⁰.

Однако стоит заметить, что вопрос о том, обладают ли решения третейских судов преюдициальной силой, не был предметом рассмотрения Постановления КС РФ N 10-П¹¹. Правовая позиция КС РФ не может считаться в этом случае полностью сформированной, так как мнение, мимоходом высказанное в Постановлении КС РФ N 10-П, о том, что третейские суды не входят в систему судов, осуществляющих правосудие, вряд ли может служить основанием для вывода об отсутствии у решений третейских судов свойства преюдициальности¹².

Необходимо обратить внимание на то, что КС РФ поддерживал и Высший Арбитражный Суд (далее – ВАС РФ). В своих решениях ВАС РФ ссылался на то, что, исходя из п. 4 ч. 1 ст. 107, п. 3 ст. 85 АПК РФ, только законные и обоснованные решения являются для арбитражного суда преюдициальными¹³. Окончательное этот вопрос был разрешен в Постановлении Президиума ВАС РФ № 15554/13 от 11.02.2014, согласно которому обстоятельства, установленные решением третейского суда, не имеют преюдициальной силы при рассмотрении дела арбитражным судом¹⁴.

Подобные выводы были восприняты не только в арбитражных судах¹⁵, но и в судах общей юрисдикции¹⁶.

Тем самым для правоприменительной практики данный вопрос можно считать решенным. Но стоит отметить, что подход законодателя и на его основе выработанные решения КС РФ и ВАС РФ, выглядят непоследовательными, поскольку, предоставляя сторонам возможность разрешить довольно широкий круг споров

посредством третейского разбирательства, фактически заранее ставится под сомнение правильность выводов третейского суда. Хотелось бы заострить внимание на том, что процедура, в которой принимается решение третейского суда и повышенные требования к самому органу третейского разбирательства, особенно в редакции нового Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», обеспечивают необходимый объем гарантий от процессуальных злоупотреблений¹⁷.

Остается надеяться, что российским законодателем будут приняты соответствующие поправки в процессуальные кодексы, направленные на придание преюдициальной силы решениям третейских судов, способные переломить сложившуюся судебную практику.

Литература

1. Гавриленко В.А. Свойство преюдициальности решений третейских судов // Исполнительное право. 2006. Вып. 3 С. 23 – 27.
2. Постановление ФАС Поволжского округа от 04.04.2000 №Вх1850у-5/99 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2017).
3. Сухомлинов А.Н. Преюдиция в арбитражном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. URL: <http://efinf.ru/files/digr-1-2.doc> (дата обращения: 11.03.2017).
4. АПК РФ. Ст. 87 п. 1, п.2; Ст. 85 п.3.
5. Березий А.Е., Мусин В.А. О преюдиции судебных актов // Вестник ВАС РФ. 2001. Вып. 6; Скворцов О. Ю. Проблемы третейского разбирательства предпринимательских споров в России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03, 12.00.15 Санкт-Петербург, 2006. – 435 с.
6. Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2015 №382-ФЗ // Росс. газ. 2015. №297.
7. О третейских судах в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 №102-ФЗ (ред. от 29.12.2015) // Росс. газ. 2002. №137.
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Алтухова Александра Павловича, Алтуховой Галины Федоровны и других на нарушение их конституционных прав частью 1 статьи 4, статьей 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и абзацем шестым пункта 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»: Определение КС РФ от 04.06.2007. №377-О-О // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2017).
9. По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации...: Постановления КС РФ от 26.05.2011. №10-П // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2017).
10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дмитриева Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 61 и 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Определения КС РФ от 28.05.2013. №851-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Санаевой Татьяны Владимировны на нарушение ее конституционных прав статьей 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Определения КС РФ от 25.09.2014. №2136-О // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2017).
11. Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. №4. // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2017).
12. Сергеев А. П., Терещенко Т.А. К вопросу о роли международного арбитражного разбирательства и свойстве преюдициальности решений международного коммерческого арбитража. // Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права: Сборник статей. М.: Статут, 2015. С. 35-41.

13. Определение ВАС РФ от 30 июля 2007 г. №6406/07; Определение ВАС РФ от 08.11.2010 №ВАС-13578/10 по делу №А82-559/2009-8. // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2017).
14. Постановление Президиума ВАС РФ от 11.02.2014 №15554/13 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2017).
15. Постановление ФАС Московского округа от 12.02.2010 №КГ-А40/279-10 по делу №А40-112576/09-69-85; Постановление ФАС Уральского округа от 12.09.2002 №Ф09-1896/02-АК по делу №А71-327/01 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2017).
16. Апелляционное определение Белгородского областного суда от 09.09.2014 №33-3543/2014; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 04.02.2014 №33-1803/2014 по делу №2-4144/2013 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2017).
17. Чухахин И.М. Решение третейского суда: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. С. 29.

Батуева К.Э.
магистрант, НИУ ВШЭ (Пермь)

УЧАСТИЕ ТРЕТЬИХ ЛИЦ БЕЗ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ В РАСПРЕДЕЛЕНИИ СУДЕБНЫХ ИЗДЕРЖЕК

Аннотация: в работе рассмотрены проблемы, связанные с участием третьих лиц без самостоятельных требований при распределении судебных издержек по делу. Автором проанализированы законодательство, регулирующее взыскание судебных издержек, а также практика арбитражных судов в части возможности взыскания судебных издержек как в пользу третьих лиц, так и с указанных участников. В результате автором сделан однозначный вывод о возможности возмещения судебных издержек, понесенных третьими лицами, выявлены условия такой возможности. Кроме того, автором отмечается наличие правовой неопределенности в вопросах взыскания издержек с третьих лиц, а также формулируются предложения по совершенствованию законодательства в отношении указанного вопроса.

Ключевые слова: арбитражный процесс, судебные издержки, третьи лица, оплата услуг представителя.

Batueva K.E.
master student, HSE (Perm)

PARTICIPATION OF INTERVENER WITH ONE OF THE LITIGANTS IN THE APPOINTMENT OF LEGAL COSTS

Annotation: In the theses author examines problems related to participation of intervener with one of the litigants in the appointment of legal costs. Author analyzes legislation regulating collection of legal costs, as well as practice of commercial courts regarding the possibility of claim costs reimbursements both for the benefit of third parties and from the third party. As a result, the author made a firm conclusion about the possibility of claim costs reimbursements for the benefit of third parties, revealed the condition for such a possibility. In addition, author notes the existence of legal uncertainties about the matters of claim costs reimbursements from the third parties and formulates proposals for legislation improvement on this issue.

Keywords: commercial procedure, legal costs, third parties, costs of lawyer.

В соответствии с частью 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом со стороны¹.

Понимая данную норму буквально, можно выделить два момента, имеющих значение для разрешения вопроса о распределении судебных расходов, в том числе издержек на оплату услуг представителя. Во-первых, о взыскании издержек на представителя может заявить лишь то лицо, в пользу которого разрешено дело. Во-вторых, понесенные таким лицом затраты могут быть взысканы только со стороны, то есть истца или ответчика.

Тем не менее, как показывает судебная практика, в распределении судебных расходов могут участвовать не только стороны.

В силу части 2 статьи 50 АПК РФ третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, пользуются правами и несут обязанности истца¹, следовательно, они также могут требовать с «проигравшей» стороны возмещения понесенных ими судебных издержек и с них также могут быть взысканы судебные расходы в пользу ответчика.

Вместе с тем представляется более интересным вопрос о возможности взыскания судебных расходов в пользу третьего лица без самостоятельных требований.

Буквальное прочтение части 2 статьи 51 АПК РФ позволяет сделать вывод, аналогичный изложенному выше: ввиду того, что третьи лица без самостоятельных требований относительно предмета спора пользуются процессуальными правами и несут процессуальные обязанности стороны¹, право (обязанность) участвовать в распределении судебных издержек у них тоже имеется. Однако не все так просто.

Еще в 2007 году Президиумом ВАС РФ в пункте 14 Информационного письма от 05.12.2007 № 121 описана ситуация, в которой третье лицо на стороне истца, не согласившись с решением, которым в иске отказано, понесло судебные издержки в связи с подачей апелляционной жалобы, впоследствии удовлетворенной судом апелляционной инстанции.

Президиум ВАС РФ отметил, что поскольку право на возмещение судебных расходов не поименовано в перечне прав, которые не могут быть реализованы третьими лицами без самостоятельных требований, указанное право у такого лица имеется. При этом третье лицо должно занимать активную роль в процессе и защищать свои права³.

Иными словами, само по себе участие третьего лица в деле и его присутствие в судебном заседании, которое сводится лишь к обеспечению явки представителя, не может быть расценено в качестве активного поведения и не порождает его право на возмещение судебных издержек (в отличие от истца или ответчика,

право на возмещение судебных издержек у которых возникает независимо от степени активности их роли в процессе).

В дальнейшем обозначенная позиция нашла отражение в иных судебных актах ВАС РФ^{4,6}.

Тем не менее, даже после указанных разъяснений некоторые суды продолжали идти по пути непризнания третьих лиц без самостоятельных требований субъектами, участвующими в распределении судебных расходов.

Так, в постановлении ФАС Центрального округа от 09.11.2012 по делу № А14-3803/2011, отмечено, что третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, не могут рассматриваться как лица, в пользу которых принимается судебный акт. Решением суда с данных лиц ничего не взыскивается и им ничего не присуждается⁷.

Таким образом, суд, не отрицая наличия у третьего лица права на участие в распределении издержек на представителя (поскольку такое право не входит в ряд перечисленных в статье 51 АПК РФ исключений), указывает, что затраты на представителя подлежат возмещению лишь тому участнику разбирательства, в пользу которого принят судебный акт.

Вряд ли такой подход можно признать обоснованным и соответствующим как общим принципам права, так и разъяснениям Президиума ВАС РФ.

Представляется допустимым вынесение судебного акта не только в пользу стороны, но и в пользу третьего лица, что может быть установлено из обстоятельств конкретного дела.

Так, в деле № А50-10889/2010 открытым акционерным обществом «Территориальная генерирующая компания № 9» (далее – общество) оспаривалось предписание Управления федеральной антимонопольной службы по Пермскому краю (далее – управление), вынесенное в интересах товарищества собственников жилья «Комсомольский проспект-77» (далее – товарищество). Товарищество привлечено к участию в деле в качестве третьего лица без самостоятельных требований относительно предмета спора. Судом первой инстанции требования общества удовлетворены, предписание управления признано недействительным. Не согласившись с решением, товарищество подало апелляционную жалобу. Судом апелляционной инстанции решение отменено в связи с отказом общества от заявленных требований, производство по делу прекращено⁴.

Данный пример интересен еще и тем, что по делу не выносились решения ни об удовлетворении требований, ни об отказе в иске.

Тем не менее, когда товарищество заявило о взыскании с общества расходов на оплату услуг представителя, суд такое заявление удовлетворил, обратив внимание не только на активное процессуальное поведение третьего лица (подача жалобы), но и на то, что дело по сути разрешено в пользу товарищества.

Президиум ВАС РФ указал, что в результате отказа общества от иска в суде апелляционной инстанции предписание антимонопольного органа оставлено без изменения. Поскольку не признанное недействительным в установленном порядке предписание антимонопольного органа вынесено в защиту интересов товарищества, в данном случае имеются основания считать, что судебный акт состоялся и в пользу товарищества.

В итоге, установив оба момента (вынесение судебного акта в пользу третьего лица и его активное процессуальное поведение), суд взыскал судебные издержки с общества с пользу товарищества.

Возможно в пункте 14 Информационного письма от 05.12.2007 № 121³ действительно не отражен один важный момент.

Видится необходимым отметить, что третье лицо без самостоятельных требований может рассчитывать на возмещение судебных расходов при совокупности двух условий:

- 1) оно должно занимать активную роль в процессе;
- 2) дело должно быть разрешено в пользу той стороны, позицию которой поддерживало это третье лицо.

Именно эти два критерия позднее закреплены в пункте 6 Постановления от 21.01.2016 № 1 Пленума Верховного Суда РФ² и теперь право третьего лица на взыскание с иного участвующего в деле лица затрат на юридические услуги не вызывает вопросов.

Вместе с тем, перечисленные выше разъяснения затрагивают проблему лишь с одной стороны: право третьего лица на возмещение понесенных им судебных издержек.

Но возможна и обратная ситуация, когда стороной заявляется о взыскании судебных расходов с третьего лица без самостоятельных требований.

Несмотря на то, что в части 2 статьи 51 АПК РФ прямо прописано то, что третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, пользуются правами и несут обязанности стороны¹, в судебной практике вопрос об обязанности третьего лица возместить издержки по оплате юридических услуг является достаточно дискуссионным. Причины видятся в следующем.

Если исходить из буквального толкования части 1 статьи 110 АПК РФ¹, в которой закреплено, что судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом со стороны, то есть с истца или с ответчика, то в таком случае возможность взыскания судебных расходов с третьего лица исключена, поскольку оно не является стороной по делу⁹.

Между тем частью 2 статьи 110 АПК РФ установлено, что расходы на оплату услуг представителя, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт,

взыскиваются арбитражным судом с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах¹. Ввиду того, что третье лицо является участвующим в деле лицом, то с него также могут быть взысканы судебные расходы^{5,8}.

Обозначенная коллизия порождает правовую неопределенность и неоднозначное толкование судами норм арбитражного процессуального закона. На практике случаи необходимости взыскания с третьего лица судебных расходов возникают нечасто. Тем не менее, это имеет значение в том случае, когда, например, «проигравшая» спор сторона не платежеспособна, вместе с тем указанное не должно ущемлять прав другой стороны на покрытие ее издержек.

Итак, необходимо отметить, что целью компенсации судебных расходов является восстановление денежных потерь лицу в связи с его участием в деле. Такие потери могут быть возмещены не только истцу или ответчику, но и третьему лицу. При этом для возможности присуждения судебных издержек третьему лицу без самостоятельных требований необходимо, что бы итоговый судебный акт состоялся в пользу той стороны, интересы которой это третье лицо разделяло. Кроме того, суд должен установить то, что третье лицо принимало активное участие в ходе процесса, что привело к вынесению решения фактически в его пользу.

Ситуация по взысканию издержек в пользу третьего лица с другого участвующего в деле лица описана в Постановлении Пленума ВС РФ². Но вопрос о взыскании с третьего лица расходов в пользу одной из сторон до сих пор не урегулирован ни на законодательном уровне, ни на уровне разъяснений высшей судебной инстанции. Причины неоднозначного толкования кроются в наличии в статье 110 АПК РФ существенного недостатка: несоответствие друг другу формулировок части 1 и части 2 названной статьи.

Думается, однако, что если есть право (на возмещение судебных издержек), то должна быть и обязанность (по возмещению судебных издержек). И, возможно, пункт 6 Постановления Пленума ВС РФ от 21.01.2016 № 1 стоит расширить, добавив следующее: «судебные издержки могут быть взысканы с третьих лиц, участвовавших в деле на стороне, не в пользу которой принят судебный акт по делу, при условии того, что названные третьи лица своим активным поведением оказывали влияние на ход процесса и, как следствие, увеличивали размер издержек сторон».

Также предлагается часть 1 статьи 110 АПК РФ сформулировать следующим образом «Судебные расходы, понесенные лицом, участвующим в деле, в пользу которого принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом с другого участвующего в деле лица, не в пользу которого принят судебный акт».

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.02.2016) // Российская газета. 27.07.2002. № 137.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Российская газета. 01.03.2016. № 43.

3. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 05.12.2007 № 121 «Обзор судебной практики по вопросам, связанным с распределением между сторонами судебных расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, выступающих в качестве представителей в арбитражных судах» // Официальный сайт Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/vas_info_letter/18473.html (дата обращения: 20.02.2017).
4. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 07.06.2012 № 14592/11 по делу № А50-10889/2010 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2017).
5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 04.02.2014 № 15112/13 по делу № А12-11341/2011 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2017).
6. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15.08.2013 № ВАС-16914/12 по делу № А13-14992/2011 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2017).
7. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 09.11.2012 по делу № А14-3803/2011 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2017).
8. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 20.05.2013 по делу № А07-9507/2011 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2017).
9. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 23.05.2013 по делу № А51-17480/2011 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2017).

Безоян А.Г.
магистрант, ПГНИУ

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ПРОИЗВОДСТВА ДЕЛ О ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ БАНКРОТСТВЕ В РФ

Аннотация: действующее законодательство РФ, регулирующее производство в Арбитражных судах дел о несостоятельности (банкротстве) физических лиц не содержит специальных принципов такого производства, учитывающих права и охраняемые законом интересы граждан, особенности его статуса в арбитражном процессе, а также особый публичный характер дел о несостоятельности (банкротстве). В связи с чем, в условиях отсутствия системы правового регулирования, отсутствует единообразная правоприменительная практика, а также допускаются существенные нарушения материального и процессуального права.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство) физических лиц, потребительское банкротство, принципы потребительского банкротства.

Bezoyan A.G.
master student, PSU

TO THE QUESTION ON THE PRINCIPLES OF CASES ON CONSUMER BANKRUPTCY IN RUSSIA

Annotation: Current Russian legislation regulating the production of individuals in courts of arbitration insolvency (bankruptcy) contains no special principles of this production, taking into account the rights and lawful interests of citizens, especially its status in the proceedings, as well as a special public nature of insolvency

(bankruptcy). In this connection, in the absence of legal regulation of the system, there is no uniform legal practice, and allowed significant violations of substantive and procedural law.

Keywords: insolvency (bankruptcy) of individuals, consumer bankruptcy, consumer bankruptcy principles.

В российской правовой доктрине, еще до легитимизации производства по делам о несостоятельности (банкротстве) физических лиц в арбитражных судах Российской Федерации остро обсуждались проблемы и особенности такого института.

Однако, несмотря на такой интерес к институту, за непродолжительное время его практического применения выработать единую практику правоприменителю не удалось. И связано это в первую очередь с особенностями этого нового института, которые, хотя и были признаны, однако не были учтены законодателем при его легитимации.

В связи с чем очевидно, что введение такого сложного института приводит к многочисленным трудностям. К примеру, формирование конкурсной массы гражданина, когда-либо состоящего в браке, - одна из самых сложных задач в процедуре банкротства физического лица⁵.

Вместе с тем, в первую очередь особенности потребительского банкротства вытекают из правового и процессуального статуса физического лица в арбитражном процессе.

Так, в связи с отсутствием у гражданина статуса субъекта предпринимательской и (или) иной экономической деятельности, признание его профессиональным участником рынка товаров и услуг не представляется возможным.

В свою очередь, разграничение гражданского процессуального и арбитражного процессуального права России в первую очередь осуществляется по признаку субъектного состава, согласно которому стороны арбитражного процесса признаются квалифицированными экономическими субъектами.

Таким образом, правовой и процессуальный статус физического лица в арбитражном процессе является исключительным, не свойственным, и, как результат, не защищенным.

Только в случаях, когда гражданин выступает в качестве поручителя в отношении с должником-коммерсантом (здесь деятельность гражданина приобретает экономический характер), у арбитражного суда возникает основание для разрешения соответствующего спора, независимо от статуса такого физического лица³.

Аналогичная позиция была высказана Высшим Арбитражным Судом РФ в Постановлении Пленума ВАС РФ от 12.07.2012 N42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством»⁷.

Установление же для процедур потребительского банкротства исключительной подведомственности арбитражных судов было продиктовано не столько статусом физического лица (скорее в противоречии со статусом гражданина), сколько объективной необходимостью в условиях современной правовой действительности.

Далее, особый, исключительный статус гражданина в арбитражном процессе требует не только признания его неравенства по отношению к остальным участникам процесса, но и ограничения арбитражно-правового принципа состязательности сторон¹ принципом активного участия суда в процессе.

Еще одной особенностью производства дел о несостоятельности (банкротстве) является публичный характер рассматриваемой категории дел.

Как справедливо отмечает Конституционный Суд РФ, в силу различных, зачастую диаметрально противоположных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, законодатель должен гарантировать баланс их прав и законных интересов, что, собственно, и является публично-правовой целью института банкротства⁶.

В связи со сказанным, при урегулировании проблем института потребительского банкротства применение одних лишь мер гражданско-правового характера не всегда является достаточным.

Через призму особенностей института потребительского банкротства становится очевидным и необходимым применение комплексного подхода, включающего в себя как частноправовую инициативу субъектов, так и меры публично-правового характера⁴.

Обеспечение же баланса частноправовых и публично-правовых интересов при урегулировании института несостоятельности (банкротства) физических лиц должно быть возложено на правоприменителя.

С учетом всего вышеизложенного, возникает вопрос - насколько действующие общие принципы арбитражного и гражданского процессуального права способны учесть, систематизировать и эффективно урегулировать указанные специфические черты потребительского банкротства, и обеспечить единообразную правоприменительную практику.

С учетом того, что в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) могут рассматриваться самостоятельные требования, как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах (при этом следует учитывать, что принципы АПК РФ и ГПК РФ не могут быть применены одновременно, а в ряде случаев противоречат друг другу), становится очевидным и необходимым закрепление специальных принципов потребительского банкротства в соответствующем Федеральном законе о несостоятельности (банкротстве) №127-ФЗ от 26.10.2002 г². Сказанное не ограничивает возможность закрепления в арбитражном процессуальном законе бланкетной нормы идентичного характера и содержания.

Данная мера позволит успешно применять такие специальные принципы арбитражными судами и судами общей юрисдикции РФ в соответствующих случаях.

Анализируемая система принципов должна быть направлена на обеспечение баланса интересов участников потребительского банкротства с одной стороны, и возможность судебного контроля с другой стороны.

Такая мера способна без массивного и крупномасштабного изменения законодательства о несостоятельности (банкротстве) достичь возложенных на нее целей и задач.

Однако установление и закрепление системы принципов потребительского банкротства потребует от доктрины и правоприменителя комплексного теоретического анализа и разработки.

В частности, к одним из принципов потребительского банкротства следует отнести принципы активного участия арбитражного суда в процессе, недопущения смешения общего имущества супругов, возможность совместного банкротства супругов в рамках одного банкротного процесса, возможность взаимозачета требований кредитора и должника-гражданина в некоторых случаях и пр.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 №95-ФЗ (в ред. от 19.12.2016) // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. №30. Ст. 3012.
2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. №43. Ст. 4190.
3. Бычков А.И. Актуальные проблемы судебного разбирательства. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 480 с.
4. Голубцов В.Г., Кондратьева К.С., Сыропятова Н.В. Обеспечение баланса частноправового и публично-правового регулирования в процессе предупреждения банкротства с использованием мер, направленных на стимулирование должника к надлежащему исполнению обязательств // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. №2(24). С. 62-74.
5. Хлюстов П. «Потребительское» банкротство // ЭЖ-Юрист. 2016. №2. С. 23-34.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Аветян Анаит Патвакановны на нарушение ее конституционных прав абзацем первым пункта 1 статьи 50.20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций»: Определение Конституционного Суда РФ 25 сентября 2014 г. №2123-О. [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
7. О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством: Постановление Пленума ВАС РФ №42 от 12 июля 2012 г. // Экономика и жизнь. 2012. №34.

Бикбова Т.И.

студент, ПГНИУ

Научный руководитель: Кондратьева К.С.

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ВВЕДЕНИИ ФИНАНСОВОГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ

Аннотация: статья основана на нормах российского законодательства, посвященных финансовому оздоровлению. В статье раскрываются некоторые проблемы, возникающие при введении данной процедуры в деле о банкротстве должника-юридического лица. Рассмотрена статистика применения финансового оздоровления в деле о банкротстве должника-юридического лица.

Ключевые слова: арбитражный процесс, банкротство юридического лица, финансовое оздоровление.

PROBLEMS ARISING FROM INTRODUCING FINANCIAL REHABILITATION

Annotation: The article is based on the norms of the Russian legislation dealing with financial recovery. The article describes some of the problems arising from the introduction of financial recovery procedures. The statistics of the application of financial recovery in the bankruptcy case of the debtor-legal entity was considered.

Keywords: arbitration process, bankruptcy of a legal entity, financial recovery.

Финансовое оздоровление является одной из реабилитационных (восстановительных) процедур, применяемых в деле о банкротстве должника-юридического лица. Согласно ст. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве) под финансовым оздоровлением следует понимать процедуру, применяемую в деле о банкротстве к должнику в целях восстановления его платежеспособности и погашения задолженности в соответствии с графиком погашения задолженности.

Особенностью данной процедуры является то, что именно в финансовом оздоровлении в отличие от остальных процедур, применяемых в деле о банкротстве должника-юридического лица, наиболее отчетливо прослеживается наличие двух целей российского законодательства о несостоятельности (банкротстве):

– реабилитационная цель, направленная на восстановление платежеспособности должника (цель публично-правового характера);

– цель наиболее полного и соразмерного удовлетворения требований кредиторов за счет собственных ресурсов должника или предоставленного обеспечения исполнения обязательств (удовлетворение частных экономических интересов)².

Процедура финансового оздоровления является нововведением российского законодателя, в иностранном законодательстве о банкротстве такой институт отсутствует. При этом в настоящее время финансовое оздоровление является невостребованной процедурой. Например, в 2014 году финансовое оздоровление было введено по 58 из 35583 дел, при этом определение о прекращении производства по делу в связи с погашением задолженности было вынесено в отношении 4 дел³. В 2015 году только по 68 из 41040 заявлений о признании должников несостоятельными (банкротами), принятых к производству арбитражными судами Российской Федерации, проводилась процедура финансового оздоровления, ни по одному из них задолженность не была погашена⁴. В 1 полугодии 2016 года такая процедура вводилась по 76 делам из 29959, при этом ни по одному из них производство по делу не было прекращено в связи с погашением задолженности⁵.

Можно предположить, что к неэффективности данного института банкротства приводит тот факт, что «Закон о банкротстве по общему правилу не предусматривает обязанность публичных властей осуществлять мероприятия по содействию конкретным предприятиям (за некоторыми исключениями, о которых будет сказано ниже) в восстановлении платежеспособности. ... Если говорить об обязанностях публичных властей (государственных органов и органов местного самоуправления) оказывать государственную поддержку с целью предупреждения банкротства предприятий, то такая обязанность предусмотрена только в отношении стратегических монополий, субъектов естественных монополий топливно-энергетического комплекса, градообразующих предприятий, а также кредитных организаций. В отношении иных субъектов коммерческого оборота обязанности публичных властей оказывать какую-либо помощь реабилитационного характера не предусмотрено»⁶.

Какие же недостатки правового регулирования можно выделить при введении финансового оздоровления?

Во-первых, финансовое оздоровление вводится арбитражным судом на основании решения собрания кредиторов либо по собственной инициативе в двух случаях, предусмотренных пунктами 2 и 3 ст. 75 Закона о банкротстве. Исходя из буквального толкования данной нормы можно сделать вывод, что при наличии ходатайства собрания кредиторов о введении финансового оздоровления суд не имеет права рассматривать целесообразность введения данной процедуры, не может ввести иную процедуру, суд связан данным решением собрания кредиторов. Однако, думается, что толковать так данную норму нельзя, поскольку при применении норм института банкротства суд всегда придерживается принципа баланса частных и публичных интересов, не забывает о ранее выделенных целях института банкротства.

Во-вторых, п. 1 ст. 76 Закона о банкротстве устанавливает круг лиц, которые имеют право на обращение с ходатайством к первому собранию кредиторов либо в случаях, установленных законом, к арбитражному суду: учредители (участники) должника, собственник имущества должника – унитарного предприятия, третьи лица. При этом такими третьими лицами могут выступать сами кредиторы должника, так как закон не содержит такого запрета. Думается, наделение третьих лиц таким правом со стороны законодателя нецелесообразно, «поскольку может привести к злоупотреблению правом для получения контроля над имуществом должника и его органами управления»⁷.

В-третьих, ходатайство о введении финансового оздоровления и прилагаемые к нему документы должны быть предоставлены не позднее чем за 15 дней до даты проведения первого собрания кредиторов временному управляющему и в арбитражный суд (п. 2 ст. 76 Закона о банкротстве). Однако в соответствии с п. 34 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от

15.12.2004 № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»⁸ пропуск данного срока не является препятствием для принятия решения о введении процедуры финансового оздоровления. Таким образом, законодателю следовало бы изменить данную норму, поскольку 15-дневный срок перестал быть пресекательным.

Кроме того, при финансовом оздоровлении всегда разрабатывается график погашения задолженности, определяющий очередность и сроки погашения задолженности, а в случае отсутствия обеспечения исполнения должником обязательств также разрабатывается план финансового оздоровления. Закон не дает ответа на вопрос о соотношении указанных двух документов в случае их противоречия между собой. Думается, что приоритетом обладает график погашения задолженности, так как он утверждается арбитражным судом и является более детальным.

Также п. 1 ст. 79 Закона о банкротстве содержит неисчерпывающий перечень предметов обеспечения исполнения должником обязательств: залог (ипотека), независимая гарантия, государственная или муниципальная гарантия, поручительство, иные способы, не противоречащие Закону о банкротстве. Также в данном пункте определено, что не может выступать в качестве предмета обеспечения исполнения должником обязательств. Думается, законодателю следует установить критерии для определения возможных предметов обеспечения исполнения обязательств должником либо закрытый перечень таких предметов, так как на практике суды слишком широко толкуют данную норму. Например, определением Арбитражного суда г. Москвы от 10.06.2013 по делу № А40-106235/2012⁹ гарантийное письмо о погашении задолженности перед кредиторами согласно плану финансового оздоровления от учредителя должника и справка банка о наличии денежных средств на счете учредителя должника признано надлежащим обеспечением исполнения должником обязательств.

В случаях, указанных в п. 2 ст. 82 Закона о банкротстве, суд может отстранить руководителя должника от должности в порядке, предусмотренном ст. 69 Закона о банкротстве. В данном случае возникают два проблемных вопроса: каковы критерии, при наличии которых руководитель должника должен быть отстранен от занимаемой им должности, а также кто будет исполнять обязанности руководителя должника в случае, если все заместители руководителя и все работники должника откажутся от исполнения обязанностей руководителя должника (в ситуации непредставления представителем учредителей (участников) должника или иным коллегиальным органом управления, представителем собственника имущества должника – унитарного предприятия такой кандидатуры арбитражному суду)?

В данной работе выявлены лишь некоторые проблемные вопросы, встречающиеся в правовом регулировании процедуры финансового оздоровления. Думается, что требуется законодательная доработка данного института для повышения возможности эффективного его использования.

Литература

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. Ст.4190; Парламентская газета. № 209-210. 02.11.2002; Российская газета. № 209-210. 02.11.2002.
2. См.: Бородкин В.Г. Введение финансового оздоровления и столкновение конкурирующих интересов // Право и экономика. 2014. N 11. С. 25 - 29.
3. Отчёт о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по рассмотрению дел о банкротстве в 2014 году // URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2014/Otchet_o_rabote_arbitrazhnyh_sudov_subektov_RF_po_delam_o_bankrotstve.xls (дата обращения: 27.03.2017).
4. Отчёт о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по рассмотрению дел о банкротстве в 2015 году // URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015/AC1a_2015.xls (дата обращения: 27.03.2017).
5. Отчёт о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по рассмотрению дел о банкротстве за 1 полугодие 2016 г. // URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/AC1a_svod_1-2016.xls (дата обращения: 27.03.2017).
6. Скворцов О.Ю. Теоретические и практические проблемы применения процедуры финансового оздоровления в деле о несостоятельности (банкротстве) // Известия вузов. Правоведение. 2010. № 2. С. 93–100.
7. Кондратьева К.С. Гражданско-правовое регулирование предупреждения банкротства юридического лица в России : монография / К.С. Кондратьева; Перм. гос. ун-т.–Пермь, 2007. С. 98.
8. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15.12.2004 № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Хозяйство и право. № 2. 2005; Специальное приложение к «Вестнику ВАС РФ». № 12. 2005.
9. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 10.06.2013 по делу № А40-106235/2012 // URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/333bb603-cfe6-4a8a-9880-847d75ed7b7d/A40-106235-2012_20130610_Opredelenie.pdf (дата обращения: 27.03.2017).

Гаврюсов А.В.

студент, ПГНИУ

Научный руководитель: Латыпов Д.Н.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИНСТИТУТА НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ПРАВЕ

Аннотация: в работе обращено внимание на проблемные вопросы института непреодолимой силы в российской гражданском праве. Анализируются позиции ученых о понятии непреодолимой силы и его содержания, которые являются спорными в доктрине. Уделяется внимание позициям высших судов по вопросам отнесения обстоятельств к непреодолимой силе, и раскрываются некоторые положения актуального Пленума ВС РФ, посвященного проблеме форс-мажорных обстоятельств.

Ключевые слова: непреодолимая сила, форс-мажорные обстоятельства, гражданско-правовая ответственность.

ON SOME PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF FORCE-FORCED POWER IN THE OBLIGATORY RIGHT

Annotation: The paper drew attention to the problems associated with the use of force majeure in Russian civil law. Analyzed are the positions of scientists on the concept of force majeure and its content, which are controversial in doctrine. Attention is paid to the positions of higher courts on issues of attribution of circumstances to force majeure, and some provisions of the actual Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the issue of force majeure circumstances are disclosed.

Keywords: irresistible force, force majeure, civil liability.

Институт непреодолимой силы, как чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях обстоятельства¹, исключаящие ответственность должника (предпринимателя) за неисполнение обязательства, был выработан еще римским правом. Римские юристы рассматривали непреодолимую силу в сравнении со случаем и детерминировали ее как «случай непредотвратимый, которому невозможно противостоять»². При этом возникает вопрос об уровне разработанности данного института в настоящее время и степени его непротиворечивости в современной правоприменительной деятельности. Нельзя не затронуть и теоретико-практическую сторону проблем непреодолимой силы, т.е. является ли эта проблема доктринальной или же и на практике существуют вопросы применения данного института.

В юридической литературе существует вопрос о значении непреодолимой силы. В учебных материалах ученые говорят об освобождении от ответственности причинителя вреда³, т.е. о полной элиминации мер гражданско-правовой ответственности и об исключении этой ответственности⁴. Головин Н.М., ссылаясь на работу Богданова Д.В., приводит разграничение этих двух понятий и подчеркивает, что данные институты не тождественны: «безусловное и окончательное» освобождение как наличие особых обстоятельств, препятствующих реализации гражданско-правовой ответственности, при наличии всех элементов состава правонарушения, а исключение как «избавление от привлечения к ответственности», вследствие отсутствия некоторых элементов такого состава⁵. Из вышеназванного вытекает еще одна проблема при определении действия форс-мажорных обстоятельств – какое обстоятельство учитывать суду при определении освобождения от гражданско-правовой ответственности или ее исключения – действие непреодолимой силы или отсутствие в неисполнении обязательства вины должника.

Вышеуказанная правовая ситуация подробно описана в работе Кузнецовой О.А. о соотношении случая (отсутствия вины) и непреодолимой силы на

примере ответственности сельхозпроизводителя. Анализируя судебную практику по делам о неисполнении обязательств сельхозпроизводителями вследствие действия сложных погодных явлений, ученый приходит к выводу о том, что суды различно оценивают чрезвычайные и исключительные природные обстоятельства⁶. Во-первых, как действие непреодолимой силы, и на этом основании должник освобождается от гражданско-правовой ответственности. Во-вторых, рассматривают эти явления как свидетельство невиновности субъектов предпринимательской деятельности. Говоря о сложности разграничения категорий случая и непреодолимой силы, Кузнецова О.А. говорит о «непрозрачности критериев» различия этих институтов, установленных законом, что впоследствии приводит к обоснованию судом отсутствия ответственности сразу по двум этим основаниям. Данное положение дел является признаком недосказанности законодателя о применении этих институтов. В этой работе присутствует также важное положение об ошибке в смешении норм, освобождающих от ответственности, - противоречие в последовательности использования непреодолимой силы и признания отсутствия вины (исключение необходимости доказывать невиновность лица при доказанности непреодолимой силы). Присутствуют также позиции о возможности доказывания сельхозпроизводителем своей невиновности при отсутствии обстоятельств непреодолимой силы и опровержения вины «только после установления факта противоправного поведения».

Трудным вопросом остается и содержание, которое вложил законодатель в понятие «непреодолимой силы», т.е. отсутствует перечень обстоятельств, которые могут признаваться чрезвычайными и непредотвратимыми. Тем самым в юридической литературе и судебной практике сложилось неоднозначное понимание нормы о непреодолимой силе. В учебном курсе гражданского права Гонгалло Б.М. выделяет 2 группы форс-мажорных обстоятельств: природные явления и социальные явления (войны, забастовки)⁵. Девлятшина М. помимо природных катаклизмов выделяет также «действия правительств государств» (принятие нормативных правовых актов, существенно изменяющих условия ведения деятельности предпринимателей, «запрещающие или ограничивающие оборот товаров, работ и услуг»)⁷. Хотя Буркова А.Ю. в своем труде, ссылаясь на определение ВАС РФ, прямо указывает, что изменения законодательства к обстоятельствам непреодолимой силы не относятся⁸. Уже на данном этапе можно заметить противоречивость выводов ученых и практиков об отнесении к форс-мажорным обстоятельствам тех или иных событий и явлений. Государственная Дума РФ и Верховный Суд РФ восполняют содержание данной нормы частными случаями, а именно обстоятельствами, которые в любом случае не могут освобождать предпринимателей от ответственности за неисполнение обязательств.

Законодатель в п.3 ст. 401 ГК РФ, где дает понятие непреодолимой силе, также называет 3 частных случая, которые не будут подпадать под действие вышеназванной нормы («нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств»). Но этот перечень не является закрытым. В постановлениях и решениях государственных органов, а также правовых позициях ВС РФ и ВАС РФ приведены и некоторые другие обстоятельства, в связи с которыми ответственность должника не может исключаться. В частности: банкротство⁹, кража¹⁰, сбой программного обеспечения банка¹¹, неправомерные действия представителей¹². Поэтому стадийное усложнение понятия непреодолимой силы обстоятельствами, которые ею не являются, представляется нерациональным и сложным для участников гражданского оборота, т.к. для полного понимания, признает ли государство данное обстоятельство форс-мажорным, необходимо изучить не только ГК, но и Постановления Пленума, определения и обзоры ВС РФ и бывшего ВАС РФ.

Относительно недавно ВС РФ попытался растолковать норму о непреодолимой силе в Постановлении Пленума ВС РФ от 24.03.2016 N 7¹³, оценку которому уже дали некоторые юристы. Хлюстов П., анализируя вышеназванное постановление, отмечает не достижение ясности формулировок непреодолимой силы, повторное определение форс-мажорных обстоятельств по букве закона и не раскрытие признаков, призванных отметить фактически конкретные обстоятельства в качестве непреодолимой силы. Обращаясь к наднациональному праву, а именно Принципам международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА)¹⁴, Хлюстов П. приводит критерии, разграничивающие действие предпринимательского риска и непреодолимой силы – отсутствие контроля со стороны договора за обстоятельствами, являющимися непреодолимыми и выход их за круг обстоятельств, относящихся к обычному хозяйственному риску. Показательный пример несовершенства понятия непреодолимой силы и в международной практике приводит и Буркова А.Ю.⁸ – Совет Европы отметил, что наводнение, произошедшее в конкретном регионе 69 лет назад, не признается форс-мажорным обстоятельством, т.к. сторона могла предвидеть повторное наводнение, что, на наш взгляд, вызывает глубокие сомнения.

Таким образом, можно сделать вывод о неполной разработанности понятия непреодолимой силы, что создает проблемы в правоприменительной практике, а также во многом лишает предпринимателей ясности в вопросе возможности освобождения от ответственности ввиду отсутствия четко и однозначно сформулированных оснований для такого освобождения. Законодателю необходимо закрепить критерии (не исключая уже существующих) отнесения обстоятельств к непреодолимой силе в самом Гражданском Кодексе, но никак не ограничиваться правовыми позициями высших судов, которые также далеки от

совершенства. Такими критериями помимо исключительности, выхода за пределы обыденных условий гражданского оборота могут стать – объективная невозможность предпринимателя предвидеть наступление обстоятельств непреодолимой силы (поэтому ВС РФ исключает банкротство организации из обстоятельств непреодолимой силы), воздействовать на их течение своими волевыми действиями (применительно к краже, когда субъект не проявляет необходимую степень осмотрительности, чтобы предотвратить ее), а также чужими (в отношении неправомерных действий представителя, когда признак субъективного поведения представителя не позволяет относить это обстоятельство к непреодолимой силе). Возможно также, что законодатель пойдет по пути закрепления на уровне закона групп или видов обстоятельств непреодолимой силы в целях унификации практики применения института непреодолимой силы на территории РФ.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
2. Римское частное право: Учебник / Под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. - М.: Юриспруденция, 2000. - 448 с.
3. Гражданское право: Учебник: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.; под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 1. 511 с.
4. Международное частное право: учебник: в 2 т. / Е.А. Абросимова, А.В. Асосков, А.В. Банковский и др.; отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. М.: Статут, 2015. Т. 2: Особенная часть. 764 с.
5. Головин Н.М. Место категории непреодолимой силы в понятийном аппарате гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. N 1. С. 125 - 134.
6. Кузнецова О.А. Соотношение противоправности, вины и непреодолимой силы на примере ответственности сельхозпроизводителя // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. N 2. С. 127 - 139.
7. Девлятина М. Защита от непреодолимой силы // ЭЖ-Юрист. 2016. N 4. С. 12.
8. Буркова А.Ю. Форс-мажорные обстоятельства в коммерческих отношениях // Законодательство и экономика. 2015. N 3. С. 55 - 59.
9. Определение Верховного Суда РФ от 06.12.2005 N 49-В05-19 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Постановление Президиума ВАС РФ от 09.06.1998 N 6168/97 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2015) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 07.02.2017) // Российская газета, N 70, 04.04.2016.
13. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 07.02.2017) // Российская газета, N 70, 04.04.2016.
14. Хлюстов П. Справился ли ВС РФ с непреодолимой силой? // ЭЖ-Юрист. 2016. N 14. С. 5.

Гилева Ю.В.

студент, НИУ ВШЭ (Пермь)

Научный руководитель: Любимова Е.В.

ПРИКАЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: СРАВНЕНИЕ

Аннотация: в статье речь идет о процедуре вынесения судебного приказа в гражданском и арбитражном процессе. Авторами отмечены отличия и сходства приказного производства в видах судебного процесса. Сформулирован вывод о достоинствах введения судебного приказа в арбитражный процесс.

Ключевые слова: судебный приказ, гражданский процесс, арбитражный процесс.

Gileva Yu.V.

Student, HSE (Perm)

Supervisor: Lyubimova E.V.

THE COURT ORDER IN CIVIL AND ARBITRAL TRIAL: COMPARISON

Annotation: the article tells about the procedure for issuing the court order. There is a focus on similarities and differences of the court order process in civil and arbitral trials. Authors refer and conclude the benefits of the new form of trial – the court order – in arbitral litigation.

Keywords: court order, civil trial, arbitral litigation.

Пунктом 14 статьи 1 Федерального закона от 2 марта 2016 г. N 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» в Арбитражный процессуальный кодекс была введена глава 29.1 о приказном производстве. Данное нововведение стало поистине резонансным в юридической общественности, было высказано множество мнений о пользе данного института, о недостатках, и конечно, судебный приказ в арбитражном процессе подвергается сравнению с гражданским процессом. Рассмотрим основные сходства и различия приказного производства в данных видах судопроизводства.

Суть приказного производства состоит в его особом – упрощенном и ускоренном характере, когда судья выносит судебный акт лишь на основании заявления взыскателя и представленных им документов, без вызова сторон в суд. При этом определение судьи по своей природе является одновременно и исполнительным документом, который приводится в исполнение в том же порядке, что и другие судебные постановления¹.

Исполнительный характер судебного приказа является общим моментом для обоих процессов, урегулированным п.2 ст.229.1 АПК РФ² и п.2 ст.121 ГПК РФ³. Совмещение в судебном приказе функций исполнительного листа и судебного

решения позволяет упростить и сократить процедуру восстановления нарушенного права и исполнительного производства.

Общими являются и требования к заявлению о выдаче судебного приказа: перечень основных положений, обязательных для такого заявления, установленный ст. 229.3 АПК РФ и ст. 124 ГПК РФ, содержит в себе необходимые данные о сторонах, содержание требования, его обоснование и фактическое подтверждение. Логично предположить, что без указания этих данных суд не сможет вынести взвешенный, верный и обоснованный судебный приказ.

Основания для отказа в принятии заявления о вынесении судебного приказа являются общими для процессов. Согласно п.3 ст. 125 ГПК РФ и п.3 ст. 229.4 АПК РФ к ним относятся: заявление требование, не предусмотренного кругом дел по приказному производству; место жительства или место нахождения должника находится вне пределов Российской Федерации; наличие спора о праве в заявлении о выдаче судебного приказа и приложенных к нему документов.

Сходство приказного производства в арбитражном и гражданском процессе заключается в том, что судебный приказ выносится без вызова сторон и без проведения судебного разбирательства, в соответствии с п.2 ст.229.5 АПК РФ и п.2 ст. 126 ГПК РФ. Оно обусловлено самой сущностью приказного производства, которое позволяет сторонам экономить финансовые и временные ресурсы в случае нарушения их прав.

По положениям и ГПК РФ, и АПК РФ должник имеет право представить возражения на судебный приказ в течение десяти дней со дня его получения, что является следующим сходством приказного производства. Данный срок – единственный, который совпадает в этих видах судопроизводства. Возможно, десятидневный срок является наиболее оптимальным для представления возражений, поэтому он не различается.

Последнее аналогичное положение о судебном приказе в процессах заключается в его возможности быть отмененным, если от должника в установленный срок поступили возражения, исходя из п.4 ст. 229.6 АПК РФ и ст. 129 ГПК РФ. Данное сходство основано на самой сути судебного приказа, а также на соблюдении принципа равенства прав сторон. Вышеуказанные нормы содержат и гарантию прав взыскателя, его возможность обратиться в исковом производстве с тем же требованием, в случае отмены судебного приказа.

Таким образом, сходство приказного производства в процессе обусловлено его сутью, что положительно сказывается на участниках судопроизводства, т.к. в новой для себя сфере реализации – арбитражный процесс – судебный приказ исполняет те же функции. Различия же обусловлены разницей двух юрисдикций: общей и арбитражной.

Во-первых, значительно отличается круг дел, по которым возможно приказное производство. В гражданском процессе – это 9 категорий, которые обобщенно составляют взыскание денежных сумм или истребование движимого имущества от должника. В арбитражном – 3 категории дел, являющихся фактически взысканием денежных сумм по различным основаниям. Очевидно, что категория «истребование движимого имущества» относится только к гражданскому процессу, в силу подсудности к судам общей юрисдикции, а также круг гораздо шире в гражданском процессе, нежели чем в арбитражном.

Важно отметить разницу в стоимостном выражении требований в заявлении о вынесении судебного приказа. В гражданском процессе размер не должен превышать пятисот тысяч рублей, в арбитражном – не более четырехсот тысяч (или ста тысяч в одном случае). Однако определение суммы в 400 000 для арбитражного процесса не является соразмерной требованиям, которые обычно заявляются в рамках арбитражного судопроизводства. В установленный размер денежных требований входит как размер убытков, так и неустойка. В то время как, в гражданском процессе 500 000 рублей – подлинный размер убытков, недоплаты, который взыскивается в пользу стороны.

Во-вторых, различием приказного судопроизводства в гражданском и арбитражном процессе и преимуществом последнего над первым является возможность подачи заявления в электронном формате, согласно п.1 ст.229.3 АПК РФ. Предположительно, данный факт связан с большим развитием системы электронного документооборота в системе арбитражных судов, нежели чем в системе судов общей юрисдикции.

В-третьих, значительно отличаются сроки, за исключением 10-дневного срока на представление возражений на судебный приказ. В арбитражном процессе они больше на 2-5 дней, чем в гражданском процессе. К примеру, судебный приказ выносится арбитражным судом в течение 10 дней со дня поступления заявления, в гражданском процессе – в течение 5 дней; в арбитражном процессе копия судебного приказа высылается должнику в течение 5 дней со дня вынесения, в гражданском – данный срок вообще не урегулирован; в арбитражном процессе – копия об отмене судебного приказа направляется в течение 5 дней со дня вынесения указанного определения, в гражданском – в течение 3 дней. Разница в сроках может быть обусловлена адаптацией системы арбитражных судов к новому виду производства, а также большей нагрузкой, хотя, возможно, она и сопоставима с судами общей юрисдикции. Так, в 2014 году мировыми судьями было рассмотрено 6 млн. 454 тыс. дел приказного производства⁴. По арбитражным судам информация отсутствует, т.к. в 2014 году не было такой формы судопроизводства.

Рассуждая о внесенных изменениях, нельзя не отметить целесообразность введения института приказного производства в арбитражный процесс. Она может

быть обусловлена несколькими факторами, среди них – следование подведомственности, формирование иной судебной практики (к примеру, взыскание судебных расходов) и др.

В целом, изменение Арбитражного процессуального кодекса РФ в части дополнения его новой главой о приказном судопроизводстве является несомненным плюсом для арбитражного процесса. Приказное производство позволит сократить финансовые и временные затраты, т.к. госпошлина составляет 50% от размера госпошлины по исковому заявлению, заседание проходит без вызова сторон, не требуется соблюдение претензионного порядка, а также время на уведомление должника о заявленных требованиях. Более того, должник не сможет заявить о встречных требованиях, а суд снизить неустойку, что также представляет собой преимущества приказного производства в арбитражном процессе.

Литература

1. Шадловская О.Д. Приказное производство как упрощенная форма гражданского судопроизводства: Автореф. дис. докт. юрид. наук. М., 2015. 31 с.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.03.2017).
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.03.2017).
4. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2014 году // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. (дата обращения: 22.03.2017).

Григорьева В.А.

студент, ПГНИУ

Научный руководитель: Сыропятова Н.В.

К ВОПРОСУ О НЕПОИМЕНОВАННЫХ СПОСОБАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация: обеспечение исполнения обязательств регламентировано в российском законодательстве главой 23 Гражданского кодекса РФ. Способы обеспечения обязательств, перечисленные в ст. 329 Гражданского кодекса РФ, принято называть поименованными, непоименованными называют все иные способы, предусмотренные законом или договором и не перечисленные в данной статье Гражданского кодекса РФ. Поскольку, ст. 421 Гражданского кодекса РФ признается свобода договора, то стороны в договоре могут предусмотреть любые возможные способы, которые в будущем обеспечат надлежащее исполнение всех принятых на себя обязательств или же компенсацию всех понесенных убытков, вызванных неисполнением обязательств. Главной причиной возникновения непоименованных

способов обеспечения исполнения обязательств является то, что современное отечественное гражданское законодательство существенно отстает от потребностей рыночного оборота, где необходимы более гибкие правовые конструкции, которые в полной мере будут соответствовать интересам кредитора и должника. Исходя из анализа правоприменительной и судебной практики, а также анализа законодательства, к непоименованным способам обеспечения обязательств можно отнести следующие: фидуциарный залог и сделки РЕПО, обеспечительную уступку права требования и факторинг (п.2 ст. 831 Гражданского кодекса РФ), государственную и муниципальную гарантию (ст. 115 Бюджетного кодекса РФ), гарантийное удержание (Постановление Президиума ВАС РФ от 23.07.2013 N 4030/13 по делу N А40-131858/11-56-1157), возвратный задаток и задаток в обеспечение предварительного договора, товарную неустойку (Постановления Пленума ВАС № 81 от 22.12.2011).

Ключевые слова: обеспечение исполнения обязательств, поименованные и непоименованные способы обеспечения обязательств.

Grigorieva V.A.
student, PSU
Supervisor: Syropiatova N.V.

TO THE ISSUE OF UNNAMED WAYS OF SECURING OBLIGATIONS

Annotation: Ensuring the fulfillment of obligations is regulated in Russian legislation by chapter 23 of the Civil Code of the Russian Federation. Thus, the methods of ensuring the obligations listed in Art. 329 of the Civil Code of the Russian Federation, it is customary to name all other methods referred to in the law or the agreement and not listed in this article of the Civil Code as named or unnamed. Because, Art. 421 of the Civil Code of the Russian Federation recognizes the freedom of the contract, the parties to the contract may provide for any possible ways that in the future will ensure the proper performance of all obligations undertaken or compensation for all losses incurred due to default. The main reason for the appearance of unnamed ways to ensure the fulfillment of obligations is that modern domestic civil legislation lags far behind the needs of market turnover, where more flexible legal constructions are needed that fully meet the interests of the creditor and the debtor. Based on the analysis of law enforcement and judicial practice, as well as the analysis of legislation, the following can be referred to unnamed ways of securing obligations: fiduciary pledge and REPO transactions, security cession of right of claim and factoring (clause 2 of Article 831 of the Civil Code of the Russian Federation), state and municipal guarantee (Article 115 of the RF Budget Code), guarantee retention (Decree of the Presidium of the RF Supreme Arbitration Court No. 4030/13 of July 23, 2013, Case No. A40-131858 / 11-56-1157), a refund and deposit to secure a preliminary contract, a forfeit (Decisions of the Plenum of the Supreme Arbitration Court No. 81 of December 22, 2011).

Keywords: Ensuring fulfillment of obligations, named and unnamed ways of securing obligations.

Обеспечение исполнения обязательств регламентировано главой 23 Гражданского кодекса Российской Федерации¹. Тем не менее, определение данного понятия в законодательстве не содержится. А.Е. Суханов определяет обеспечение исполнения обязательств как дополнительные правовые средства, специально предусмотренные для предварительного обеспечения имущественных интересов кредитора путем создания особых гарантий надлежащего исполнения обязательства должником².

Способы обеспечения исполнения обязательств содержатся в статье 329 Гражданского кодекса РФ. К ним относятся: неустойка, залог, удержание вещи должника, поручительство, независимая гарантия, задаток, обеспечительный платеж. Однако, перечень способов обеспечения обязательств, поименованных в гл. 23 Гражданского кодекса РФ, не является исчерпывающим.

Таким образом, способы обеспечения обязательств, перечисленные в ст. 329 Гражданского кодекса РФ, принято называть поименованными. Непоименованными называют все иные способы, предусмотренные законом или договором, и не перечисленные в ст.329 Гражданского кодекса РФ.

К поименованным способам обеспечения обязательств, то есть к перечисленным в Гражданском кодексе РФ, относят следующие: неустойка (п. 1 ст. 330 ГК РФ), залог (п. 1 ст. 334 ГК РФ), удержание имущества должника (п. 1 ст. 359 ГК РФ), поручительство ст. 361 ГК РФ), банковская гарантия (ст. 368 ГК РФ), задаток (п. 1 ст. 380 ГК РФ), обеспечительный платеж (ст. 381.1 ГК РФ).

То обстоятельство, что Гражданским кодексом РФ не устанавливается исчерпывающий перечень способов обеспечения исполнения обязательств, обусловлено спецификой диспозитивного метода гражданско-правового регулирования имущественных отношений, а также все возрастающей потребностью оборота в использовании новых, более эффективных способов обеспечения обязательств. Большинство ученых и правоприменителей признается, что перечень, предложенный законодателем способов обеспечения обязательств, явно недостаточен.

На данный момент это обстоятельство на практике исправляется тем, что непоименованные в законе способы отражаются участниками гражданского гражданско-правового оборота в договоре. Поскольку, ст. 421 Гражданского кодекса РФ признается свобода договора, то стороны в договоре могут предусмотреть любые возможные способы, которые в будущем обеспечат надлежащее исполнение всех принятых на себя обязательств или же компенсацию всех понесенных убытков, вызванных неисполнением обязательств.

Главной причиной возникновения непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств является то, что современное отечественное гражданское законодательство существенно отстает от потребностей рыночного оборота, где необходимы более гибкие правовые конструкции, которые в полной мере будут соответствовать интересам кредитора и должника³.

Среди исследователей не существует единого мнения, какие правовые конструкции можно отнести к непоименованным способам обеспечения обязательств. Согласно смыслу закона, непоименованные способы обеспечения исполнения обязательств – это те конструкции, что не названы законодателем в качестве таковых.

В литературе существуют различные определения понятия «непоименованные способы обеспечения обязательств». Д.А. Торкин определяет непоименованные способы обеспечения исполнения обязательств как способ обеспечения обязательств, который не упоминается в той части законодательства, которая предметно и функционально обособлена с целью регулирования обеспечительной сферы, а именно — главе 23 ГК РФ, и разделяет их на те способы, которые предусмотрены действующим законодательством и те, которые законом не предусмотрены, которые выработаны практикой или наукой⁴.

Исходя из анализа правоприменительной и судебной практики, а также анализа законодательства, к непоименованным способам обеспечения обязательств можно отнести следующие: фидуциарный залог и сделки РЕПО, обеспечительную уступку права требования и факторинг (п.2 ст. 831 Гражданского кодекса РФ), государственную и муниципальную гарантию (ст. 115 Бюджетного кодекса РФ⁵), гарантийное удержание (Постановление Президиума ВАС РФ от 23.07.2013 N 4030/13 по делу N А40–131858/11–56–1157⁶), возвратный задаток и задаток в обеспечение предварительного договора, товарную неустойку (Постановления Пленума ВАС № 81 от 22.12.2011⁷), досрочный возврат кредита (Определение Верховного Суда РФ от 27.11.2012 N 4-КГ12–24⁸), способы обеспечения исполнения обязательств с использованием векселя, аккредитива, меры оперативного воздействия (например, право на приостановление оказания услуг из-за долга по договору, Постановление Президиума ВАС РФ от 14.02.2012 N 12416/11 по делу N А33–1275/2011⁹). Тем не менее, здесь перечислены далеко не все способы обеспечения исполнения обязательств, которые существуют и применяются, этот список остается открытым.

Важно отметить положительный момент, что на сегодняшний день Гражданский кодекс РФ дополнен ст. 381.1. и ст. 381.2., в которых описывается порядок применения такого способа обеспечения исполнения обязательств как обеспечительный платеж, который можно признать новеллой гражданского законодательства нашей страны. Однако на практике этот способ оказался достаточно давно применяемым участниками гражданского оборота. И в таких случаях, до внесения указанных изменений в Гражданский кодекс РФ, Арбитражные суды, в качестве обоснования правомерности использования обеспечительного платежа в рамках предварительного договора, ссылались на п. 1 ст. 329 ГК РФ как на непоименованный способ обеспечения исполнения обязательства. Появление в Гражданском кодексе РФ отдельной нормы, которая дает характеристику обеспечительного платежа и объясняет порядок его применения, способствует более частому применению такого вида обеспечения исполнения обязательств. Это введение можно признать прогрессивным и целесообразно оправданным, поскольку большинство непоименованных в законе способов обеспечения обязательств могут полноценно функционировать только в случае их закрепления на законодательном уровне.

Процесс развития непоименованных способов обеспечения обязательств крайне актуален и интересен для исследования в условиях российской действительности. С одной стороны, исторически прослеживается острая необходимость российского оборота в разнообразных обеспечительных средствах, но, с другой стороны, эта необходимость на практике не выражается в масштабном использовании непоименованных способов обеспечения обязательств. Причиной этому является их недостаточная изученность. В частности, очевиден тот факт, что участникам оборота достаточно часто неясен механизм обеспечения интересов кредитора в большинстве способов обеспечения обязательств. В связи с этим, способы обеспечения обязательств, непоименованные в гл. 23 Гражданского кодекса РФ, теоретически могут использоваться, но на практике оказывается, что гражданским оборотом они не слишком востребованы. Для их более эффективного использования требуется дальнейшее теоретическое основание и реформирование гражданского законодательства в данной сфере.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ФЗ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Российская газета. 1994. № 238-239.
2. Суханов А. Е. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд., стереотип. — М.: Статут, 2011.
3. Зотова О. В. Роль и место непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств // Молодой ученый. 2016. №25. С. 475.
4. Торкин Д. А. Непоименованные способы обеспечения обязательств. М.: Тюмень, 2005. С. 152.
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Российская газета. № 153-154. 12.08.1998.
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 23.07.2013 N 4030/13 по делу № А40-131858/11-56-1157 // Вестник ВАС РФ. № 1. 2014.
7. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 декабря 2011 г. № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. № 2. 2012.
8. Определение Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 4-КГ12-24 [Электронный ресурс] – Доступ из СПС Консультант Плюс.
9. Постановление Президиума ВАС РФ от 14.02.2012 № 12416/11 по делу № А33-1275/2011// Вестник ВАС РФ. № 6. 2012.

Ившина Б.И.

студент, ПГНИУ

Научный руководитель: Воронцов С.Г.

МЕДИАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы применения относительно нового для отечественного законодательства и практики института медиации.

Анализируются особенности и преимущества медиации как современного способа урегулирования корпоративных конфликтов. Рассматриваются обстоятельства, препятствующие применению данного института в Российской Федерации.

Ключевые слова: корпоративный конфликт, урегулирование конфликтов, примирительные процедуры, медиация, медиативное соглашение.

Ivshina B.I.
student, PSU
Supervisor: Vorontsov S.G.

MEDIATION AS AN ALTERNATIVE METHOD FOR SETTLEMENT OF CORPORATE CONFLICTS

Annotation: The article considers the relatively new for Russia's legislation and practice Mediation Institute. This article analyzes the features and advantages of mediation as a modern way of resolving corporate conflicts. And what circumstances prevent the application of mediation in the Russian Federation.

Keywords: corporate conflict, conflict resolution, adversarial procedure, mediation, mediation agreement.

С активным развитием предпринимательских отношений особую актуальность приобретает необходимость в создании эффективных, оперативных и конфиденциальных механизмов урегулирования конфликтов, о чём, в первую очередь, свидетельствует возрастающая нагрузка на систему арбитражных судов Российской Федерации.

Так, Арбитражными судами субъектов РФ в 2015 году рассмотрено 1 531 480 заявления, что на 105 979 больше чем в 2014 году¹.

В течение 2015 года в Арбитражный суд Пермского края поступило 31 543 исковых заявления (заявления) и дел. Указанный показатель в сравнении с 2014 и 2013 годами увеличился на 13,6 %; 15,3 % соответственно. Средняя нагрузка в 2015 г. на одного судью в месяц составила 74 заявления. В 2014 году нагрузка на одного судью в месяц составляла 66,8 заявлений².

В качестве решения данной проблемы российским законодателем был предпринят ряд мер. В частности, в 2016 году внесены изменения в Арбитражный процессуальный кодекс РФ³, в соответствии с которыми были введены положения о приказном производстве, а также установлен обязательный досудебный порядок урегулирования споров. Стоит упомянуть и реформирование законодательства о третейском разбирательстве, обусловленное вступлением в силу Федерального закона от 29.12.2015 N 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»⁴. В целях оказания содействия развитию деловых партнерских отношений, формированию этики делового оборота и гармонизации социальных отношений в 2011 году был легально закреплен, ранее не известный российской практике, институт посредничества (медиации).

В соответствии с пунктом 2 статьи 2 Федерального закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посред-

ника (процедуре медиации)»⁵ процедура медиации представляет собой способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

Сферы применения медиации очень широки: семейные и трудовые отношения, недвижимость, строительство, отношения в области защиты прав потребителей, финансовая и банковская сферы, промышленность, а также сфера корпоративных отношений.

Интерес к медиации при урегулировании корпоративных конфликтов видится вполне закономерным и может объясняться теми преимуществами, которыми обладает медиация:

во-первых, медиация позволяет урегулировать конфликт в кратчайшие сроки, что способствует минимизации убытков и устранению препятствий для развития корпорации;

во-вторых, медиация позволяет сократить издержки на урегулирование конфликтов;

в-третьих, конфиденциальность процедуры позволяет исключить репутационные риски, что делает невозможным создание неблагоприятного информационного фона вокруг корпорации, а также раскрытие конфиденциальной коммерческой информации третьим лицам;

в-четвертых, наличие доверительного характера. Не будучи связанными жесткими процессуальными рамками, стороны могут общаться в доверительной обстановке, что способствует сохранению партнерских отношений;

в-пятых, принятие самостоятельного решения. Когда стороны участвуют в процедурах разрешения споров, предполагающих вынесение обязательного решения (таких как судебная процедура или арбитраж) за них принимает решение третье лицо. А в рамках медиации окончательное решение по любому вопросу стороны принимают самостоятельно. Благодаря личной причастности к процедуре урегулирования разногласий и выработке соглашения, стороны воспринимают окончательный вариант урегулирования как свое собственное решение, и это в свою очередь, повышает вероятность того, что они исполнят любое достигнутое соглашение⁶.

Однако на данный момент в России институт медиации находится на стадии развития. И, к сожалению, существующей практики недостаточно чтобы судить об эффективности данной процедуры.

Так, в Арбитражных судах субъектов РФ в 2015 году посредник (медиатор) привлекался сторонами при рассмотрении 44 дел, из которых в 7 делах судом было утверждено мировое соглашение, а в 37 - истцом был заявлен отказ от иска либо иск признавался ответчиком.

Посредник (медиатор) в 2014 году привлекался сторонами при рассмотрении 51 дела, из которых в 14 делах судом было утверждено мировое согла-

шение, а в 32 - истцом был заявлен отказ от иска либо иск признавался ответчиком⁷.

Приведенная статистика свидетельствует о непопулярности данной альтернативы в России. Однако с указанной проблемой в свое время столкнулись и другие страны. Об этом свидетельствуют, проводимые Европейским институтом Виадрина совместно с Pricewaterhouse-Cooper интерактивные исследования⁸. В ходе исследований были выявлены обстоятельства, препятствующие применению медиации:

отсутствие реальной информации;

недостаток практического опыта применения процедур медиации;

кажущаяся эффективность судебной системы;

организационные и психологические ограничения в компаниях (например, нежелание руководителя брать на себя личную ответственность за не оптимальное для своей компании итоги медиации);

отсутствие структурированных процессов управления спорами.

Данные обстоятельства являются вполне логичными и объяснимыми. Отсутствие доверия к новой и мало изученной медиации, является препятствием для активного применения данной процедуры в сфере корпоративных отношений. Однако основным недостатком процедуры медиации остается невозможность принудительного исполнения медиативного соглашения, исполнение которого основано на добровольности и добросовестности сторон. В качестве решения данной проблемы в литературе предлагается пойти по пути получения исполнительных листов к медиативным соглашениям через суд, как это делается для принудительного исполнения решений третейских судов⁹. На наш взгляд, введение подобной процедуры сделает медиативное соглашение юридически значимым и более привлекательным в качестве альтернативы судебному решению.

Литература

1. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.03.2017 г.).
2. Официальный сайт Арбитражного суда Пермского края // URL: http://www.perm.arbitr.ru/files/pdf/prilozhenie_2015.pdf (дата обращения: 20.03.2017 г.).
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // Российская газета, N 137, 27.07.2002.
4. Федеральный закон от 29.12.2015 N 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Российская газета, N 297, 31.12.2015.
5. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013) // Российская газета. N 168. 30.07.2010.
6. Кимберли Ковач Медиация: краткий курс; пер. с англ. [Носырева Е.И. и др.] – М. 2013. С. 33.
7. Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.03.2017 г.).

8. Глессер У. Развитие конфликт-менеджмента в немецких компаниях: эмпирические результаты, теоретические модели и практические рекомендации // Коммерческая медиация: теория и практика: сборник статей / под ред. С.К. Загайновой, В.О. Аболонина., 2012. С. 238.
9. Лаврухина А. Изменения в законодательстве о медиации // ЭЖ-Юрист. 2016. N 30. С. 2. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.03.2017 г.).

Кац Р.Ю.

аспирант кафедры, ПГНИУ

Научный руководитель: Кузнецова О.А.

О ПРИРОДЕ ЗАЩИТЫ КОНКУРЕНЦИИ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

Аннотация: защита конкуренции занимает важное место в системе государственного регулирования экономики. Отсутствие строгой системы мер государственного принуждения не позволяет выявить отраслевой характер отдельных аспектов защиты конкуренции. В данной статье автор предпринимает попытку выявления гражданско-правового характера защиты конкуренции в обязательственных правоотношениях.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство, защита конкуренции, государственное принуждение, обязательственное право

Kats R.Yu.

postgraduate student, PSU

Supervisor: Kuznetsova O.A.

THE NATURE OF THE COMPETITION PROTECTION IN OBLIGATIONS

Annotation: The protection of competition occupies an important place in the system of state regulation of the economy. By the way, a strict system of state coercion does not exist, which makes impossible to reveal the sectoral law nature of certain aspects of the competition protection. Thereby, the author makes an attempt to identify the civil-law nature of the competition protection in obligations.

Keywords: antimonopoly law, protection of competition, state coercion, obligations law.

ФАС России и её территориальные органы (далее – антимонопольный орган), реализуя полномочия по защите конкуренции, осуществляют применение специфических государственно-принудительных мер, сформулированных в Законе о защите конкуренции¹.

Различные авторы посвятили немало исследований поиску места антимонопольного органа и осуществляемого им государственного принуждения в российском праве. При этом явно недостаточно внимания, уделенного проблеме соотношения защиты гражданских прав и защиты конкуренции в системе мер государственного принуждения. В рамках настоящего исследования внимание будет уделено месту защиты конкуренции в обязательственных правоотношениях в системе мер государственного принуждения.

Специфика государственного принуждения в гражданско-правовых, в том числе, обязательственных правоотношениях связывается с методом гражданско-правового регулирования. Особенность гражданско-правового метода проявляется и в характерных чертах защиты гражданских прав, мер защиты и мер ответственности. Одной из важнейших составляющих средств защиты гражданских прав цивилистами (в частности, В.Ф. Яковлевым²) называются меры ответственности, что позволяет выстроить четкую взаимообусловленную структуру государственного принуждения в гражданском праве.

Под гражданско-правовой ответственностью различные авторы понимают как обеспеченное государственным принуждением или его возможностью возложение имущественных лишений на лицо, допустившее правонарушение², так и фактическое применение к лицу, нарушившему право, сформулированной в законе санкции³, при этом обращается внимание и на существование иных мер государственного принуждения, в том числе предупреждения.

Теория административного права идет своим путем, выделяя в рамках государственного принуждения пресечение, восстановление и наказание, исключая предупредительные меры⁴.

Имеет место точка зрения⁵, разделяющая юридическую ответственность и защиту права, а также предупреждение и пресечение его нарушения. Более корректно её отражает В.В. Серегина, выделяя среди мер принуждения предупреждение, пресечение, восстановление и юридическую ответственность как определенную санкцию за совершенное нарушение⁶, что вполне перекликается с вышеизложенными подходами. С юридическими санкциями вопрос ответственности связывал и С.С. Алексеев⁷, выделяя также в рамках механизма государственного принуждения государственно-необходимые, профилактические и превентивные меры. О.Э. Лейст⁸, в свою очередь, выделял штрафные и правовосстановительные меры принуждения, в том числе ответственности.

Нельзя оспаривать тот факт, что ни теоретико-правовые, ни отраслевые конструкции государственного принуждения не обладают достаточным единством и зачастую входят в противоречие друг с другом⁹, что усложняет исследования на их стыках.

На стыке административного, гражданского и, отчасти, финансового права находится и деятельность антимонопольного органа по защите конкуренции. К государственно-принудительным мерам по защите конкуренции, в частности, можно отнести выдачу предупреждений, принятие решений, выдачу предписаний о совершении определенных действий, а также проведение проверок, привлечение к административной ответственности и т.д. Очевидно, что вопросы порядка принятия ненормативных актов, привлечения лиц к административной ответственности и т.п. лежат вне плоскости гражданского права. В то же время, до конца не определено отраслевое содержание защиты конкуренции (а не штрафных

санкций) и его пределы (фактически – способы защиты права, реализуемые антимонопольным органом).

Так к примеру, достаточно интересной представляется точка зрения о существовании специфической антимонопольной ответственности как разновидности мер государственного принуждения. При этом её объем определяется как в широком, так и в узком смысле, вплоть до отдельных видов выдаваемых им предписаний, при этом во втором случае иные меры государственного принуждения подпадают под различные отраслевые виды ответственности¹⁰. К сожалению, такое деление не выглядит достаточно определенным, чтобы его можно было принять в качестве базового.

Ученые-правоведы, профессионально связанные с ФАС России, выдвигают позицию, что существует самостоятельная антимонопольная ответственность, представляющую собой разновидность государственно-принудительных мер и лежащую как бы вне отраслей права¹¹. Недостатком её представляется недостаточное внимание к иным мерам государственного принуждения, а также, как нам кажется, не совсем обоснованное выделение защиты конкуренции из отраслевого регулирования.

Следует обратить внимание на изложенную Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации позицию о непосредственном вмешательстве антимонопольного органа в гражданские правоотношения¹². Поскольку конкуренция предполагается на определенных товарных рынках, то есть в гражданском обороте, можно с уверенностью сделать вывод о существовании непосредственной связи гражданского права и всех действий, направленных как на ограничение (недопущение, устранение), так и на защиту, восстановление конкуренции.

Проанализировав положения Закона о защите конкуренции, мы можем выявить следующие подотрасли и институты гражданского права, в государственном регулировании которых важное участие принимает антимонопольный орган:

1) Обязательственное право (различные соглашения, согласованные действия, злоупотребление доминирующим положением, нарушения в ходе проведения торгов, некоторые случаи недобросовестной конкуренции и т.д.);

2) Интеллектуальное право (некоторые случаи недобросовестной конкуренции);

3) Вещное право (вопросы передачи прав на имущество в некоторых нарушениях, в том числе со стороны органов власти);

4) Защита нематериальных благ (недобросовестная конкуренция).

Однако дает ли нам гражданско-правовая сфера регулирования право относиться к государственному принуждению в гражданском праве частные способы защиты прав, реализуемые антимонопольным органом в порядке защиты конкуренции? На этот вопрос с уверенностью можно ответить отрицательно.

Реализуя полномочия по защите конкуренции в обязательственных правоотношениях, антимонопольный орган, как правило, не вмешиваясь в исполнение и ответственность за неисполнение уже существующих договоров, вносит значительный вклад, к примеру, в защиту интересов слабой стороны по обязательствам¹³ как на стадии подготовки договора, так и на стадии его заключения и исполнения.

Из содержания ст. 23 Закона о защите конкуренции возможным видится выделить три вида актов, которые издаются в обязательственных правоотношениях в целях защиты, восстановления или недопущения нарушения чьего-либо права: предостережение, предупреждение, предписание.

Все эти акты обладают различной степенью обязательности; наилучшим образом отражает принудительный характер защиты прав предписание. Из анализа Закона о защите конкуренции возможно выявить разновидности предписаний, влияющих на обязательственные правоотношения с позиций гражданского права как непосредственно, так и опосредованно, среди которых:

– Непосредственно: о прекращении нарушений, в т.ч. соглашений и (или) согласованных действий, злоупотребления хозяйствующим субъектом доминирующим положением и др.; об устранении последствий нарушения антимонопольного законодательства; о восстановлении положения, существовавшего до нарушения антимонопольного законодательства; о заключении договоров, об изменении условий договоров или о расторжении договоров;

– Опосредованно: об отмене или изменении актов, нарушающих антимонопольное законодательство; об устранении нарушений порядка организации и проведения торгов.

Сфера регулирования антимонопольного органа, безусловно, перекликается с административным правом. Однако предписание, выданное антимонопольным органом по жалобе одного из субъектов-конкурентов, всегда будет направлено не только и не столько на публичный интерес, сколько на восстановление в правах этого лица, а также иных пострадавших лиц. Таким образом, государственно-принудительная деятельность антимонопольного органа в обязательственных правоотношениях неизменно связывается с реализацией гражданско-правовых способов защиты.

Любое из перечисленных предписаний относится к мерам государственного принуждения¹⁴ и, полагаем, есть достаточные основания утверждать, что все из указанных мер представляют собой сформулированные в законе санкции за действия хозяйствующих субъектов или органов власти, т.е. относятся к гражданско-правовой ответственности.

В то же время аналогичные меры могут не быть способом защиты права, а будут являться предупредительной мерой государственного принуждения в случае выдачи предостережения. Предупреждение, в свою очередь, обладает характером уже как предупредительной, так и пресекающей меры.

Таким образом для определения сущности защиты конкуренции как в обязательствах, так и в иных подотраслях и институтах гражданского права, необходимо комплексно анализировать форму и содержание государственно-принудительных актов антимонопольного органа, издаваемых в целях защиты нарушенного или возможно нарушенного права.

Полагаем, сделанные выводы обладают ценностью как основа более обобщенных научных исследований в сфере защиты конкуренции и её месте в системе гражданско-правовых мер государственного принуждения, применяемых в целях предупреждения, пресечения нарушений гражданских прав, защиты и восстановления нарушенных прав.

Литература

1. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Российская газета. 27.07.2006. № 162.
2. Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М.: Статут, 2012. 976 с.
3. Иванчак А.И. Гражданское право Российской Федерации: Общая часть. М.: Статут, 2014. 268 с.
4. Бахрах Д.Н. Административная ответственность граждан в СССР: учеб. пособие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.
5. Глаголев П.В. Юридическая ответственность в системе мер государственного принуждения: дис.... канд. юрид. наук. Орел, 2007.
6. Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991.
7. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1989.
8. Лейст О.Э. Общая теория государства и права: Академический курс: В 3 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2010.
9. Мирошник М.А. Принуждение в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 228 с.
10. Рыженков А. Правовая природа антимонопольной ответственности // Конкуренция и право. 2015. № 5. С. 53 - 58.
11. Башлаков-Николаев И.В. Ответственность органов власти и их должностных лиц в сфере защиты конкуренции: монография. М.: Статут, 2014. 111 с.
12. О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства: Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30 (в ред. от 14.10.2010) // Вестник ВАС РФ. 2008. № 8.
13. Шайхеев Т.И. Дискриминация и нарушение договорной свободы хозяйствующих субъектов по антимонопольному законодательству и судебной практике // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2015. № 3. С. 40 - 50.
14. Голубцов В.Г. Государственное регулирование экономики: правовые формы реализации // Законодательство и экономика. 2005. № 3. С. 14.

Кондратьева К.С.

к.ю.н, доцент кафедры, ПГНИУ

ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ПО НАЛОГУ НА ДОХОДЫ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ

Аннотация: в статье рассмотрен вопрос о том может ли задолженность по налогу на доходы физических лиц являться основанием для возбуждения дела о несостоятельности (банкротстве) по заявлению уполномоченного органа. Автором

изучено законодательство, судебная практика по данному вопросу. В ходе анализа арбитражной практики автор пришел к выводу о существовании двух подходов. Поддержан второй подход, согласно которому задолженность по налогу на доходы физических лиц не может являться основанием для возбуждения дела о банкротстве.

Ключевые слова: несостоятельность, обязанность по уплате налога, заявление о банкротстве.

Kondratieva K.S.

PhD in Law, Associate professor, PSU

DEBT ON THE INCOME TAX AS THE BASIS FOR INITIATION OF PROCEEDINGS ABOUT BANKRUPTCY

Annotation: Whether in article the question of that is considered the debt on an income tax can be the basis for initiation of proceedings about insolvency (bankruptcy) according to the statement of authorized body. The author studied the legislation, court practice on the matter. During the analysis of arbitral practice the author came to a conclusion about existence of two approaches. The second approach according to which the debt on an income tax can't be the basis for initiation of proceedings about bankruptcy is supported.

Keywords: insolvency, obligation on the tax discharge, the statement for bankruptcy.

Постановлением Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 № 37 «О внесении изменений в постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам, связанным с текущими платежами»¹ постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60² дополнено п. 41.1, разделившим обязательства организации - налогового агента, в отношении которой возбуждено дело о несостоятельности (банкротстве), по перечислению в бюджет удержанных сумм налога на доходы физических лиц на текущие платежи второй очереди и реестровые требования второй очереди в зависимости от момента удержания налога.

Кроме того, с 29.09.2015 Федеральный закон № 127-ФЗ от 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)»³ (далее - Закон о банкротстве) действует в редакции Закона от 29.06.2015 №186-ФЗ⁴, который внес в ряд законодательных актов поправки, направленные на предоставление дополнительных гарантий прав работников, бывших работников при банкротстве должника, являющегося (являвшегося) работодателем.

Ссылаясь на приведенные выше изменения, уполномоченные органы стали обращаться в суды с заявлениями о признании должника банкротом с указанием на наличие у должника задолженности по уплате налога на доходы физических лиц.

В настоящее время в судебной практике выявлено несколько подходов по данному вопросу.

Согласно первому подходу⁵ суд признает обоснованным такое заявление и вводит соответствующую процедуру банкротства со следующей мотивировкой: «размер обязательств, подлежащих удовлетворению во вторую очередь, должен учитываться в целях определения признаков банкротства, поскольку требования

работников, возникшие до возбуждения дела о банкротстве, также подлежат удовлетворению во вторую очередь и при этом являются основанием для возбуждения дела о банкротстве. По аналогии права с требованиями работников уполномоченный орган также имеет право обращаться в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом на основании задолженности по налогу на доходы физических лиц, удержанного с работников, но не перечисленного в бюджет.

Отнесение недоимки ко второй очереди реестра требований кредиторов определяет режим удовлетворения, но не изменяет природу налога как обязательного платежа. После удержания налоговый агент обязан уже за счёт собственных средств произвести уплату налога.

Так, Тютин Д.В. отмечает, что отмена п. 10 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 25, свидетельствует о том, что для налогового агента обязанность по перечислению удержанного налога не имеет принципиальных отличий от обязанности по уплате налога: и в том и в другом случае данные обязанности, по существу, единообразно обременяют его имущество⁶.

При этом предлагается учитывать, что неисполнение обязанности по причине отсутствия у должника денежных средств свидетельствует о наличии признаков несостоятельности (банкротства). Кроме того, отказ в признании за «привилегированными» кредиторами права на возбуждение дел о несостоятельности банкротстве по денежным обязательствам и обязательным платежам обуславливается наличием у них приоритета на получение денежных средств в рамках ординарных процедур исполнения судебных актов. Это предопределено особой социальной значимостью охраняемых отношений, например, по защите социально-незащищенных слоев населения. Необходимость инициирования производства по делу о банкротстве для указанной категории лиц отсутствует.

Однако, применительно к уплате налоговым агентом такое обоснование для отказа уполномоченному органу в реализации права на возбуждение производства по делу применено быть не может, поскольку исполнение требований об уплате налога производится в обычном (ординарном) порядке.

В силу второго подхода, задолженность по налогу на доходы физических лиц не может являться основанием для возбуждения дела о банкротстве⁷.

Обоснование указанного подхода у всех судов единообразно и заключается в следующем.

В силу абз. 3 п. 2 ст. 4 Закона о банкротстве для определения наличия признаков банкротства должника учитывается размер обязательных платежей без учета установленных законодательством Российской Федерации штрафов (пеней) и иных финансовых санкций.

Согласно абз. 5 ст. 2 Закона о банкротстве к обязательным платежам относятся налоги, сборы и иные обязательные взносы, уплачиваемые в бюджет соот-

ветствующего уровня бюджетной системы Российской Федерации и (или) государственные внебюджетные фонды в порядке и на условиях, которые определяются законодательством Российской Федерации.

В соответствии с п. 1 ст. 207 Налогового кодекса Российской Федерации⁸ (далее - НК РФ) налогоплательщиками налога на доходы физических лиц признаются физические лица, являющиеся налоговыми резидентами Российской Федерации, а также физические лица, получающие доходы от источников в Российской Федерации, не являющиеся налоговыми резидентами Российской Федерации.

В пункте 1 ст. 226 НК РФ установлено, что организация, от которой или в результате отношений с которой налогоплательщик получил доходы, является налоговым агентом и несет обязанность по исчислению, удержанию у налогоплательщика и уплате налога. Согласно разъяснениям, данным в п. 41.1 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60, удерживаемые должником при выплате текущей заработной платы суммы налога на доходы физических лиц как налоговым агентом уплачиваются им в режиме второй очереди текущих платежей. Требование об уплате должником таких сумм, удержанных им до возбуждения дела о банкротстве, относится к реестровым требованиям второй очереди и предъявляется в деле о банкротстве уполномоченным органом.

Таким образом, обязательство по перечислению в бюджет налога на доходы физических лиц не является собственным налоговым обязательством организации, а производно от факта выплаты этой организацией дохода физическому лицу. Сумма налога является составной частью обязательства организации по выплате заработной платы, при этом данный налог перечисляется не работнику, а непосредственно в бюджет.

С учётом изложенного задолженность по налогу на доходы физических лиц не подпадает под понятие обязательного платежа и не может быть квалифицирована как требование об уплате обязательных платежей.

Представляется, что в качестве дополнительного обоснования правильности данного подхода выступают цели принятия Закона № 186-ФЗ о наделении работников правом на возбуждение дел о банкротстве работодателя, а именно для повышения эффективности защиты права работников на получение заработной платы и стимулирования недобросовестных работодателей к своевременной выплате заработной платы под риском банкротства.

Кроме того, у кредиторов второй очереди имеется ряд преимуществ в процедурах несостоятельности, в том числе в рамках исполнения исполнительных документов, введения моратория в период внешнего управления, в процедуре мирового соглашения и другие.

Таким образом, оснований для изменения сложившейся судебной практики и неприятия задолженности по налогу на доходы физических лиц в качестве основания для возбуждения дела на настоящий момент не имеется.

Литература

1. Постановление Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 № 37 «О внесении изменений в постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам, связанным с текущими платежами» // Вестник ВАС РФ, N 8, август, 2014.
2. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 N 60 (ред. от 20.12.2016) «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 N 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ, N 9, сентябрь, 2009.
3. Федеральный закон № 127-ФЗ от 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)»
4. Федеральный закон от 29.06.2015 N 186-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, N 146, 07.07.2015.
5. Определение арбитражного суда Удмуртской республики от 11.12.2015 по делу № А71-5218/15 // СПС КонсультантПлюс. 2017.
6. Тютин Д.В. Налоговое право: курс лекций // СПС КонсультантПлюс. 2015.
7. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.12.2015 по № А03-11305/2015; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 04.12.2015 № А23-3062/15; постановления Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16.10.2015 № А82-3943/15, от 14.03.2016 № Ф01-311/2016 по делу № А17-3899/2015 // СПС КонсультантПлюс. 2017.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ, 07.08.2000, N 32, ст. 3340.

Коняева С.А.

магистрант, ПГНИУ

Научный руководитель: Латыпов Д.Н.

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ПРИ ОСПАРИВАНИИ СДЕЛОК В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ

Аннотация: в статье исследуются некоторые проблемы применения судами принципа добросовестности при оспаривании сделок должника в рамках дела о банкротстве. Как показывает практика, судами, при вынесении решения, не всегда учитывается добросовестное поведение контрагента должника, что противоречит основным положениям гражданского права. Несмотря на то, что в банкротстве для регулирования некоторых правоотношений установлены специальные правила, такую практику сложно назвать обоснованной.

Ключевые слова: принцип добросовестности, банкротство, оспаривание сделок, преференциальная сделка, обычная сделка.

Konyaeva S.A.

master student, PSU

Supervisor: Latypov D.N.

THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH WHEN CHALLENGING DEALS IN BANKRUPTCY CASES

Annotation: This article explores the problems that arise when courts apply the good faith principle during the challenging of debtor deals in bankruptcy cases. In practice, when courts make their decision, they do not always take into account the honest behavior of the debtor's counterparty. The consideration of such honest behavior runs contrary to the basic provisions of civil law. Despite that special rules have been established in order to regulate legal relations in the case of bankruptcy, it remains difficult to call such a practice reasonable.

Keywords: principle of good faith, bankruptcy, challenging of deals, preferential deal, ordinary deal.

Глава 3.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», содержащая специальные основания для оспаривания сделок, в основном соответствует современным реалиям, тем не менее при её применении возникают некоторые теоретические вопросы¹. Как правило, в преддверии и в период банкротства, сделки должника направлены на то, чтобы спрятать, вывести активы, либо на то, чтобы удовлетворить требования какого – либо особого кредитора. Закон предусматривает 4 вида сделок, которые можно оспорить по специальным основаниям, устанавливая для каждой свой период подозрительности:

1 месяц – преференциальная сделка без осведомлённости (п.2 ст. 61.3);

6 месяцев – преференциальная сделка с осведомлённостью (п.3 ст. 61.3);

1 год – подозрительная сделка без осведомлённости (с неравноценным встречным исполнением п.1 ст. 61.2)

3 года – подозрительная сделка с осведомлённостью (в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов п.2 ст. 61.3).

В п.9 Постановления ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. N 63 отмечается, что если подозрительная сделка была совершена в течение года до принятия заявления о признании банкротом или после принятия этого заявления, то для признания ее недействительной достаточно обстоятельств, указанных в п.1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, в связи с чем наличие иных обстоятельств, определенных п.2 данной статьи (в частности, недобросовестности контрагента), не требуется². Данному разъяснению следуют суды при рассмотрении конкретных споров³.

В п. 2 ст. 61.2 недобросовестность контрагента презюмируется, несмотря на то, что по общему правилу п. 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается, пока не доказано иное⁴. Такой подход объясняется тем, что с критерием добросовестности тесно связано понятие должной осмотрительности. Если контрагент действует разумно и проявляет требующуюся от него по условиям оборота осмотрительность, то у него просто не может не возникнуть вопросов, связанных с условиями неравноценной сделки. Поэтому, если рыночная стоимость переданного должником имущества контрагенту или осуществленного им иного исполнения обязательства существенно превышает стоимость полученного от контрагента встречного исполнения обязательства, это объективно свидетельствует о недобросовестности этого контрагента и для признания сделки недействительной достаточно одного факта неравноценности.

Аналогичное правило сформулировано в п. 11 Постановления № 63 в отношении преференциальной сделки, совершённой в месячный срок до принятия заявления⁵. Но если при оспаривании сделки по п.1 ст. 61.2 закона о банкротстве судам нет необходимости как-то отдельно исследовать вопрос о добросовестности контрагента, поскольку содержание самой нормы уже сконструировано с расчетом на его недобросовестность, то применительно к п. 2 ст. 61.3 очевидно объективное оспаривание. При оспаривании сделок по п.2 ст. 61.3 суды поразительно

часто удовлетворяют требования Агентства по страхованию вкладов, которое выполняет функции конкурсного управляющего должника – банка. В принципе для этого созданы все условия, поэтому неудивительно, что подаётся большое количество жалоб на такие решения судов, в которых заявитель (контрагент банка) приводит доводы о добросовестности своих действий. В судебной практике, под влиянием п. 11 Постановления № 63, сложился подход, в соответствии с которым состав п.2 ст. 61.3 является формальным⁶. Позиция Верховного суда РФ: доводы заявителей кассационных жалоб о добросовестности общества (в частности, его неосведомленности о факте недостаточности денежных средств для исполнения требований всех клиентов банка) в действительности не имеют правового значения, так как сделки совершены в пределах месяца до назначения временной администрации, и потому достаточно доказывания факта формального оказания предпочтения⁷.

Различие в предмете доказывания в зависимости от того в какой период подозрительности совершена сделка, весьма формально. Видимо предполагается, что, если сделка совершена совсем близко к началу банкротства, то контрагент был недобросовестным или же это просто неважно. Таким образом, созданы наиболее благоприятные условия для оспаривания сделок конкурсным управляющим и кредиторами. Очевидно, что если всё время уделять внимание добросовестности, то при оспаривании возникнут определённые сложности. При этом добросовестность является одним из основополагающих принципов гражданского права⁸, и добросовестный контрагент всегда должен быть защищён. Не приведёт ли игнорирование такого фундаментального принципа к дестабилизации договорных отношений и всего оборота в целом?

Конституционный суд указывает, что процедуры банкротства носят публично – правовой характер⁹. Также, например, исходя из особенностей применения института банкротства в отношении кредитных организаций, законодатель вправе в рамках его правовой регламентации устанавливать специальные правила регулирования процедуры конкурсного производства, применяемой в отношении таких организаций¹⁰. Полагаем, что следует найти компромисс между целями института банкротства и принципами гражданского права. Пусть применительно к п. 2 ст. 61.3 не требуется доказывать недобросовестность, но если контрагент докажет, что при совершении оспариваемой сделки действовал добросовестно, проявляя должную разумность и осмотрительность, суд учтёт этот факт при принятии решения.

Также мы помним, что не могут быть оспорены сделки, совершённые в обычной хозяйственной деятельности. И снова интересна позиция Верховного суда в деле № А50-17344/2014. В рамках дела о банкротстве должника его конкурсный управляющий в лице Государственной корпорации «Агентство по страхованию

вкладов» обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными сделок по перечислению денежных средств с банковского счета общества в счет погашения обязательств по кредитному договору и применении последствий недействительности сделок. Заявленные требования были удовлетворены постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда округа. Верховный суд согласился с их выводами. Также Верховный Суд РФ указал, что ссылка на совершение сделок в рамках обычной хозяйственной деятельности не может быть принята во внимание, так как наличие картотеки неисполненных платежных документов уже само по себе свидетельствует о том, что сделка выходит за пределы такой деятельности¹¹. Тем не менее, из совокупности обстоятельств дела следует, что оспариваемые сделки были обычными как для должника, так и для ответчика. Также установлено, что картотека была скрытой, фактически, она представляла собой отдельный счет, на котором банк отражал операции (поручения клиентов), которые он не мог исполнить ввиду недостаточности денег на корреспондентском счете. Создание скрытой картотеки неисполненных документов преследовало цель сокрытия от банковского регулятора и от клиентов признаков отклонений от обычной хозяйственной деятельности, о чем не знали и не должны были знать клиенты банка¹². То есть, судом снова проигнорирован один из основных принципов гражданского права.

Таким образом, достаточно серьезным остаётся вопрос: насколько обоснованно такое расширение возможности по объективному оспариванию сделок? В Концепции развития гражданского законодательства неоднократно указывалось на необходимость усиления принципа добросовестности¹³. Но, несмотря на то, что с 1 марта 2013 года этот принцип получил закрепление на законодательном уровне, фактически он не принимается во внимание при оспаривании некоторых сделок должника по специальным основаниям, предусмотренным законом о банкротстве. Полагаем, что такая практика достаточно опасна, поскольку приводит к дестабилизации гражданского оборота и противоречит общему направлению развития законодательства.

Литература

1. «О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон Рос. Федерации от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 01.01.2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.
2. «О некоторых вопросах, связанных с применением главы 3.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63, пункт 9 // Вестник ВАС Рос. Федерации. 2011. № 3.
3. Постановление ФАС Поволжского округа от 20 февраля 2014 г. по делу № А65-335/2011. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.03.2017).
4. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 23 июня 2015 г. № 25, пункт 1// Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2015. № 8.
5. «О некоторых вопросах, связанных с применением главы 3.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63, пункт 11 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.03.2017).

6. Определение Верховного Суда РФ от 18.07.2016 по делу № 304-ЭС15-2412(16), № А27-472/2014; Определение Верховного Суда РФ от 23.11.2015 № 305-ЭС15-5815, Определение Верховного Суда РФ от 27.05.2015 № 305-ЭС14-1353 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.03.2017).
7. Определение Верховного Суда РФ от 22.08.2016 № 309-ЭС15-16756(9,10) по делу № А50-17399/2014; Определение Верховного Суда РФ от 26.10.2015 № 305-ЭС15-8046 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.03.2017).
8. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 3. ст. 335.
10. Определение Конституционного суда РФ от 17.07.2014 № 1675-О. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.03.2017).
11. Определение Верховного Суда РФ от 22.08.2016 № 309-ЭС15-16756 (9,10) по делу № А50-17399/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.03.2017).
12. Определение Арбитражного суда Пермского края от 26.10.2015 по делу № А50-17399/2014. / Картотека арбитражных дел: официальный интернет – портал. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения 10.03.2017).
13. О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: указ Президента РФ от 18 июня 2008 г. № 1108 (ред. от 29 июня 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 29, ч. 1, ст. 3482.

Космачева Е.С.
выпускник, ПГНИУ

К ВОПРОСУ О ПРИКАЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: статья посвящена проблемам применения приказного производства в арбитражном процессе, эффективности приказного производства в арбитражном процессе.

Ключевые слова: приказное производство, бесспорность, арбитражный процесс, судебный приказ.

Kosmacheva E.S.
graduate, PSU

ON THE CONCEPT OF THE WRIT PROCEEDINGS IN THE ARBITRATION PROCEDURE

Annotation: The article is devoted to problems of application of writ proceedings in the arbitration procedure, the effectiveness of the writ proceedings in the arbitration procedure.

Keywords: writ proceedings, incontestability, arbitration procedure, writ of injunction.

В последнее время достаточно активно реформируется законодательство, регламентирующее порядок выдачи судебного приказа. В связи с принятием Фе-

деральных законов от 2 марта 2016 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»² и № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»³ приказное производство стало неотъемлемой частью не только гражданского, но и арбитражного процесса. В этой связи представляется актуальным остановиться на некоторых аспектах функционирования приказного производства в арбитражном процессе более подробно.

Одной из главных целей введения в арбитражный процесс приказного производства является сокращение нагрузки судей. Кроме того, приказное производство осуществляется в более короткие, по сравнению с исковым производством, сроки, что позволит взыскателю быстрее осуществить защиту нарушенного права.

Приказное производство в арбитражном процессе регулируется гл. 29.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации¹. Согласно ст. 229.1 АПК РФ «судебный приказ – это судебный акт, вынесенный судьей единолично на основании заявления о взыскании денежных сумм» по требованиям, которые: 1) вытекают из неисполнения или ненадлежащего исполнения договора и основаны на представленных взыскателем документах, устанавливающих денежные обязательства, которые должником признаются, но не исполняются, если цена заявленных требований не превышает четыреста тысяч рублей; 2) основаны на совершенном нотариусом протесте векселя в неплатеже, неакцепте и недатировании акцепта, если цена заявленного требования не превышает четыреста тысяч рублей; 3) заявлены о взыскании обязательных платежей и санкций, если указанный в заявлении общий размер подлежащей взысканию денежной суммы не превышает сто тысяч рублей (ст. 229.2 АПК РФ)¹.

Мы бы хотели подробнее остановиться на первом типе требований. В связи с тем, что институт приказного производства не предусматривает возможность вызова сторон, решение судьи основывается только на документах, представленных взыскателем. Тем не менее, законодатель не определяет перечень документов, которые свидетельствуют о бесспорности требования. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» указано «бесспорными являются требования, подтвержденные письменными доказательствами, достоверность которых не вызывает сомнений, а также признаваемых должником», но перечень документов также не определен⁴. Судебная практика показывает, что суды, руководствуясь п.20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности»⁵, к документам,

свидетельствующим о признании долга, относят: признание претензии; изменение договора уполномоченным лицом, из которого следует, что должник признает наличие долга, равно как и просьба должника о таком изменении (например, об отсрочке или о рассрочке платежа); акт сверки взаимных расчетов, подписанный уполномоченным лицом⁷.

Вместе с тем, согласно п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 27.12.2016 № 62 «под денежными суммами, которые подлежат взысканию в порядке приказного производства, понимаются суммы основного долга, а также начисленные на основании федерального закона или договора суммы процентов и неустоек (штрафа, пени), суммы обязательных платежей и санкций...»⁴. Если сумму основного долга можно подтвердить актом сверки, подписанным уполномоченным лицом, то размер неустойки подтвердить актом сверки невозможно, также сложно подтвердить размер неустойки иными документами, поскольку размер неустойки, как правило, изменяется ежедневно⁸.

С введением приказного производства в арбитражный процесс у судей появилась возможность возвратить заявление о выдаче судебного приказа взыскателю в связи с тем, что заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке искового производства (п.5 ст. 229.4 АПК РФ)¹. Ранее выбор вида производства относился к компетенции суда⁶, теперь в случае возврата заявления о выдаче судебного приказа по указанному основанию, истец (взыскатель) должен повторно обращаться в тот же суд с теми же требованиями, но в порядке искового производства. В таком случае нагрузка судей, напротив, только увеличивается.

На наш взгляд, одной из самых серьезных проблем, препятствующих эффективной работе института приказного производства, является возможность отмены судебного приказа на основании возражений должника. Подчеркнем, что согласно п. 31 Постановления Пленума ВС РФ от 27.12.2016 № 62 такие возражения могут содержать только указание на несогласие с вынесенным судебным приказом⁴. На наш взгляд, это положение позволяет недобросовестному должнику затягивать процесс. Кроме того, это во многом противоречит природе приказного производства – бесспорности требования.

В этой связи, представляется важным, предусмотреть возможность выдачи судебного приказа при наличии немотивированных возражений должника и выносить определение об отмене приказа только в случае предоставления должником подтверждающих документов (или стимулировать должника экономическими методами). В противном случае нагрузка судей только увеличивается, в случае обращения истца (взыскателя) в порядке искового производства, судья должен рассмотреть тоже дело с соблюдением процедур, предусмотренных АПК РФ¹, для данной категории дел.

К положительным сторонам приказного производства можно отнести то, что судебный приказ одновременно является исполнительным документом, позволяющим взыскателю быстрее обратиться в банк или к судебным приставам.

Вместе с тем, для того чтобы приказное производство было эффективным, на наш взгляд, необходимо четко определить перечень документов, подтверждающих бесспорный характер задолженности, предоставить истцу (взыскателю) право выбора способа защиты своих прав, а также доработать нормы, регламентирующие порядок отмены судебного приказа.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ. [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 02.03.2016 №45-ФЗ. [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
3. О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 02.03.2016 № 47-ФЗ. [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве: Постановление Пленума ВС РФ от 27.12.2016 № 62. [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
5. О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности: Постановление Пленума ВС РФ от 29.09.2015 № 43. [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
6. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих: Постановление Пленума ВС РФ от 10.02.2009 № 2. [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.02.2017 № 09АП-3358/2017; Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.01.2017 по делу № А49-14059/2016. [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.02.2017 № 09АП-989/2017. [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Латыпов Д.Н.

к.ю.н., доцент кафедры, ПГНИУ

К ВОПРОСУ О НАДЛЕЖАЩЕМ СПОСОБЕ ЗАЩИТЫ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Аннотация: статья посвящена исследованию необходимости изменения правовых положений о способах защиты гражданских прав, содержащихся в статье 12 Гражданского кодекса РФ. На сегодняшний день законодатель не содержит легального определения способа защиты гражданского права, единых условий его применения

заинтересованными лицами. При этом в пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ» содержится указание на надлежащий и ненадлежащий способы защиты гражданских прав, а также правовые последствия избрания заинтересованным лицом способа защиты, не влекущего восстановления нарушенного права. Автором приводится аргументация нецелесообразности закрепления права суда самостоятельно определять квалификацию заявленных истцом требований, поскольку такое правомочие нарушит такой фундаментальный принцип арбитражного процесса, как состязательность сторон. Также автором на основе анализа сложившейся судебной практики сформулированы общие условия применения надлежащего способа защиты гражданских прав.

Ключевые слова: способы защиты гражданских прав; цель защиты гражданских прав; перечень способов защиты гражданских прав; надлежащий способ защиты гражданских прав.

Latypov D.N.
PhD in Law, Assistant professor, PSU

TO THE QUESTION OF THE RELIABLE WAY OF PROTECTION OF OBLIGATORY CIVIL RIGHTS

Annotation: The article is devoted research of necessity of change of legal positions about the methods of defence of civil laws, contained in the article 12 the Civil code of Russian Federation. To date a legislator does not contain legal determination of method of defence of civil law, single terms of his application the interested persons. Thus in a point 9 Decisions of Plenum of Supreme Court of Russia from 23.06.2015 № 25 «About application of some positions of section of I part of the first courts the Civil code» there is pointing on the proper and improper methods sewn up civil laws, and also law consequences of electing the interested face of method of defence, not drawing renewal of the broken right. An author is bring an argumentation over of pointlessness of fixing of right for a court independently to determine qualification of the requirements declared a plaintiff, as such competence will be violated by such fundamental principle of the adjudicatory proceeding, as contentionness of sides. Also an author on the basis of analysis of the folded judicial practice is formulate the general conditions of application of the proper method of defence of civil laws.

Keywords: methods of defence of civil laws; purpose of defence of civil laws; list of methods of defence of civil laws; proper method of defence of civil laws.

На сегодняшний день перечень способов защиты гражданских прав приведен в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Вместе с тем, нормативное определение способа защиты, равно как и легально закреплённые общие положений о способах защиты гражданских прав в законе отсутствуют.

С появлением пункта 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», посвященного вопросам избрания заинтересованным лицом способа защиты гражданских прав, в правовой доктрине возникло активное обсуждение понятий «надлежащего» и «ненадлежащего» способа защиты.

Приведенный набор теоретико-практических проблем подтверждают актуальность исследования названного вопроса с целью определения единого подхода к законодательному регулированию способов защиты гражданских прав.

Итак, материальный закон не содержит каких-либо общих, применимых ко всем способам защиты гражданских прав условий. Системный анализ сложившейся судебной практики отсылает нас к положениям ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - АПК РФ), ст. 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ).

К примеру, по смыслу ч. 1 ст. 4 АПК РФ способы защиты гражданских прав должны соответствовать характеру допущенного нарушения этих прав, а восстановление нарушенных прав должно быть непосредственным следствием реализации этих способов¹.

Из п. 1 ст. 1 ГК РФ также следует, что необходимым условием применения того или иного способа защиты гражданских прав является обеспечение восстановления нарушенного права истца².

В тех случаях, когда закон предусматривает для конкретного правоотношения определенный способ защиты, лицо, обращающееся в суд, вправе воспользоваться именно этим способом защиты³.

Наконец, по смыслу ст. 12 ГК РФ сторона, заинтересованная в защите своего нарушенного права, вправе выбрать способ его защиты, эффективность которого обусловлена разницей в фактических обстоятельствах спора (основаниях иска), характере нарушенного права и в природе каждого способа защиты⁴.

Следовательно, установленная законом свобода выбора конкретного способа защиты все же ограничена наличием определенных критериев такого выбора, нарушение которых будет являться основанием для отказа в удовлетворения иска по причине избрания заинтересованным лицом ненадлежащего способа защиты гражданских прав.

Вместе с тем, в пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» сформулирована правовая позиция, согласно которой если при принятии искового заявления суд придет к выводу о том, что избранный истцом способ защиты права не может обеспечить его восстановление, данное обстоятельство не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения либо оставления без движения. В соответствии со статьей 148 ГПК РФ или статьей 133 АПК РФ на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора.

По смыслу части 1 статьи 196 ГПК РФ или части 1 статьи 168 АПК РФ суд определяет, какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам.

Суд также указывает мотивы, по которым не применил нормы права, на которые ссылались лица, участвующие в деле. В связи с этим ссылка истца в исковом заявлении на не подлежащие применению в данном деле нормы права сама по себе не является основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования.

Указанные разъяснения не содержат прямого указания на невозможность отказа в иске заинтересованному лицу по причине избрания им ненадлежащего способа защиты, не влекущего непосредственного восстановления прав. Вместе с тем, согласно названной позиции суд вправе за истца переформулировать правовую квалификацию его заявленных требований. Означает ли подобная позиция наличие права суда самостоятельно изменить избранный истцом способ защиты?

Думается, такой подход несколько нарушает закрепленный статьей 9 АПК РФ принцип состязательности и равноправия сторон в арбитражном процессе. Полагаем, что суд не должен за истца устранять его «недоработки», тем самым, по сути, исполнять обязанность, возложенную на истца законом. Наличие такого правомочия у суда нарушит баланс интересов сторон, ограничит право противоположной стороны аргументировано и эффективно защищать свои интересы.

Представляется, что исключение названного права суда самостоятельно определять квалификацию заявленных истцом требований будет более способствовать достижению задач арбитражного процесса.

В рассматриваемой ситуации уместным было бы вспомнить правовую позицию ВАС РФ, отраженную в Постановлении Президиума ВАС РФ от 15.10.2013 N 8127/13, в соответствии с которой суд не вправе за ответчика исполнять соответствующую обязанность по опровержению представленных истцом доказательств, поскольку иначе будут нарушены такие фундаментальные принципы арбитражного процесса, как состязательность и равноправие сторон, что может привести к принятию неправильного решения (ст. 9 АПК РФ).

Следовательно, поскольку суд не вправе за стороны исполнять обязанность по опровержению представленных доказательств, значит суд не должен и самостоятельно за истца формулировать применимые нормы права к его требованиям.

Подводя итоги, представляется возможным констатировать назревшую необходимость изменения статьи 12 ГК РФ и, как следствие, фиксирования общих положений о способах защиты гражданских прав в целях оптимизации эффективности правового регулирования защиты гражданских прав.

В частности, думается, необходимо законодательно закрепить в качестве общего условия применения надлежащего способа защиты гражданских прав обеспечение непосредственного восстановления нарушенного или оспоренного права или законного интереса, а также предусмотреть отказ в иске как правовое последствие избрания ненадлежащего способа защиты, в том числе в связи с неверной правовой квалификацией заинтересованным лицом избранного способа защиты.

Литература

1. Постановление ФАС УО от 09.10.2014 № Ф09-6674/2014, Постановление ФАС Московского округа от 15.07.2014 N Ф05-12881/2013 по делу N А41-44323/12 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2017).
2. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 21.07.2014 по делу N А61-3820/2013 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2017).
3. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 11.07.2014 по делу N А32-34232/2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2017).
4. Определение Верховного Суда РФ от 16.09.2014 г. по делу № 310-ЭС14-79 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2017).

Леппа Ф.Н.

студент, ПГНИУ

Научный руководитель: Латыпов Д.Н.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭМИССИИ ЦЕННЫХ БУМАГ

Аннотация: в работе исследованы проблемы правового регулирования эмиссии ценных бумаг. Сформулирована собственная точка зрения на определение понятия эмиссии. Проанализированы этапы эмиссии ценных бумаг и дана оценка правовой конструкции исследуемого явления. На основе действующего законодательства и научной литературы сформулированы предложения по реформированию процесса эмиссии ценных бумаг, заключающиеся в оптимизации процедуры эмиссии, а также в совершенствовании юридической техники.

Ключевые слова: рынок ценных бумаг, эмиссия ценных бумаг, ценные бумаги, государственное регулирование рынка ценных бумаг.

Leppa F.N.

student, PSU

Supervisor: Latypov D.N.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF EMISSION OF SECURITIES

Annotation: This article explores the problems of legal regulation of emission of securities. The author formulated his own point of view on the definition of emission. The stages of emission were analyzed and the assessment of the legal structure of the investigated phenomenon was given. On the basis of current legislation and scientific literature author formulated proposals on reforming the process of emission of securities, which consisted in optimizing the procedure of emission and improving the legal technique of legal norms regulating it.

Keywords: stock market, emission of securities, securities, state regulation of the securities market.

Эффективное правовое регулирование эмиссии ценных бумаг является чрезвычайно важным для создания привлекательных условий развития рынка ценных бумаг, так как от правомерности осуществления процедуры эмиссии зависит не только законность привлечения эмитентом денежных средств для

развития своего предприятия, но и гарантии соблюдения прав инвесторов. Перед государством стоит сложная задача в соблюдении баланса интересов между эмитентами и инвесторами. Без надёжных гарантий защиты прав и законных интересов инвесторов при осуществлении эмиссии ценных бумаг невозможно будет привлечь их капиталы на фондовый рынок.

Действующая редакция Федерального закона от 22.04.1996 N 39-ФЗ (ред. от О рынке ценных бумаг», определяет эмиссию ценных бумаг как установленную законом последовательность действий эмитента по размещению эмиссионных ценных бумаг. Исходя из анализа ст. 2 и гл. 5 обозначенного Закона, можно прийти к выводу, что существующая легальная дефиниция эмиссии ценных бумаг является неточной. В литературе справедливо отмечается, что процедура состоит не только из действий эмитента, а размещение ценных бумаг и соответствующие гражданско-правовые сделки по их размещению являются лишь одним из этапов эмиссии¹.

На основе законодательства и трудов учёных-юристов предложено собственное определение понятия эмиссии как юридического состава, представляющего собой установленную законодательством процедуру последовательных действий эмитента и государственных органов, направленных на создание и выпуск в обращение ценных бумаг как объектов гражданских прав.

Статья 19 ФЗ «О рынке ценных бумаг» устанавливает, что процедура эмиссии ценных бумаг включает в себя следующие этапы:

принятие решения о размещении эмиссионных ценных бумаг или иного решения, являющегося основанием для размещения эмиссионных ценных бумаг; утверждение решения о выпуске (дополнительном выпуске) эмиссионных ценных бумаг;

государственная регистрация выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг или присвоение выпуску (дополнительному выпуску) эмиссионных ценных бумаг идентификационного номера;

размещение эмиссионных ценных бумаг;

государственная регистрация отчета об итогах выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг или представление уведомления об итогах выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг.

Более детально данные этапы регулируются «Положением о стандартах эмиссии ценных бумаг, порядке государственной регистрации выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг, государственной регистрации отчетов об итогах выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг и регистрации проспектов ценных бумаг» (утв. Банком России 11.08.2014 28-П).

Нам представляется, что процедура эмиссии наполнена лишними этапами, сокращение которых необходимо для того, чтобы рынок стал более привле-

кательным для размещения ценных бумаг. Это возможно сделать, например, путём объединения первых двух этапов: принятия решения о размещении ценных бумаг и утверждения решения о выпуске. Очевидна общая правовая природа этих юридических фактов – они оба представляют собой корпоративные акты. Объединение же самих решений (то есть возможность издания одного акта вместо двух), что предлагают сделать ряд авторов², нам видится рациональным только в случае, если полномочие по принятию решения о размещении эмиссионных ценных бумаг в уставе общества передано совету директоров, в этом случае совет директоров фактически два раза будет выполнять одно и то же действие – принимать решение о размещении и утверждать решение о выпуске.

Кроме того, пятый этап эмиссии ценных бумаг (Государственная регистрация отчёта) нам также видится избыточным. Такой элемент в составе эмиссии возлагает дополнительные издержки на эмитентов и инвесторов. В качестве правового последствия непредставления эмитентом отчета или признания недействительности уведомления выступает возможность признания всего выпуска несостоявшимся по решению регистрирующего органа. Также, недействительность отдельных сделок, совершенных в процессе размещения эмиссионных ценных бумаг, не должна влечь за собой признания всего выпуска эмиссионных ценных бумаг недействительным. При этом появление новых гарантий или способов защиты для участников данного процесса, в данных условиях, неочевидно.

На практике часто возникали ситуации, когда акционерное общество размещало дополнительные акции по закрытой подписке среди акционеров общества, что Банк России ошибочно трактовал как сделки с заинтересованностью и отказывал в регистрации отчёта о выпуске на основании требований статьи 83 Федерального закона от 29.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и пункта 24.1 Положения Банка России от N 428-П, что приводило к аннулированию всей процедуры эмиссии. Несмотря на то, что судебные инстанции признавали такие решения регулятора незаконными (Например, Постановление Первого арбитражного апелляционного суда по делу N А43- или решение по делу N А79-1810/2015⁵), экономические и временные издержки, которые понесли участники этих отношений, остаются печальными последствиями существующих недостатков процедуры эмиссии ценных бумаг.

В литературе, посвящённой сравнительно-правовому исследованию эмиссии ценных бумаг в различных правовых порядках, справедливо отмечается, что такой юридический факт как государственная регистрация отчёта не входит в процедуру эмиссии ни в одном государстве, имеющем развитый фондовый рынок³. Думается, что регистрацию такого отчёта можно вывести за пределы процедуры эмиссии.

Регулирование рынка ценных бумаг, в том числе и эмиссии, является динамичным процессом. Законодательство в этой сфере меняется с большой скоростью, и многие изменения можно оценивать положительно. Например, увеличение количества закреплённых в законе случаев, когда регистрация проспекта эмиссии не требуется. Однако, существует ещё ряд проблем, которые законодателю предстоит решить.

Литература

1. Галкова Е. В. Правовое регулирование эмиссии ценных бумаг по российскому праву и праву зарубежных стран (сравнительно-правовой аспект). // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2017).
2. Габов А.В.. Ценные бумаги: Вопросы теории и правового регулирования рынка. Статут. 2011. С. 551.
3. Галкова Е. В. Указ. соч.
4. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 23.06.2016 по делу N А43-27017/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2017).
5. Решение Арбитражного суда Чувашской Республики от 02.06.2015 по делу N А79-1810/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2017).

Лукманова П.Д.

студент, ПГНИУ

Научный руководитель: Фролович Э.М.

ВЗЫСКАНИЕ КОМПЕНСАЦИИ В СВЯЗИ С ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ИСКА

Аннотация: в статье рассмотрен такой способ процессуальной защиты как взыскание компенсации в связи с принятыми обеспечительными мерами. Дан краткий обзор становления судебной практики по взысканию компенсации и проанализирован ряд проблемных вопросов, возникающих при использовании этого способа защиты.

Ключевые слова: обеспечительные меры, компенсация в связи с обеспечением иска

Lukmanova P.D.

student, PSU

Supervisor: Phrolovich E.M.

COMPENSATION IN CONNECTION WITH SECURING OF SUIT

Annotation: In the present article such a method is procedural protection as the recovery of compensation in connection with the adopted interim measures. A brief overview of the formation of judicial practice on compensation and analyzed a number of problematic issues arising from the usage of this method of protection.

Keywords: interim measures, compensation in connection with securing of suit.

Одним из способов процессуальной защиты интересов ответчика является взыскание убытков в связи с обеспечительными мерами. Однако п.1 ст.98 АПК РФ

предусмотрено, что ответчик и иные лица, чьи права и законные интересы нарушены принятыми обеспечительными мерами, вправе требовать также выплаты компенсации¹.

Ранее ст. 98 АПК РФ предусматривала возможность заинтересованному лицу требовать только взыскания убытков. Сложность доказывания ряда обстоятельств (противоправность в действиях истца; факт возникновения убытков и их размер; причинно-следственная связь между действиями истца и возникшими у ответчика убытками) вынудила законодателя включить еще один механизм – право требовать выплаты компенсации (от одной тысячи до одного миллиона рублей)².

В судебной практике не было единого подхода к взысканию убытков и компенсации. Так, в рамках одного подхода компенсация признавалась отличным от возмещения убытков средством защиты. На это указывает, в частности, тот факт, что арбитражные суды допускали возможность требовать выплаты компенсации в случае отказа в возмещении убытков³. Логика у такого подхода следующая. Если убытки взыскиваются по общим правилам ГК РФ, где необходимо доказать факт несения убытков и размер, противоправность поведения истца и причинно-следственную связь между последствием и действием, то компенсация взыскивается независимо от вины истца. Для ее взыскания достаточно, чтобы права ответчика были нарушены обеспечительными мерами⁴. В то же время в ч. 2 ст. 98 АПК РФ предусмотрено, что суд при определении размера компенсации учитывает не только характер нарушения, но и иные обстоятельства. Следовательно, не исключено, что правомерно учитывать факт подачи явно необоснованных исковых требований при взыскании компенсации.

На первый взгляд данный подход заслуживает одобрения: убытки взыскиваются за противоправные действия истца, а компенсация представляет собой возмещение убытков за правомерные действия. Однако не все суды поддерживали данную точку зрения. Так, ФАС Поволжского округа, отменяя решения нижестоящих судов, признавал различие между возмещением убытков и выплатой компенсации, считая все же, что при взыскании последней необходимо доказывать наличие вины истца⁵.

Иначе на институт убытков и компенсации посмотрела Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного суда РФ (далее – Коллегия). В Определении Коллегия прямо указала, что «в предмет доказывания по иску о возмещении убытков, причиненных в связи с обеспечением иска, не входит установление виновности инициировавшего принятие обеспечительных мер лица, поскольку право на возмещение соответствующих убытков основано на положениях пункта 3 статьи 1064 ГК РФ и возникает в силу прямого указания закона»⁶.

Д.И. Смольников отмечает, что ранее такой смелый вывод напрашивался как минимум только в отношении компенсации. Поскольку в ч. 1 ст. 98 АПК РФ прямо

указано следующее: убытки возмещаются «в порядке и в размере, которые предусмотрены гражданским законодательством». Сама же ст. 98 АПК РФ не содержит буквального указания на возможность взыскания убытков без учета вины истца. Но, считает автор, если Коллегия посчитала возможным взыскать убытки, причиненные обеспечительными мерами, без учета вины истца, то логично предположить, что такой же подход остается распространить и на взыскание компенсации. Именно это и было сделано высшим судом при рассмотрении дела № А53-1835/2015⁷.

Комментируя Определение № 308-ЭС15-18503 (далее – Определение)⁸, Д.И. Смольников отмечает, что данное решение окончательно подтверждает, что и убытки, и компенсация взыскиваются согласно ст. 98 АПК РФ вне зависимости от противоправности действий истца, и делает важный, на наш взгляд, вывод. Автор полагает, что в ст. 98 АПК РФ заложены не различные средства правовой защиты, а различные механизмы расчета потерь⁹.

Данное Определение было приведено в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3, в п. 34 которого установлено, что «на истце лежит бремя доказывания возникновения у него негативных последствий и наличия причинно-следственной связи между этими последствиями и обеспечением иска. Вопрос о виновности лица, по заявлению которого были приняты обеспечительные меры, не входит в предмет доказывания по данной категории дел»¹⁰.

В юридической литературе в связи с этой правовой позицией Верховного суда РФ возникает вопрос: необходимо ли ответчику, который требует взыскать компенсацию, доказывать негативные последствия от принятых обеспечительных мер. В судебной практике нередки случаи, когда ответчик заявляет иски о взыскании компенсации, не представляя при этом доказательств, которые бы подтверждали факт несения им убытков. Суды отказывают в удовлетворении иска, мотивируя тем, что ответчик не доказал негативные последствия в связи с обеспечением иска¹¹.

Так, Н.Б. Кашников в блоге на правовом портале zakon.ru полагает, что Верховный суд РФ в Определении, имел в виду, что ответчик должен представить доказательства, обосновывающие именно размер компенсации¹².

В Определении установлено, «при выборе такого способа защиты как взыскание компенсации отсутствует необходимость строгого доказывания размера понесенных убытков по правилам ст. 15 ГК РФ. Однако закрепленные в ст. 98 АПК РФ критерии определения размера присуждаемой компенсации, касающиеся характера ограничения (нарушения) имущественной сферы потерпевшего обеспечением иска и учета принципов разумности и справедливости, предполагают обоснование потерпевшим негативных последствий, наступивших от обеспечительных мер, доказывание им причинно-следственной связи между негативными последствиями на стороне потерпевшего и обеспечением иска».

Исходя из этого, Н.Б. Кашников делает вывод, что суд однозначно не вправе отказать в компенсации, а ответчик вправе не представлять доказательства и не обосновать, каким образом обеспечительные меры навредили его имущественному положению. Иное толкование ст. 98 АПК РФ, по мнению автора, содействовало бы испрашиванию обеспечительных мер по необоснованным искам, освобождению от ответственности субъектов, заявивших соответствующие требования. Кроме того, сам факт принятия обеспечительных мер, влекущий запрет ответчика распоряжаться своим имуществом, неизбежно нарушает права ответчика как собственника, закрепленные ст. 35 Конституции РФ.

Данная позиция имеет место быть, однако, как нам представляется, Верховный суд РФ в своем Определении, указывая на обязанность заинтересованных лиц доказывать негативные последствия от принятых обеспечительных мер, тем самым отметил, что институт убытков схож с институтом компенсации. В то же время, в Определении отмечается, что при взыскании компенсации отсутствует необходимость строгого доказывания размера понесенных убытков, тем самым подчеркивается различие указанных способов защиты, а именно: в механизме расчета потерь.

Изложенное позволяет сделать вывод, что судебная практика по взысканию компенсации в связи с обеспечением иска является противоречивой. В связи с неясной законодательной редакцией ст. 98 АПК РФ на практике возникает ряд вопросов. На данном этапе, суды должны исходить из понимания компенсации как средства правовой защиты, которое отличается от убытков только лишь в расчете возникших потерь.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 19.12.2016) // Российская газета. 27.07.2002. № 137.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 19.07.2009 № 205-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // Российская газета. 22.07.2009. № 133.
3. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 18.01.2013 по делу № А73-8778/2012.
4. Постановление АС Уральского округа от 23.12.2014 по делу № А76-16423/2013.
5. Постановление ФАС Поволжского округа от 07.05.2013 по делу № А65-23257/2012.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 14.09.2015 по делу № 307-ЭС15-3663.
7. Смольников Д.И. Взыскание компенсации в связи с обеспечением иска // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. №7. С. 32-35.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 06.05.2016 по делу № 308-ЭС15-18503.
9. Смольников Д.И. Взыскание компенсации в связи с обеспечением иска // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. №7. С. 35.
10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3: утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 19.10.2016.
11. Решение АС Чувашской Республики-Чувашии от 31.01.2017 г. по делу № А79-10614/2016.
12. Кашников Н.Б. Доказывание негативных последствий обеспечительных мер при взыскании компенсации (ст. 98 АПК РФ) [сайт] URL: https://zakon.ru/blog/2017/2/2/dokazyvanie_negativnyh_posledstvij_ot_obespechitelnyh_mer_pri_vzyskanii_kompensacii_st_98_apk_rf (дата обращения: 05.03.2017).

Лунегова В.П.

студент, ПГНИУ

Научный руководитель: Воронцов С.Г.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СУДЕБНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: в статье дается оценка институту профессионального представительства, введенному в административное судопроизводство. Поскольку институт представительства характерен для всех отраслей процессуального права, автор анализирует необходимость наличия у судебного представителя высшего юридического образования в арбитражном и гражданском процессах. Делается вывод, что в этих видах судопроизводства профессиональное представительство будет способствовать реализации принципа состязательности сторон.

Ключевые слова: профессиональное судебное представительство, высшее юридическое образование, административный процесс, арбитражный процесс, гражданский процесс.

Lunegova V.P.

student, PSU

Supervisor: Vorontsov S.G.

PROFESSIONAL JUDICIAL REPRESENTATION: RESULTS AND PROSPECTS

Annotation: in the article the legal institution of professional judicial representation, which introduced in administrative proceeding, is appraised. Since there is professional judicial representation in all trials, author analyzes the necessity higher legal education for representative in arbitrage and civil justices. The conclusion is in arbitrage and civil justices professional judicial representation will promote to adversarial character of the judicial process.

Keywords: professional judicial representation, higher legal education, administrative proceeding, arbitrage justice, civil justice.

С 15 сентября 2015 года представителями по договору по делам, возникающим из административных и иных публичных отношений, могут быть только лица, имеющие высшее юридическое образование (ч.1 ст. 55 КАС РФ¹). Конституционный смысл этого положения, заключается в том, что законодатель определил границы свободы выбора представителя, поскольку само право на судебную защиту не предполагает выбора по своему усмотрению любых способов и процедур защиты².

Закрепление института профессионального представительства только в КАС РФ, в то время как в АПК РФ и ГПК РФ специальных требований к образованию представителя нет, объясняется тем, что сфера применения принципа диспозитивности в гражданском и арбитражном процессах шире, чем в административ-

ном. Ограничение диспозитивности в административном судопроизводстве обусловлено тем, что природа спорного публичного правоотношения не предполагает возможности свободного распоряжения субъективным материальным правом. Некоторые авторы подчеркивают, что новелла, содержащаяся в ч.1 ст. 55 КАС, направлена на установление определенных гарантий гражданам, которые, не имея высшего юридического образования, не способны на равных конкурировать в суде с государственными органами³. Мы с ними согласны и считаем, что обеспечение равенства сторон может выступать в качестве основания ограничения диспозитивности. Но нельзя не заметить, что в административном процессе установлены иные, более весомые гарантии. В частности, содержащееся в части 2 ст. 62 КАС РФ правило о распределении бремени доказывания. В литературе также отмечается активная роль суда в административном процессе (ст. 63 КАС РФ: истребование доказательств по собственной инициативе; ч. 2 ст. 62 КАС РФ: несвязанность суда доводами и основаниями заявленных требований по некоторым категориям дел)⁴. В связи с этим, мы полагаем, что наличие у представителя высшего юридического образования является дополнительной, несущественной гарантией равенства участников административного судопроизводства, в большей степени проявляющейся на стадии возбуждения дела.

О том, что высшее юридическое образование представителя является лишь дополнительной гарантией равенства участников административного процесса, свидетельствуют многочисленные исключения, содержащиеся в КАС РФ. Во-первых, к участнику административного процесса не предъявляются специальные требования об образовании. Во-вторых, не должны обладать высшим юридическим образованием законные представители. Такой вывод можно сделать, проанализировав часть 1 и часть 5 ст. 57 КАС РФ. В-третьих, не обязаны иметь высшее юридическое образование единоличный орган управления организацией и уполномоченные ею на ведение административного дела лица (часть 3 ст. 57 КАС РФ). На вышеизложенные исключения стоило обратить внимание, чтоб оценить масштаб применения части 1 ст. 55 КАС РФ.

При закреплении нормы об обязательности высшего юридического образования для представителя по договору, не был учтен один момент, на который обратил внимание А.А. Соловьев, заместитель председателя Арбитражного суда Московской области. Ссылаясь на личный опыт, он отмечает, что при рассмотрении налоговых споров адвокаты и сотрудники юридических компаний по уровню профессиональной подготовки зачастую существенно уступают специалистам в финансовой сфере, имеющим высшее экономическое образование⁵. Однако мы полагаем, что данное замечание не носит принципиальный характер, так как возможно найти профессионалов и в юридической, и в экономической сферах.

Несмотря на несовершенство института профессионального представительства, введенного в административное судопроизводство, норма действует продолжительное время, ее конституционность подтверждена Конституционным Судом РФ. На наш взгляд, вектор развития этого института направлен на то, что и в иных процессах (арбитражном, гражданском) представителями по договору смогут быть только лица, имеющие высшее юридическое образование. О необходимости введения института профессионального представительства в арбитражный процесс говорил Председатель ВАС РФ А. А. Иванов на итоговом совещании председателей арбитражных судов России 25 января 2012 года⁶. Он отмечал, что участие непрофессионалов в рассмотрении арбитражных дел, во-первых, затягивает процесс, а во-вторых, объективно приводит к неравному положению сторон. В связи с этим ВАС РФ был подготовлен законопроект «О судебных представителях» (его обзор размещен на правовом портале pravo.ru). В соответствии с этим документом представительство граждан в арбитражных судах вправе осуществлять лица, аккредитованные при арбитражном суде, имеющие высшее юридическое образование – квалификацию «юрист» по специальности «Юриспруденция» (степень бакалавра и магистра юриспруденции по направлению подготовки «Юриспруденция»). Хотя федеральный закон о судебных представителях не был принят, некоторые положения законопроекта, на наш взгляд, сложно переоценить. Таким положением является предложение о ведении единого реестра судебных представителей, аккредитованных при арбитражных судах, в котором должны содержаться сведения о дипломе о высшем юридическом образовании, а также, при желании представителя, сведения о стоимости его услуг. Вениамин Федорович Яковлев в одном из своих интервью подчеркнул, что качество правосудия зависит не только от судьи, но и от представителей сторон, которые в равной мере должны располагать возможностью подготовки дела в соответствии с интересами представляемых ими лиц, иначе не избежать одностороннего подхода в рассмотрении дела. Валерий Геннадьевич Голубцов видит необходимость введения института профессионального представительства в арбитражный процесс в связи с реализацией модели электронного правосудия⁷. Действительно, ФЗ от 23.06.2016 №220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»⁸ закрепил принципиальное положение во всех процессуальных кодексах (АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ): «лица, участвующие в деле, также вправе представлять в арбитражный суд документы в электронном виде, в том числе в форме документа, подписанного электронной подписью в порядке, установленном законодательством РФ». Учитывая то, что на различных электронных торговых площадках и в информационных системах имеются свои требования к используемым в них сертификатам ключей проверки электронной подписи, сертификаты электронной подписи могут различаться. Удобней, на наш взгляд, ситуация, когда

документы будут подписываться электронной подписью представителя. И если это не так очевидно в арбитражном процессе, большинство участников которого имеют электронные подписи, то в гражданском процессе профессиональный представитель, имеющий ЭЦП, значительно уменьшит материальные расходы представляемого. Однако это скорее аргумент на будущее, так как до полного перехода к модели электронного правосудия еще очень далеко.

В заключение, следует подчеркнуть, что введение требования о высшем юридическом образовании представителя по договору не ограничивает право граждан и организаций на доступ к правосудию, поскольку они могут вести свои дела лично. Не стоит опасаться и установления «адвокатской монополии», поскольку Конституционный Суд РФ дал отрицательную оценку этому явлению. Более того, по нашему мнению, институт профессионального представительства улучшит качество отправления правосудия, поскольку вся работа будет осуществляться профессионалами, квалифицированными юристами. В административном процессе он служит наряду с другими институтами обеспечению равенства сторон. В арбитражном и гражданском судопроизводстве институт профессионального представительства, прежде всего, будет способствовать реализации принципа состязательности сторон, поскольку АПК РФ и ГПК РФ закрепляют обязанность сторон доказывать те обстоятельства, на которые они ссылаются.

Литература

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: принят Гос. Думой Федер. Собрания РФ 8 мар. 2015 г. N 21-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2015. 9 мар.
2. По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания - Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан: постановление Конституц. Суда РФ от 16 июля. 2004 г. N 15-П// Рос.газета. 2004. 27 июля.
3. Административное судопроизводство: учебник / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, С.К. Загайнова и др.; под ред. В.В. Яркова. М.: Статут, 2016. 560 с.
4. Казиханова С. С. Опасные новеллы института представительства по Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. N 5 С. 23
5. Соловьев А.А. Высшее юридическое образование как обязательное квалификационное требование к судебным представителям // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2015. N 3. С. 104.
6. Выступление Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А.А.Иванова на итоговом совещании председателей арбитражных судов России 25января. 2012.URL: <http://www.arbitr.ru> (дата обращения 24.02.2017).
7. Голубцов В.Г. Введение института профессионального судебного представительства как очередной этап судебной реформы: актуальные подходы// Третий пермский конгресс ученых-юристов: материалы междунар. науч.-практ. конф., 2012. С. 150.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: Федер. закон от 23 июня 2016 г. N 220-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 26 (Часть I). ст. 3889.

РОЛЬ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ИНСТИТУТЕ ПОДСУДНОСТИ

Аннотация: в статье приводятся примеры использования характеристик обязательства (место исполнения договора, место заключения договора) в правилах территориальной подсудности. Роль обязательственных правоотношений в институте подсудности заключается в территориальном приближении суда к истцу. Автором рассмотрена коллизия исключительной и альтернативной подсудности.

Ключевые слова: обязательственное правоотношение, территориальная подсудность, место исполнения договора, место заключения договора.

Lyubimova E.V.
Senior lecturer, PSU

THE ROLE OF CONTRACTUAL RELATIONS IN THE INSTITUTE OF JURISDICTION

Annotation: The article provides examples of the use of the characteristics of the obligations (the place of performance of the contract, the place of conclusion of the contract) in the rules of territorial jurisdiction. The role of contractual relations in the Institute of jurisdiction is the territorial approach of the court to the plaintiff. The author considers collision of exceptional and alternative jurisdiction.

Keywords: contractual relation, territorial jurisdiction, the place of performance of the contract, the place of conclusion of the contract.

Сделка, причинение вреда или иное основание возникновения обязательства могут входить в основание исковых требований, за которым признается функция по проверке тождества исков. Также в литературе¹ выдвигается теория о способности юридических фактов, входящих в основание иска, регулировать подсудность.

Самым очевидным примером влияния обязательственного правоотношения на подсудность выступает одно из правил альтернативной подсудности, имеющее серьезный исторический опыт. Согласно Уставу гражданского судопроизводства 1864 года альтернативную подсудность составляло указание в договоре места его исполнения, а также случаи, когда исполнение по свойству обязательства, может последовать только в определенном месте. Тогда иски предъявляются местному по исполнению договора суду². Местом исполнения договора следует считать то место, где исполнялись установленные в договоре действия, а не то, где произво-

дились платежи за эти действия³. Напротив К. Малышев признает местом исполнения «место платежа по векселю, расчеты по торговым обязательствам на ярмарке»⁴.

По мнению К.П. Змирлова, подсудность по месту исполнения договора имеет ввиду не только требование о самом исполнении договора, но и вообще все иски, возникающие из договора, как-то: требование об убытках, о расторжении договора, о взыскании неустойки и проч., т.е. все иски, возникающие из договора, в котором установлено место его исполнения и исполнение которого, по свойству обязательства может последовать только в определенном месте. Если закон признавал справедливым облегчить истцу предъявление иска по договору, при заключении которого имелось ввиду определенное место исполнения, позволяя ему предъявить таковой в этом именно месте, то это будет справедливо, и в случаях требования истцом установленных в договоре или установленных законом последствий неисполнения или ненадлежащего исполнения договора (неустойки, убытков и т.д.)⁵. Таким же образом высказывался Е.В. Васьковский⁶.

В другом комментарии к Уставу гражданского судопроизводства, составленном под редакцией присутствующего поверенного С.И. Гальперина и кандидата прав Л.М. Ротенберга, отмечается, что под данное правило подсудности «не подходят иски об обратном требовании неправильно уплаченных денег, иски о неустойке, об убытках, вытекающих из неисполнения договора»⁷. При таком выводе авторами сделаны ссылки на судебную практику 1868-1877 годов, что свидетельствует о формировании в один период времени двух подходов в применении подсудности по месту исполнения договора.

Вместе с тем в названных работах высказано мнение о назначении рассматриваемой нормы: «установлена в интересах истца и имеет значение льготы для него, а потому, если истец отказывается от своего права и предъявляет иск не в месте исполнения договора, а в месте жительства ответчика, то он не желает пользоваться льготой, а потому ответчик не вправе требовать чтобы эта льгота была превращена для него в обязанность, и не может заявить отвода о неподсудности»⁸. Однако В.Л. Исаченко относит этот случай подсудности к исключительной территориальной⁹.

Е.В. Васьковский данное правило подсудности объясняет цепочкой логических рассуждений: «всякое обязательство рассчитано на исполнение; в момент исполнения и в месте исполнения оно осуществляется, получает реальное воплощение; если исполнение не последует добровольно, то должник может быть вынужден, при помощи судебной власти, исполнить свое обязательство или вознаградить за убытки, причиненные кредитору своею неисправностью. Естественно поэтому предоставить кредитору право предъявить иск в случае неисполнения должником обязательства там, где должно было произойти исполнение»¹⁰. В данном случае сформулировано право воспользоваться судебной защитой в месте

исполнения обязательства не в связи с процессуальными преимуществами, а по причине предсказуемости продолжения спорных правоотношений там, где стороны обговорили в договоре, в том числе принудительного исполнения обязанности в натуре.

В современной литературе данный вид альтернативной подсудности называется «косвенным соглашением о подсудности», поскольку согласовывая место исполнения обязательств, стороны тем самым как бы расширяют границы подсудности возможных споров¹¹. Также отмечается неудачность фразы «исполнение договора», поскольку часто допускается подмена понятий «договор» и «обязательство», в каждом простейшем договоре каждому обязательству одной стороны соответствует обязательство другой стороны, то есть в любом договоре присутствует как минимум два обязательства¹².

По нашему мнению, в рассматриваемом правиле подсудности есть неоспоримое преимущество, которое заключается в отсутствии перевеса в сторону ответчика. Критерий подсудности (юридический факт), входящий в основание иска, отвечает назначению института и сформулирован корректно. Помимо альтернативной подсудности рассматриваемый критерий (место исполнения обязательства) и дополнительно к нему «место заключения договора» являлись частью общего правила подсудности согласно Уставу гражданского судопроизводства 1864 года. Применение указанных критериев происходило при неизвестности места жительства ответчика и места нахождения его имущества.

Юридическая техника поэтапного определения подсудности указывают на то, что вариативность общего правила подсудности не является новой для современного правового регулирования; последовательность правил территориальной подсудности показывает постепенное перемещение гарантий о территориально удобном суде от ответчика к истцу.

Сторона спора как критерий подсудности в рамках одного вида (общая территориальная подсудность) постепенно заменяется на юридические факты, что в целом создает эффект приближения суда к истцу. Кроме того, представляется важным последовательность процессуальных действий: первоначально в ходе дела устанавливается подсудность, а на следующей стадии процесса проверяется надлежащий характер ответчика. Здесь на формальный, организационный характер общего правила подсудности указывает правило, согласно которому в случае замены ответчика, привлечения соответчика, подсудность, установленная первоначально, изменению не подлежит.

Рассмотрим другое правило подсудности, основанное на обязательстве, - иски из договора перевозки. Первоначально специальное регулирование было посвящено управлению железной дороги, споры с которой в царское время подчинялись правилу альтернативной подсудности, а в советский период данная норма прошла трансформацию из альтернативного в исключительный вид.

Споры, вытекающие из договоров железнодорожной перевозки, не могли быть переданы на рассмотрение арбитражной комиссии даже если были подходящие субъекты (органы государственной власти) или надлежащее соглашение сторон¹³. Исключительная подсудность данных споров объяснялась как условие для всестороннего исследования некоторых категорий судебных дел, разрешение которых в ином месте затруднительно¹⁴.

Рассматриваемое правило исключительной подсудности может конкурировать в одном деле с альтернативной подсудности (при наличии у перевозчика филиала или представительства), что вызывает необходимость решить коллизию норм.

В отношении филиала или представительства в судебной практике отдан приоритет альтернативной подсудности, более того, рассматривая требования против ОАО «Российские железные дороги», судами отмечается, что у Общества помимо филиалов есть также отделения, которые наделены полномочиями, присущими филиалу. Поэтому с учетом территории Российской Федерации, а также протяженности железных дорог, следует признавать право подать иск не только по месту нахождения филиала, но и по месту нахождения отделения ОАО «РЖД»¹⁵.

Таким образом, поскольку критерием рассмотренных случаев исключительной подсудности выступает ответчик, постольку это максимально приближает данный вид к общему правилу подсудности. Данное обстоятельство является ключом к вопросу о соотношении альтернативной и исключительной подсудности в пользу первой (общее правило уступает альтернативной, а исключительная норма повторяет общую, следовательно, исключительная норма должна уступать альтернативной).

Литература

1. См.: Любимова Е.В. Критерии территориальной подсудности гражданских дел // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 2 (47). С. 155.
2. Гурьянов П. Практический курс гражданского и уголовного судопроизводства для подготовки к экзамену на звание частного поверенного.. М.: Изд. журнала Самообразование, 1912. С. 79.
3. Гальперин С.И., Ротенберг Л.М. Устав гражданского судопроизводства. Екатеринослав. 1915. С. 109.
4. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. Т.1. СПб.: «Тип. Стасюлевича», 1874. С. 169-170.
5. Змирлов К.П. Устав гражданского судопроизводства. СПб.: Изд-во брнд.кн.склада «Право»,1914. С. 312.
6. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. / Под ред. В.А. Томсинова. М.: Издательство «Зерцало», 2003.С. 152.
7. Гальперин С.И., Ротенберг Л.М. Устав гражданского судопроизводства. Екатеринослав. 1915. С. 109.
8. Змирлов К.П. Устав гражданского судопроизводства. СПб.: Изд-во брнд.кн.склада «Право»,1914. С. 94.
9. Исаченко В.Л. Русское гражданское судопроизводство. Практическое руководство для студентов и начинающих юристов. Минск. 1901. С. 16.
10. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. / Под ред. В.А. Томсинова. М.: Издательство «Зерцало», 2003.С. 152.
11. Рожкова М.А., Елисеев Н.Г., Скворцов О.Ю. Договорное право: соглашение о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашение / под общей ред. М.А. Рожковой, - М.: Статут, 2008. С. 31.
12. Анохин В.С. Подсудность и подведомственность судебных дел судам Российской Федерации // Российская юстиция. 2014. № 4. С. 43.
13. См. Гойхбарг А.Г. Курс гражданского процесса. М. 1928. С. 161.

14. Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс. М. 1956. С. 192.
15. Судебная практика // Арбитражный и гражданский процесс, 2009, N 4. С. 40-41.

Мазитова К.О.
студент, ПГНИУ

ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ ДОГОВОРА ДАРЕНИЯ ДОЛИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ПРИТВОРНОЙ СДЕЛКОЙ

Аннотация: в статье рассматривается одно из основных прав участника общества с ограниченной ответственностью – право на отчуждение доли в уставном капитале. Особое внимание уделяется вопросам продажи доли и соблюдения преимущественного права других участников. Рассматривается проблема признания договора дарения доли притворной сделкой.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью, доля в уставном капитале, отчуждение доли, договор дарения, притворная сделка.

Mazitova K.O.
student, PSU

THE PROBLEM OF A SHARE IN THE AUTHORIZED CAPITAL OF THE LLC DONATION CONTRACT'S ACKNOWLEDGMENT AS A FEIGNED TRANSACTION

Annotation: The Article reviews one of the basic rights of the LLC's member - right of alienation of a share in the authorized capital. Particular attention is paid to the questions of sale of a share and compliance with the prerogative right of other LLC's members. The problem of a share donation contract's acknowledgment as a feigned transaction is reviewed.

Keywords: Limited Liability Company, share in the authorized capital, alienation of a share, donation contract, feigned transaction.

Одним из основных прав участника общества, закрепленных в ст. 8 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО)¹ является право продать или осуществить отчуждение иным образом своей доли или части доли в уставном капитале общества одному или нескольким участникам данного общества либо другому лицу.

Под отчуждением, на наш взгляд, следует понимать совершение таких сделок, которые влекут переход прав на долю или часть доли к другому лицу. В пункте 2 статьи 21 Закона об ООО в качестве сделок, направленных на отчуждение, предусмотрены договор купли-продажи и отчуждение иным образом. Под отчуждением иным образом понимается отчуждение по договору дарения, договору мены и иным, в том числе не предусмотренным гражданским законодательством, но не противоречащим ему сделкам.

Поскольку в случае отчуждения доли третьему лицу в обществе появляется новый участник, участник общества, желающий произвести такое отчуждение доли, несколько ограничен в своих действиях:

1) в уставе общества может быть установлен запрет на отчуждение доли третьим лицам;

2) необходимо соблюсти преимущественное право участников общества, пропорционально размерам их долей, или самого общества (если это предусмотрено в уставе) на покупку доли или ее части по цене предложения третьему лицу или по заранее определенной уставом общества цене.

Однако преимущественное право участников действует только в случае отчуждения доли путем ее продажи, при этом в отношении заключения договоров мены или дарения, предметом которых выступает доля в уставном капитале, такое ограничение для продавца доли не предусмотрено. Однако в литературе встречается точка зрения, согласно которой преимущественное право распространяется на все возмездные договоры, в том числе договор мены². Это противоречит следующей позиции ВАС РФ³: «из толкования положений п. 3 ст. 7 ФЗ «Об акционерных обществах» следует, что законодатель, определяя отношения, в рамках которых применимо преимущественное право приобретения акций, не предусмотрел возможности реализации этого права при отчуждении акций по договору мены». Полагаем, что данную позицию можно применить и в отношении доли в уставном капитале ООО. В отношении договора дарения ВАС РФ также изложил свою позицию⁴: «На случаи безвозмездной передачи участником принадлежащей ему доли третьему лицу право преимущественной покупки не распространяется. Уставом общества может быть предусмотрена необходимость получения согласия общества или остальных его участников на уступку доли участника третьему лицу иным образом, чем продажа».

Распространение преимущественного права только на случаи отчуждения доли по договору купли-продажи, создает благоприятную почву для злоупотребления правом со стороны участников общества. На практике широко распространены обращения в суд с исками о признании договора дарения притворной сделкой ввиду того, что данный договор прикрывает возмездное отчуждение доли и заключен в обход преимущественного права другого участника на приобретение доли. Однако в силу того, что установить факт возмездности данного договора практически невозможно, суды отказывают в удовлетворении исковых требований.⁵

В практике встречаются единичные случаи удовлетворения исковых требований. Но их сложно назвать исключением из общего правила, поскольку для них характерно наличие специфических условий, которые позволяют судам вынести положительное решение.

В качестве примера можно привести ситуации, когда с иском обращается не участник общества, преимущественное право которого было нарушено, а сторона по сделке.⁶ Истец, не получив оплату за долю в размере 24 миллионов рублей, которую обещал передать Ответчик при заключении договора дарения, обратился с иском в суд. Сам ответчик также не отрицал тот факт, что сделка была возмездной, и пояснил следующее: из-за оформления сделки не по договору купли-продажи, а путем дарения ему была предложена существенная скидка, кроме того, договор дарения был заключен из-за простоты оформления сделки.

Похожая ситуация возникает, когда в ходе рассмотрения дела по иску Общества один из Ответчиков (в рассмотренном примере – даритель) признает факт возмездности договора.⁷ В качестве доказательств, подтверждающих слова Ответчика, выступали свидетельские показания, расписка о получении денежных средств на сумму 700 000 рублей, а также договор банковского вклада на указанную сумму, заключенный в день получения денежных средств, которые сам Ответчик и предоставил.

В рассмотренных ситуациях у суда отсутствовали основания для отказа в удовлетворении требований, так как стороны сами признали возмездность совершенной сделки и необходимость в доказывании этого факта отсутствовала.

Кроме того, суды удовлетворяют требования о признании договора дарения притворной сделкой, когда указанный договор входит в цепочку договоров по отчуждению доли в уставном капитале. Согласно позиции Верховного суда РФ, участник ООО вправе требовать перевода на себя прав и обязанностей покупателя доли в уставном капитале в случае совершения другим участником последовательных притворных сделок дарения и продажи частей доли третьему лицу в обход правила о преимущественном праве покупки доли.⁸

В этом случае обладатель доли по договору дарения отчуждает незначительную часть своей доли третьему лицу, благодаря чему оно становится участником общества. После чего оставшаяся часть доли передается ему по договору купли-продажи. Поскольку лицо к тому моменту уже стало участником общества, необходимость в получении согласия других участников отсутствует, если иное не предусмотрено в уставе общества. Таким образом, договор дарения части доли заключается с целью последующей продажи оставшейся части в обход преимущественного права других участников. О притворности оспариваемых договоров и направленности воли ответчиков на возмездное отчуждение всей доли свидетельствуют небольшой промежуток времени между заключением договоров, незначительный процент подаренной части доли по сравнению с процентом проданной доли, отсутствие между ответчиками родственных или иных отношений, которыми мог бы быть обусловлен безвозмездный характер договора дарения.⁹

В настоящий момент, общество может быть защищено от подобных ситуаций, путем включения соответствующего положения в устав. В части 2 статьи 21 Закона об ООО законодатель закрепил диспозитивную норму, согласно которой в устав общества может быть включено положение о необходимости получения согласия участников или общества на отчуждение доли любым способом, в том числе по безвозмездной сделке. Однако на практике, в большинстве случаев, учредители общества копируют типовые уставы ООО, не внося в них какие-либо дополнительные положения, в связи с чем, данное положение в них отсутствует.

Полагаем, что для решения рассмотренной проблемы часть 2 статьи 21 Закона об ООО необходимо дополнить следующим положением: «На отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества третьим лицам по договору дарения, за исключением сделок между близкими родственниками, необходимо получить согласие общества». На наш взгляд, данное изменение позволит предотвратить заключение притворных договоров дарения и максимально защитить интересы общества.

Литература

1. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Российская газета. N 30. 17.02.1998.
2. Лебедев К.К. Защита прав обладателей бездокументарных ценных бумаг. М., 2007. С. 28.
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.06.2009 N 131 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров о преимущественном праве приобретения акций закрытых акционерных обществ» // «Вестник ВАС РФ», N 9, 2009.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 90, Пленума ВАС РФ N 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // «Российская газета», N 19, 27.01.20005.
5. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11.06.2015 N Ф09-12994/13 по делу N А60-13800/2013 [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 24.11.2016 N Ф05-17233/2016 [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 14.01.2008 по делу N А56-49043/2006 [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», N 140, 30.06.2015.
9. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 29.11.2016 N Ф10-4313/2016 по делу N А35-8091/2013 [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ПРЕКРАЩЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в статье рассматриваются основные проблемы, связанные с прекращением судебной экспертизы в арбитражном процессе. Анализируется действующее законодательство, судебная практика. Сформулированы основные выводы, касающиеся закрепления в действующем законодательстве оснований и порядка прекращения судебной экспертизы, необходимости совершенствования судебной практики.

Ключевые слова: прекращение судебной экспертизы, принцип состязательности сторон, судебское усмотрение.

Malykh I.V.
graduate, PSU

THE TERMINATION OF FORENSIC EXAMINATION IN THE ARBITRATION PROCESS

Annotation: The article discusses the main problems associated with the termination of judicial examination in the arbitration process. The author analyzes the current legislation, judicial practice. The main conclusions concerning the establishment of the grounds and procedure for the termination of judicial expertise in the current legislation, the need to improve judicial practice are formulated.

Keywords: the termination of forensic examination, competitiveness, judicial discretion.

Заключение эксперта – доказательство особенное, его получают для установления фактов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства и пр. Роль этого доказательства в условиях усложнения хозяйственного оборота возрастает.

Проблемы судебной экспертизы привлекают внимание многих юристов – ученых и практиков, однако, до настоящего времени не проводилось исследования вопросов прекращения судебной экспертизы (основаниям, процедуре).

В части порядка назначения и проведения судебной экспертизы привлекает внимание факт отсутствия изменений Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ) за почти 15 лет.

Вряд ли это означает, что начальная редакция закона не нуждается в доработке. Несмотря на относительную прогрессивность арбитражного процессуального законодательства, его нельзя признать совершенным.

К недостаткам АПК РФ можно отнести отсутствие норм, регламентирующих основания и порядок для прекращения ранее назначенной судом экспертизы. Это

является реальным, а не «мнимым» пробелом в праве, поскольку указанные общественные отношения нуждаются в правовом регулировании, а это регулирование отсутствует¹.

Преодолевая пробел, Пленум ВАС РФ в пункте 19 постановления №23 от 04.04.2014 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» (далее – Постановление №23) разъяснил, что если необходимость в продолжении проведения экспертизы отпала (например, вследствие изменения истцом основания иска, уничтожения предмета экспертного исследования), суд по заявлению участвующих в деле лиц или по своей инициативе в соответствии с ч. 1 ст. 184 АПК РФ выносит определение о прекращении проведения экспертизы и возобновляет производство по делу, если оно было приостановлено².

Сформулированное Пленумом ВАС РФ разъяснение – самостоятельное судебское правотворчество, создана новая норма права³.

Из указанного разъяснения следует, что после назначения экспертизы обстоятельства изменяются настолько, что ее продолжение бессмысленно, результаты экспертизы утрачивают доказательственное значение по делу.

Несмотря на руководящее разъяснение, судебная практика по рассматриваемому вопросу противоречива.

Во многих случаях, арбитражные суды решают вопрос о судьбе экспертизы в соответствии с выявленным смыслом разъяснений ВАС РФ. Суды прекращают экспертизу при изменении стороной спора предмета экспертного исследования⁴, при фактическом отсутствии документов для исследования⁵, при прекращении производства по делу в результате отказа от иска или заключения мирового соглашения⁶.

По одному из дел, судом кассационной инстанции сделан важный вывод о недопустимости прекращения проведения экспертизы при отсутствии доказательств невозможности ее проведения⁷.

Истечение срока для проведения экспертизы часто не признается судами в качестве уважительной причины ее прекращения, сроки продлеваются.

Но не редки дела, в которых факт просрочки представления заключения эксперта влечет безвозвратное прекращение экспертизы. Суды ссылаются на необходимость соблюдения сроков рассмотрения дел, принципа процессуальной экономии, отсутствие «исключительности» заключения эксперта для суда, достаточность иных доказательств⁸.

Такая практика является спорной, вызывает многочисленные вопросы.

Экспертиза предполагает затраты времени, но это оправдано задачей более полного и всестороннего исследования всех обстоятельств дела.

В большинстве случаев суды при назначении экспертизы приостанавливают производство по делу, этот период не входит в срок его рассмотрения. Нарушение

права на судопроизводство в разумный срок в соответствии со статьей 6.1 АПК РФ также отсутствует.

Правовая защита стороны спора не должна без законных оснований ограничиваться в пользу принципа процессуальной экономии⁹.

На практике возникает справедливый вопрос о правомерности отмены судом своего определения о назначении экспертизы¹⁰. Из системы толкования норм АПК РФ следует, что отмена принятых определений возможна либо судом вышестоящей инстанции (ст.ст. 188 272, 290 АПК РФ), либо судом – «автором» отменяемого определения, если это предусмотрено законом (например, ст. 97 АПК РФ). В законе отсутствует специальное полномочие суда на отмену своего определения о назначении экспертизы.

Острота вопроса усиливается, когда определение суда о назначении экспертизы с приостановлением производства по делу прошло обжалование в апелляционном и (или) кассационном порядке и оставлено без изменения.

Тогда суд первой инстанции, прекращая экспертизу, по сути, переоценивает выводы вышестоящих судов, которые подтвердили необходимость ее проведения. Представляется, что непоследовательность суда первой инстанции в этом случае нарушает целый ряд принципов: обязательности судебных актов, поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечения действия принципа правовой определенности.

К сожалению, приходится констатировать, что такие случаи не редкость в современной судебной практике¹¹. По нашему мнению, требуется соответствующая реакция Верховного Суда РФ.

Отсутствие законодательных ограничений для арбитражных судов при решении вопроса о прекращении экспертизы может привести перерастанию судебного усмотрения в судебный произвол. Все же в деятельности органов власти, включая суды, должен действовать принцип: «разрешено только то, что прямо разрешено законом»¹².

Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права могут быть ограничены только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Прекращение проведения экспертизы без наличия на то законных оснований может привести к существенному ограничению прав участников арбитражного процесса, к неоказанию судом содействия в представлении необходимых доказательств, будет нарушен принцип состязательности сторон.

С учетом конституционного принципа ограничения прав только федеральным законом, считаем, что АПК РФ требует доработки в части вопросов прекращения судебной экспертизы (оснований, порядка оформления) с учетом глубокого доктринального осмысления.

Для обсуждения предлагаю рассмотреть вариант дополнения ст. 83 АПК РФ частью 4 в следующей редакции: «если необходимость в продолжении проведения экспертизы отпала (с согласия лица, участвующего в деле, по ходатайству которого назначена экспертиза; уничтожения предмета экспертного исследования и в иных случаях, исключающих использование заключения эксперта в качестве доказательства по делу), суд по заявлению участвующих в деле лиц или по своей инициативе в соответствии с ч. 1 ст. 184 АПК РФ выносит определение о прекращении проведения экспертизы и возобновляет производство по делу, если оно было приостановлено».

Негативной тенденцией судебной практики является расширение сферы судебного усмотрения, противоречивость судебных актов, что требует вмешательства Верховного Суд РФ для выработки единообразных правовых подходов.

Реализация озвученных предложений позволит достичь оптимальный баланс интересов сторон спора, соблюдению принципов арбитражного процесса.

Литература

1. Зайцева Е.С., Козловский П.В. Понятие «мнимые пробелы в праве» и роль мнимых пробелов в механизме правового регулирования // Современное право. 2015. №7. С. 33 - 37.
2. Аналогичное правило содержалось и пункте 13 Постановления Пленума ВАС РФ от 20.12.2006 №66 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» / Документ опубликован не был / [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 01.03.2017).
3. Воронцова И.В. Постановления Пленума ВС РФ и их влияние на российское гражданское судопроизводство // Вестник гражданского процесса. 2012. №4. С. 68 - 99.
4. Определение ВАС РФ от 24.04.2014 №ВАС-4708/14 по делу №А41-16557/2012 / Документ опубликован не был / [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 01.03.2017).
5. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 19.04.2011 по делу №А70-12464/2009/ Документ опубликован не был / [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 01.03.2017).
6. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.06.2013 №17АП-13651/2012-ГК по делу №А60-35037/2012, постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.08.2014 по делу №А13-14247/2013, постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.11.2014 по делу №А64-337/2013, определение Арбитражного суда Пермского края от 21.02.2017 по делу № А50-15674/2015 / Документы опубликованы не были / [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 01.03.2017).
7. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.12.2015 №Ф09-8521/15 и определение Верховного Суда РФ от 08.04.2016 №309-ЭС16-2050 по делу №А50-25307/2014 / Документы опубликованы не были / [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 01.03.2017).
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.11.2015 №Ф05-15624/2015 по делу №А40-58460/13, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.08.2015 №Ф07-4733/2015 по делу №А56-8718/2014, постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 08.07.2015 №06АП-445/2015 по делу №А80-17/2013, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.08.2015 № 09АП-26795/2015 по делу №А40-77653/10 / Документы опубликованы не были / [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 01.03.2017).
9. Алексеевская Е.И. О соблюдении принципа правовой определенности в производстве в суде надзорной инстанции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 4.
10. Приходько А.И. Воспрепятствование разрешению дел в арбитражных судах: актуальные вопросы судебного правоприменения. М., 2006. С. 288, Юдин А.В. Даешь экспертизу! // ЭЖ-Юрист, 2009, № 10.

11. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.10.2016 №Ф09-11652/15 по делу №А50-16675/2015, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.12.2016 №Ф09-10853/16 по делу №А50-4135/2016 / Документы опубликованы не были / [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 01.03.2017).
12. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М., 2001. С. 56, Егоров С.Н. Аксиоматические основы теории права. СПб., 2001. С. 142.

Микова М.И.
магистрант, ПГНИУ
научный руководитель: Латыпов Д.Н.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Аннотация: в статье автором рассмотрен феномен социального предпринимательства, выявлены основные проблемы социального предпринимательства в России, определены принципиальные критерии, раскрывающие определение термина «социальное предпринимательство» и предлагается законодательное оформление данного феномена.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, государственная поддержка, нормативное оформление социального предпринимательства, социальная сфера.

Mikova M.I.
master student, PSU
Supervisor: Latypov D.N.

ABOUT SOME CHALLENGES AFFECTING THE DEVELOPMENT OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA

Annotation: In this article the author examines the social entrepreneurship phenomenon in Russia, identifies the main problems of social entrepreneurship in Russia, defines the fundamental criteria that reveal the definition of the term «social entrepreneurship» and offers social enterprise legalization.

Keywords: Social entrepreneurship, the Governmental support, social enterprise legalization, social sphere.

В предпринимательском праве, впрочем, как и в большинстве других отраслей, действует принцип справедливости. Одним из интересных для изучения аспектов предпринимательства является принцип социальной справедливости. В связи с этим полагаем необходимым обратиться к такому феномену, проявившему себя в России в предшествующие несколько лет, как социальное предпринимательство, тем более что научный интерес к этому явлению только растет¹.

В ряде периодических изданий настойчиво поднимается проблема развития социального предпринимательства на территории России. Причем развитие социального предпринимательства относят к приоритетной группе мероприятий

государственной программы поддержки малого и среднего предпринимательства в России².

В настоящее время социальное предпринимательство распространяется на сферу оказания услуг в области образования, медицинскую сферу и социальное обеспечение.

Закон, регулирующий эту деятельность в России, на сегодняшний день отсутствует. Однако на министерском уровне утверждаются нормативные акты, регламентирующие те или иные направления работы таких компаний. Кроме этого, правовые документы принимаются и на региональном уровне.

Таким образом, в формате настоящей статьи можно выделить некоторый ряд проблем в регулировании отношений социального предпринимательства.

Во-первых, отсутствие четкого доктринального, а тем более законодательного определения социального предпринимательства. В действующем законодательстве лишь дано определение понятию «социально ориентированная деятельность», которое раскрыто в Приказе Министерства экономического развития РФ от 25 марта 2015 г. N 167 «Об утверждении условий конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские(фермерские) хозяйства, и требований к организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» (далее - Приказ № 167), — это деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, улучшение условий жизнедеятельности гражданина и (или) расширение его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности, а также на обеспечение занятости, оказание поддержки инвалидам, гражданам пожилого возраста и лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации.

Сам термин «социальное предпринимательство» является относительно новым для российской практики и употребляется по отношению к самым разным видам бизнеса. Такое отсутствие однозначного понимания предполагает многообразие областей деятельности предпринимателей, но возникают сложности в едином восприятии самого понятия. Это становится очевидным в тех случаях, когда, например, встает вопрос о поддержке социального предпринимательства государством или бизнес-сообществом³.

В литературе «социальное предпринимательство» - это новаторская деятельность, изначально направленная на решение или смягчение социальных проблем общества на условиях самокупаемости и устойчивости.

Несмотря на то, что единства в определении термина «социальное предпринимательство» среди ученых не достигнуто, большинство соглашается с тем, что принципиальными критериями, раскрывающими его содержание, является «со-

циальное воздействие», инновационность решений (применение новых, уникальных подходов, позволяющих увеличить социальное воздействие)⁴, масштабируемость и тиражируемость, а также предпринимательский подход, т.е. способность социального предпринимателя видеть провалы рынка, аккумулировать ресурсы, разрабатывать новые решения, оказывающие долгосрочное позитивное влияние на общество в целом. Важным, но не принципиальным критерием социального предпринимательства является самоокупаемость и финансовая устойчивость⁵.

Во-вторых, законодательное регулирование. Специального законодательства о социальном предпринимательстве в России на данный момент не существует.

Государственный подход к социальному предпринимательству ограничен рамками приказов Минэкономразвития России, в которых ежегодно с 2011 г. социальные предприниматели рассматриваются как субъекты малого и среднего предпринимательства, претендующие на конкурсной основе на получение государственных субсидий. В единственном официальном документе из года в год под социальным предпринимательством понимается «социально ответственная деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства, направленная на решение социальных проблем».

На наш взгляд, является целесообразным разработка проекта федерального закона, который регулировал бы создание, деятельность и ликвидацию таких предприятий, и дальнейшее его принятие. В первую очередь в данном законе необходимо закрепить понятие «социальное предпринимательство», далее выявить сферы деятельности, в которых желательно его развитие, установить меры государственной поддержки и стимулирующие механизмы для развития таких предприятий.

В то же время большинство экспертов считают, что принятие отдельного закона о социальном предпринимательстве преждевременно. По мнению экспертов Фонда «Наше будущее», на данном этапе развития сектора целесообразно закрепить понятие социального предпринимательства путем внесения изменений и дополнений в действующее законодательство. Вернуться к вопросу об отдельном законе целесообразно, когда будет наработан опыт по финансированию проектов социальных предпринимателей и иной поддержке, государственному регулированию сектора, а также отчетности предпринимателей⁶.

Однако с полной уверенностью можно сказать, о том, что существующие законы не учитывают специфику этого сектора, а предприниматели не готовы заниматься социальными проектами из-за большого числа административных и иных барьеров.

Необходимо совершенствование нормативного правового регулирования социального предпринимательства.

В-третьих, еще одна «острая» проблема социального предпринимателя — вопрос о необходимой государственной поддержке, в том числе финансировании.

Сегодня у социальных предпринимателей ограниченный доступ к источникам финансирования, в основном это предоставление субсидии и грантов. Отсутствие четких критериев для отбора победителей, не прозрачность проведения конкурсов, это и многое другое несомненно вызывает большое количество схем мошенничества. В 2015г. за мошенничество при получении пособий, компенсаций, субсидий, социальных и иных денежных выплат было осуждено более 3 тыс. лиц, что составило более 12% от общего числа осужденных по статье 159 УК РФ⁷.

Во всех законодательных системах общим вопросом является степень доступности социальным предпринимателем налоговых льгот и наличие налоговых кредитов или субсидий. В настоящее время система льгот наиболее распространена в сферах оказания услуг в области образования, медицины и социального обеспечения. Налоговые льготы для выше названных сфер оказания услуг, содержатся в различных нормативных актах от федерального до муниципального уровня. На пример для образовательной и медицинской деятельности установлена налоговая льгота по налогу на прибыль п.1 ст. 284.1 НК РФ; по налогу на добавленную стоимость ст. 149 НК РФ, а Законом Пермского края от 1 апреля 2015 г. № 466-ПК «Об установлении налоговых ставок для отдельных категорий налогоплательщиков, применяющих упрощённую систему налогообложения», установлены льготные налоговые ставки и «налоговые каникулы».

Однако для того, чтобы в полной мере воспользоваться данными «налоговыми выгодами», социальному предпринимателю необходимо преодолеть достаточно большое количество административных барьеров.

Серьёзной проблемой для социального предпринимателя является работа с финансовыми институтами. Финансовые институты не рассматривают социальные проекты, особенно инфраструктурные, в первую очередь потому, что не существует серьёзных аналогий, а если не существует аналогий, очень сложно посчитать и посмотреть, по какой модели работать с этим бизнесом. Ключевым вопросом в работе с банками, стал вопрос субсидирования процентной ставки, потому что отсутствие аналогий и ставка 15–17% на сегодняшний момент в категорической форме отражаются в виде невозможности обеспечения финансовой устойчивости таких проектов⁸.

В-четвертых, доступ социального предпринимателя к инфраструктуре. В рамках решения данной проблемы в июне 2016 года Дмитрий Медведев утвердил «дорожную карту» - «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере», которая будет реализовываться не только на федеральном, но и на региональном и муниципальном уровнях до 2018 года.

В карте содержится обширный комплекс мер, направленных на поддержку социального предпринимательства в России. Среди предлагаемых инициатив: предоставления на льготных условиях помещений, создания банков франшиз, реализации образовательных мероприятий, организации доступа к осуществлению функций социального обслуживания граждан и многое другое.

Общей проблемой социальных предприятий в разных странах оказалось бремя бюрократии, часто чрезмерное. Причина в том, что законодатели не уверены, как надо рассматривать социальное предприятие, поскольку оно не вполне прибыльное, но и не всегда абсолютно благотворительное. В этом смысле проблематичным для социальных предприятий является трудовое законодательство, особенно в вопросе вознаграждения для сотрудников, фактически являющихся волонтерами⁹.

Таким образом, социальное предпринимательство в России развивается стихийно, в различных организационно-правовых формах коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей (как субъектов малого и среднего предпринимательства) и социально ориентированных некоммерческих организаций. Необходимо придать правовой статус социальному предпринимательству, выработать верные критерии социального предпринимательства для того чтобы поддержать тех, кто уже этим занимается и стимулировать дальнейший рост таких предпринимателей.

Несмотря на то, что социальное предпринимательство обычно рассчитано на незащищенные и нуждающиеся слои населения, многим предприятиям удастся не только выйти на самоокупаемость, но получить прибыль, а в дальнейшем и привлечь инвестиции. Для того, чтобы «новый бизнес» активно развивался в России, нам необходимо оценить всю эффективность и полезность некоммерческой социальной деятельности.

При должном развитии института социального предпринимательства, он может стать инструментом решения проблем с области социальной политики.

Литература

1. Гришина Я.С. О нереализованных достоинствах народного предприятия как одной из организационно-правовых форм социального предпринимательства // Юрист. 2014. N 15. С. 43 – 46.
2. Постановление Правительства РФ от 30.12.2014 N 1605 (ред. от 25.05.2016) «О предоставлении и распределении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства в 2015 году»// [Электронный ресурс]. - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Минеев О.А. К вопросу о социальном предпринимательстве // Юрист, 2016, N 6.
4. Сятчихин А.В. Обеспечение обязательств, связанных с инновационной деятельностью хозяйствующих субъектов // Экономика и предпринимательство, 2013. N12 (41-1). С. 719-722.
5. Кротенко А. Социальное предпринимательство // [Электронный ресурс]. — <http://www.cloudwatcher.ru>
6. Милосердие. RU. Православные портал о благотворительности // [Электронный ресурс]. — <https://www.miloserdie.ru>

7. Агентство правовой информации // [Электронный ресурс]. — <http://stat.апи-пресс.рф>
8. Агентство стратегических инициатив. Социальное предпринимательство // [Электронный ресурс]. — <http://asi.ru.ru>
9. Новый Бизнес. Социальное предпринимательство // [Электронный ресурс]. — <http://www.nb-forum.ru>

Микова С.С.

студент, НИУ ВШЭ (Пермь)

Научный руководитель: Любимова Е.В.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: доказательства в гражданском и арбитражном процессе играют не малозначительную роль, являясь важнейшим средством установления фактических обстоятельств. Век научно-технического прогресса порождает необходимость применения доказательств «нового века», законодательное регулирование которых еще не осуществляется в полном объеме.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражный процесс, доказательства, электронные доказательства, электронные документы.

Mikova S.S.

student, HSE (Perm)

Supervisor: Lyubimova E.V.

ELECTRONIC PROOFS IN CIVIL AND ARBITRAL TRIAL

Annotation: Proofs in civil and arbitral trial play an important role, being the most important tool of establishing factual circumstances. Century of scientific and technological progress requires the use of proofs of «new century». But the legislative regulation is not yet implemented in full.

Keywords: civil trial, arbitral trial, proofs, electronic proofs, electronic documents.

Современный судебный процесс отводит доказательствам отдельное место в системе всестороннего и правильного рассмотрения дела. Так как данный институт является межотраслевым и характерен для всех процессуальных отраслей права, то стоит сказать, что доказательства играют неотъемлемую роль в установлении истины между сторонами, что в свою очередь обеспечивает принятие справедливого и соответствующего закону решения.

Доказательства в Арбитражном процессуальном кодексе РФ (ч. 1 ст. 64)¹ (далее – АПК) и в Гражданском процессуальном кодексе РФ (п. 1 ст. 55)² (далее – ГПК) трактуются абсолютно одинаково, однако, некоторые аспекты процедуры доказывания существенно разнятся.

Стоит отметить, что АПК содержит неисчерпывающий перечень доказательств, в то время как ГПК содержит в себе перечень, который является закрытым. Неисчерпывающий перечень доказательств в АПК, по мнению многих юристов,

является минусом, так как происходит «размывание» видов доказательств, что ведет к отсутствию унифицированного подхода в оценке достоверности доказательств, так как для «иных доказательств» нет критериев оценки достоверности.

Век технологий и научного прогресса диктует свои нововведения, поэтому активно начинают использоваться такие доказательства, как сведения, полученные с помощью научно-технических средств³. Такие сведения, несомненно, имеют доказательственное значение, однако, отсутствие законодательного урегулирования критериев относимости таких средств к доказательствам порождает множество споров и проблем.

Важную роль в таких доказательствах играет как форма, так и информация, «заложенная» в эту форму. Большое значение отдается обеспечению надежной защиты информации от преднамеренного искажения, так как незащищённая информация является недостоверным доказательством и не имеет юридической силы (даже если соблюдены требования по наличию всех формальных реквизитов и т.д.)⁴. ГПК на данный момент не содержит в себе правовых гарантий достоверности сведений, полученных с помощью научно-технических средств. Ответственность за фальсификацию таких доказательств тоже отсутствует, что может привести к злоупотреблению со стороны субъекта доказывания.

П. 1 ст.71 ГПК сказано, что документы, полученные посредством электронной связи, относятся к письменным доказательствам. Однако следует учитывать специфику такого рода доказательств, что, в свою очередь, не позволяет приравнивать их к традиционным письменным доказательствам, так как они не содержат субъективной переработки информации.

Электронный документ должен быть воспринимаем человеком, и обладать обязательным реквизитом – электронной подписью. Использование электронной подписи регулируется Федеральным законом от 06.04.2011 N 63-ФЗ « Об электронной подписи»⁵. Ст.6 вышеназванного закона приравнивает электронные документы, подписанные электронной подписью к документам на бумажном носителе при соблюдении условий.

Судебная практика показывает, что в некоторых случаях электронный документ подтверждается свидетельскими показаниями или нотариальным заверением, что подтверждает его не искаженность и правдивость. Как указывалось выше, электронная форма документа не позволяет визуально, то есть непосредственно, без использования специальной техники, обзреть суду данный документ, поэтому нередко стороны представляют суду электронный документ в распечатанном виде. В таком случае, суды могут непосредственно, без привлечения экспертов, изучить копию такого документа. Так, при рассмотрении иска о защите прав потребителя суд указывает, что копия электронного журнала представляет собой информацию на русском языке о проведенных банковских операциях, исследование которой не требует специальных познаний⁶.

АПК также относит электронные документы к письменным доказательствам. Судебная практика по арбитражным делам позволяет сделать вывод, о том, что электронные документы все чаще признаются судом как имеющими юридическую силу. Например, рассматривая дело № КГ-А40/4465-00 ФАС Московского округа в определении от 5.10.2000 года указал, что согласно ст. 5 ФЗ «Об информации»⁷ юридическая сила ЭД может подтверждаться электронной подписью при наличии необходимых технических средств, которые обеспечивают идентификацию подписи, а также при соблюдении режима их использования. Еще в одном деле, арбитражный суд признал незаконными требования налогового органа о предоставлении выписки банка в бумажном варианте с подписями работников учреждения и заверенные печатью при наличии таких выписок в электронной форме. В своем постановлении суд указал, что составление выписок по счету в электронной форме правомерно и основано на законе «Об информации, информатизации и защите информации», который предусматривает, что ЭД, подтвержденный ЭП, имеет юридическую силу⁸.

Также в арбитражном процессе суд, при наличии сомнений о достоверности электронных документов, вправе назначить экспертизу, в результате которой будет составлен акт о достоверности/недостоверности информации электронного документа, заверенного электронной цифровой подписью.

Проверку достоверности электронных подписей может осуществлять удостоверяющий центр - юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, осуществляющие функции по созданию и выдаче сертификатов ключей проверки электронных подписей. Например, суд отказал в удовлетворении иска и исходил из того, что полученные банком от клиента в автоматическом режиме платежные поручения проверены системой, электронная цифровая подпись (ЭЦП) клиента в данных платежных документах признана корректной, что подтверждено также соответствующим заключением компании-разработчика. Сертификат ключа подписи, относящийся к этой электронной цифровой подписи, не утратил силу (действовал) на момент проверки или на момент подписания электронного документа⁹.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что доказательства, как в гражданском, так и в арбитражном процессе играют немаловажную роль, так как именно на их основе можно установить обоснованность требований. Научно-технический прогресс диктует свои правила, в связи с чем, очень активно начали использоваться электронные документы и сведения, полученные с помощью научно-технических средств. Однако, исходя из анализа судебной практики, можно сказать, что в арбитражных процессах данные доказательства применяются чаще, нежели в гражданских делах. На мой взгляд, это можно объяснить тем,

что предпринимательская и иная экономическая деятельность, ввиду более высокого документооборота быстрее переходит к электронным носителям и документам.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // СПС «Консультант плюс».
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // СПС «Консультант плюс».
3. Медведев, И.Г. Доказательства в информационном обществе / И.Г. Медведев // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 3.
4. Берлезов Р.А. Особенности использования электронных доказательств в гражданском процессе // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2010. №7.
5. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ // СПС «Консультант плюс».
6. Постановление ФАС Центрального округа № 172/5 от 28. 04. 2000 года [электронный ресурс] // URL: http://corporativelaw.ru/fas_center/page2882/;
7. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ // СПС «Консультант плюс».
8. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.03.2012 по делу N 11-895 [электронный ресурс] // URL: <http://ourcourt.ru/rubrika/mosgorsud/>.
9. Определение ВАС РФ от 23.01.2012 N ВАС-17495/11 по делу N А46-1625/2011 [электронный ресурс] // URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=80348>.

Минязева С.Р.

магистрант, ПГНИУ

Научный руководитель: Федяев Д.А.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УНИФИКАЦИИ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: в статье исследуется институт упрощенного производства. Изменения, которые вступили в силу в 2016г. в части упрощенных форм производства, показали, что унификация процессуального права предполагает сохранение уже существующих форм упрощенного производства, а также внедрение положений одного кодекса в другой. Но, тем не менее, возникают некоторые вопросы в плане единообразия и эффективности данного процесса.

Ключевые слова: упрощенное производство, приказное производство, унификация.

Minyazeva S.R.

master student, PSU

Supervisor: Fedyaev D.A.

SOME PROBLEMS OF UNIFICATION OF THE SIMPLIFIED PROCEEDING

Annotation: the article contains researches of the simplified proceedings institution. Changes entered into force since 2016 that relates to simplified forms of proceeding showed that unification of procedural law involves the

preservation of existing forms of simplified proceedings as well as the incorporation of rules from the one code to another. Nevertheless, there are some issues that concern a consistency and an efficiency of this process.

Keywords: simplified proceedings, writ proceedings, unification.

Упрощенное судопроизводство известно науке процессуального права еще с древних времен. В отечественном законодательстве оно впервые появилось в Уставе гражданского судопроизводства 1864г¹. К упрощенному производству относились сокращенное, исполнительское, или расчетное, производство². В связи с этим далее мы будем использовать термин «упрощенное производство» также в широком смысле для обозначения форм судопроизводства, охватывающих как непосредственно упрощенное производство (в узком смысле), так и приказное производство.

В 1851г. в системе Российского гражданского правосудия появилось упрощенное производство, которое использовалось только окружными судами. Оно применялось, если требование о взыскании определенной денежной суммы по письменным обязательствам, а также о платеже наёмных денег по договорам найма недвижимого имущества были бесспорным³. В советский период появился судебный приказ, который вырос из сокращенного порядка, закрепленного в уложении гражданского судопроизводства. Приказное производство было единственной упрощенной процедурой, формой упрощенного производства в этот период. В современный период упрощенные процедуры, закрепленные в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации⁶ (далее – АПК РФ) и Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации⁵ (далее – ГПК РФ), развивались самостоятельно, независимо друг от друга. Но как показывает опыт зарубежного процессуального законодательства, эти нормы могут и должны быть подвергнуты унификации в разумных пределах.

Упрощенное производство как одна из специфических процедур рассмотрения дел, содержит в себе ряд изъятий, направленных на упрощение и ускорение разрешения определенных категорий дел по сравнению с исковым производством.

В процессе унификации процессуального права, а именно норм, посвященных упрощенному производству в целом, с 1 июня 2016 г. в АПК РФ было введено приказное производство, а в ГПК РФ была введена глава 21.1 – упрощенное производство⁴. С 6 мая 2016 г. приказное производство появилось и в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации⁹ (далее - КАС РФ). Введение приказного производства во все цивилистические процессуальные кодексы РФ свидетельствует об унификации процессуального права и реализацию идей, заложенных в Концепции единого ГПК РФ⁸.

Одной из целей введения приказного производства в АПК РФ и КАС РФ является сокращение нагрузки и сроков рассмотрения определенных категорий дел.

В ГПК РФ нововведения приказного производства коснулись условий, при наличии которых дело может быть рассмотрено в приказном порядке. Так, помимо бесспорного характера требований, еще одним необходимым условием с 1 июня 2016 г. является малозначительность требований, то есть размер, подлежащих взысканию, или стоимость движимого имущества, согласно ч.1 ст. 121 ГПК РФ, подлежащего истребованию, не должно превышать 500 т.р.

Нельзя не отметить, что соотношение размера требований, подлежащих взысканию в порядке приказного производства и упрощенного производства в целом, как в гражданском, так и в арбитражном процессе порождает определенные вопросы.

Упрощенное производство появилось в ГПК РФ 1 июня 2016г. Так, в соответствии с ч.2 ст. 232.2 ГПК РФ – цена иска не должна превышать 100 т.р., кроме дел, рассматриваемых в порядке приказного производства. В порядке приказного производства, как было ранее отмечено, цена иска не должна превышать 500 т.р. Данное соотношение размера требований внутри одного вида производства – упрощенного производства в целом, является не совсем логичным. Упрощенное производство служит для уменьшения нагрузки на судей, но также, оно, как и любой другой вид производства, должно обеспечивать справедливость вынесенного решения, а там, где дело касается больших сумм, на наш взгляд, невозможно рассматривать дело в порядке приказного производства, где стороны лишены возможности пояснить что-либо суду.

Другое соотношение размера требований двух форм производства представлено в АПК РФ. Так, в соответствии с ч.1 ст. 227 АПК РФ в порядке упрощенного производства, размер денежных требований по исковым заявлениям о взыскании денежных средств не должно превышать 500 т.р. для юридических лиц и 250 т.р. для индивидуальных предпринимателей, а также по иным требованиям не более 100 т.р., либо от 100 до 250 т.р. В порядке приказного производства, в соответствии со ст. 229.2 АПК РФ, размер требований не должен превышать 400 т.р., а также 100 т.р.

Таким образом, при анализе норм процессуальных кодексов Российской Федерации, посвященных приказному и упрощенному производству, можно проследить, что, в общем, по ГПК РФ в порядке приказного производства могут быть рассмотрены требования в пять раз больше по сумме, чем требования, рассматриваемые в порядке упрощенного производства. По нормам же АПК РФ наблюдается обратная тенденция. При этом мотивы и критерии, которыми руководствовался законодатель, применяя столь разнообразные подходы, понять затруднительно.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что, не смотря на унификацию гражданского и арбитражного процессуального кодекса, в части упрощенных форм производства, законодатель по-разному подошел к определению размера

требований, денежных средств, подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного и приказного производства. На наш взгляд, данная позиция свидетельствует о том, что на сегодняшний день, не приходится говорить о сбалансированности стоимостных критериев отнесения дел к приказному или упрощенному производству.

Несмотря на продолжающийся процесс унификации, остается еще много норм по вопросам упрощенного производства в широком смысле в ГПК РФ и АПК РФ, которые могут и должны быть приведены в соответствии.

Так, по нормам ГПК РФ с 1 июня 2016г. у заявителя нет права выбора процессуальной формы разрешения спора, если заявленные требования соответствуют двум основным условиям, при наличии которых, дело разрешается в порядке приказного производства, в отличие от арбитражного процесса⁷. Обоснованность и разумность таких изменений вызывает некоторые сомнения, поскольку, как правило, в суды общей юрисдикции обращаются юридически менее подготовленные граждане, чем в арбитражные суды, поэтому некоторым было бы удобнее выразить свою позицию непосредственно в судебном заседании, чего приказное производство их лишает.

Также, на наш взгляд, в ГПК РФ необходимо заимствовать положения из АПК РФ, которые касаются способа подачи заявления о выдаче судебного приказа, что поможет избежать неоднозначного понимания письменной формы подачи заявления.

В ч.1.1. ст. 3 ГПК РФ, также как и в ч.7 ст. 4 АПК РФ, закреплено общее положение о том, документы могут быть поданы в суд на бумажном носителе или в электронном виде.

Однако положения общей нормы ч.7 ст. 4 АПК РФ дополнительно продублированы в ч.1 ст. 229.3 АПК РФ, в соответствии с которой заявление о выдаче судебного приказа, помимо бумажного носителя, может быть подано в электронном виде. В ГПК РФ упоминание о возможности подачи искового заявления посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержится в ч. 4 ст. 131. В отношении заявления о вынесении судебного приказа подобного указания не имеется. В ч. 1 ст. 124 ГПК РФ указано лишь, что такое заявление подается в письменной форме.

Данное обстоятельство может повлечь неоднозначность в толковании вопроса о возможности подачи заявления о вынесении судебного приказа в электронном виде, для устранения которой, на наш взгляд, было бы уместным внести соответствующие изменения в ст. 124 ГПК РФ, относительно формы подачи заявления.

Еще один момент, содержащийся в Концепции единого ГПК РФ, на который хотелось бы обратить внимание, это срок для предоставления сторонами по делу

доказательств, отзывов, возражений и других документов при рассмотрении дел в порядке упрощенного производства. Концепция единого ГПК РФ предлагает унифицировать данный срок, и следует отметить с положительной стороны, что это положение воспринято как в ГПК РФ (ч. 2 ст. 232.3 ГПК РФ), так и в АПК РФ (ч.2 ст. 228 АПК РФ), в которых установлена продолжительность указанного срока не менее пятнадцати дней со дня вынесения определения о принятии искового заявления к производству. В ч. 2 ст. 292 КАС РФ установлен десятидневный срок для подачи возражений относительно применения порядка упрощенного производства. Однако остается открытым вопрос, касается ли этот срок только возражений относительно рассмотрения дела в порядке упрощенного производства или также подачи возражений относительно предмета спора.

Несмотря на то, что в действующих редакциях АПК РФ и ГПК РФ нашли отражение не все положения Концепции единого ГПК РФ, вопросы, касающиеся момента отсчета времени для подачи возражений в приказном производстве, регламентируются одинаково. Так, в Концепции единого ГПК РФ предлагается установить момент отсчета времени для подачи должником возражений относительно исполнения судебного приказа не со дня вынесения судебного приказа, а с момента получения должником судебного приказа, что соответствует как ранее действовавшим, так и актуальной редакции ГПК РФ. Данный вопрос, аналогичным образом регулируется и во вновь введенной главе 29.1 АПК РФ. Такой подход, на наш взгляд, помогает соблюсти баланс интересов обеих сторон.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что многие вопросы в процессуальных кодексах РФ относительно упрощенного и приказного производства продолжают решаться по-разному без обоснованных и достаточных на то оснований. Данное обстоятельство, а также отсутствие единых критериев и подходов в регулировании схожих процедур разными процессуальными кодексами негативно сказывается на правоприменительной практике. Это создает предпосылки и обозначает направления дальнейшей унификации гражданского процессуального законодательства, напоминая о необходимости, с которой регулярно встречаются в юридической литературе¹⁰.

Литература

1. Римское частное право. Учебник/под ред. Новицкого И.Б., Перетерского И.С. М., 2002. С.314.
2. Захаров В.В. Реформирование отечественного гражданского судопроизводства в конце 19 в. // История государства и права №15. 2012. С. 18-22.
3. Учебник русского гражданского судопроизводства. Под ред. Гольмстена А.Х. СПб., 1913. С.368.
4. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 02.03.2016г № 45-ФЗ//Собрание законодательства РФ. 2016. №10, ст.1319;
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14.11.2002г. № 138-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // Собрание законодательства РФ. 2002г. № 46, ст. 4532;
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24.07.2002г. № 95-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // Собрание законодательства РФ. 2002г. № 30, ст.3012.

7. Постовалова Е.В., Шумейко Е.С. Новеллы приказного производства в цивилистическом процессе // Вопросы современной юриспруденции. Новосибирск, 2016. С.31-37.
8. Концепция Единого гражданского процессуального кодекса РФ: одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД РФ от 08.12.2014г., № 124(1)// Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федер. закон от 08.03.2015г. № 21- ФЗ (ред. от 03.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 2015г. № 10, ст.1391.
10. Голубцов В.Г. Концепция единого гражданского процессуального кодекса: от дифференциации к унификации // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов: материалы всеросс. науч.-практ. конф. Пермь., 2016г. С. 243-245.
11. Чекмарева А.В. Тенденции реформирования гражданского процесса в современной России// Седьмой пермский конгресс ученых-юристов: материалы всеросс. науч.-практ. конф. Пермь.,2016г. С. 305-308.

Миронова А.И.

студент, ПГНИУ

научный руководитель: Фролович Э.М.

ПОРЯДОК ВОЗВРАТА ИЗЛИШНЕ УПЛАЧЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в статье подробно рассмотрен порядок возврата излишне уплаченной государственной пошлины в арбитражном процессе. При изучении порядка возврата излишне уплаченной государственной пошлины проведен анализ норм арбитражного процессуального и налогового законодательства.

Ключевые слова: арбитражный процесс, государственная пошлина, порядок возврата излишне уплаченной государственной пошлины.

Mironova A.I.

student, PSU

Supervisor: Frolovich E.M.

THE PROCEDURE FOR RETURNING OF AN EXCESSIVELY PAID STATE DUE IN ARBITRAL PROCEEDINGS

Annotation: The article details the procedure for returning of an excessively paid state due in arbitral proceedings. It was conducted an analysis of tax legislation and arbitral proceedings through the investigation of the procedure for returning of an excessively paid state due.

Keywords: arbitral proceedings, state due, procedure for returning of an excessively paid state due.

Согласно ст.104 АПК РФ¹, основания и случаи, когда уплаченная государственная пошлина при обращении в суд не подлежит возврату, а также порядок возврата государственной пошлины устанавливается в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах.

В соответствии с п.3 ст.333.40 НК РФ, возврат государственной пошлины осуществляется по заявлению плательщика государственной пошлины. Срок, в течение которого плательщик может подать заявление о возврате излишне уплаченной суммы государственной пошлины составляет три года со дня уплаты указанной суммы. Поскольку государственная пошлина может быть уплачена через представителя, то заявление о возврате, излишне уплаченной государственной пошлины также может быть подано представителем².

Заявление о возврате излишне уплаченной суммы государственной пошлины по делам, рассматриваемым в судах, подается плательщиком государственной пошлины в суд, который рассматривал дело. При наличии заявления о возврате излишне уплаченной государственной пошлины, суд фактически может не вернуть ее плательщику, это связано с тем, что сумма государственной пошлины может засчитываться в счет уплаты государственной пошлины в связи с повторным предъявлением аналогичного или иного обращения в арбитражный суд при условиях, что не истек трехгодичный срок со дня принятия соответствующего решения суда о возврате государственной пошлины из или со дня уплаты этой суммы, но к повторному обращению должен быть приложен подлинный документ об уплате государственной пошлины при наличии оснований для ее возврата в полном размере либо копия документа об уплате государственной пошлины, заверенная судьей, при наличии оснований для ее частичного возврата, копия судебного акта о возврате государственной пошлины, заверенная судьей и содержащая гербовую печать арбитражного суда³.

Заявление о возврате госпошлины рассматривается судьей единолично, судебное заседание по этому поводу не проводится, заявитель в суд не вызывается, поэтому плательщик, претендующий на возврат излишне уплаченной государственной пошлины, должен быть заинтересован в наиболее правильном и подробном составлении заявления. Для облегчения процедуры составления заявления Приказом ФНС России⁴. утверждена форма заявления, используемая при осуществлении возврата сумм излишне уплаченных налогов сборов. После вынесения определения и вступления его в законную силу необходимо получить заверенную копию определения, справку суда об обстоятельствах, являющихся основанием для полного или частичного возврата излишне уплаченной суммы государственной пошлины, а также подлинные платежные документы в случае, если государственная пошлина подлежит возврату в полном размере, а в случае, если она подлежит возврату частично, - копии указанных платежных документов, в канцелярии суда. Эти документы вместе с заявлением подаются в налоговый орган по месту оплаты государственной пошлины.

Затем, в соответствии с п.2 ст.79 НК РФ налоговый орган в течение 10 дней со дня получения заявления налогоплательщика о возврате суммы излишне упла-

ченного налога принимает решение о возврате суммы излишне уплаченной государственной пошлины. До истечения десятидневного срока, поручение на возврат суммы излишне взысканного налога, оформленное на основании решения налогового органа о возврате этой суммы налога, подлежит направлению налоговым органом в территориальный орган Федерального казначейства для осуществления возврата налогоплательщику в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации⁵. Возврат излишне уплаченной государственной пошлины в течение одного месяца со дня подачи заявления о возврате.

Возврат излишне уплаченной суммы государственной пошлины осуществляется на указанный в заявлении банковский счет плательщика в валюте Российской Федерации, так как плательщиком может быть и представитель, то возврат государственной пошлины может быть зачислен и на банковский счет представителя.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002г. N 95-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // «Собрание законодательства РФ» от 29 июля 2002 г. // СПС «Консультант плюс».
2. Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2014 N 46 «О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах» // «Экономика и жизнь» (Бухгалтерское приложение), N 31, 08.08.2014 // СПС «Консультант плюс».
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2014 N 46 «О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах» // «Экономика и жизнь» (Бухгалтерское приложение), N 31, 08.08.2014 // СПС «Консультант плюс».
4. Приказ ФНС России от 03.03.2015 N ММВ-7-8/90 «Об утверждении форм документов, используемых налоговыми органами при осуществлении зачета и возврата сумм излишне уплаченных (взысканных) налогов, сборов, пеней, штрафов» // Первоначальный текст документа опубликован в издании официального интернет-портала правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.04.2015.
5. Голубцов В.Г. Правовой режим денежных средств казны: основы межотраслевого регулирования // Законодательство и экономика, 2006. № 9. С. 14.

Наборщикова Н.С.

магистрант, ПГНИУ

Научный руководитель: Латыпов Д.Н.

К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ СПОСОБА ЗАЩИТЫ ПРАВА В СПОРЕ С КОНКУРЕНТАМИ

Аннотация: в статье приводится пример спора между конкурентами, на основе которого исследуются возможные варианты защиты права одного из конкурентов. Рассматриваются проблемы доказывания при выборе того или иного способа защиты. На основе анализа судебной практики и действующего законодательства выбран наиболее эффективный способ защиты права в рассматриваемой ситуации.

Ключевые слова: конкуренты, некорректное сравнение, недостоверная реклама, способ защиты права, эффективная защита права.

TO THE QUESTION OF THE CHOISE OF THE REMEDY IN THE DISPUTE WITH COMPETITORS

Annotation: The article provides an example of a dispute between competitors, on the basis of this dispute author researches possible options of the remedy of competitor's rights. The problems of proving are considered. Author picked more effective remedy of competitor's rights on the base of analysis of judicial practice and legislation.

Keywords: competition, incorrect comparison, unreliable advertising, remedy, effective remedy.

Отношения между конкурентами являются новым явлением для российского общества, как и предпринимательские отношения в целом. В условиях развития предпринимательства и конкурентных отношений неизбежно возникновение споров, стороны которых должны выбрать надлежащий способ защиты своего права.

Поскольку существует огромное количество вариантов противоправного поведения конкурентов, рассмотрим конкретную ситуацию. Конкурент – компания А разместила на стене своего спортивного комплекса плакат с надписью «Наши тренажеры – лучше, чем у компании В, ведь они не выходят из строя каждую неделю!». Следует определить, какой именно способ защиты своего права надлежит выбрать компании В, а также какие именно права нарушены, ведь для защиты необходимо существование нарушенного, оспариваемого права или законного интереса (ст. 4 АПК РФ)¹.

Обратимся к ст. 12 ГК РФ, содержащей перечень способов защиты гражданских прав. Для освещения выбранной темы наибольший интерес представляют такие способы защиты гражданских прав как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, самозащита права, а также иные способы, предусмотренные законом, а именно указанный в ст. 152 ГК РФ – защита деловой репутации.

Восстановление положения, существовавшего до нарушения права, по сути, предусмотрено любым другим способом защиты права. В литературе встречаются разные точки зрения относительно существования указанного способа защиты права как самостоятельного, отдельного от других². Также некоторые исследователи называют данный способ защиты права универсальным³. Не углубляясь в указанную полемику в рамках настоящего исследования, займем позицию ученых, отрицающих существование данного способа защиты гражданских прав как самостоятельного.

Ст. 14 ГК РФ предусмотрено, что способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его

пресечения. Самозащита может заключаться в воздействии на имущество нарушителя, если она обладает признаками необходимой обороны или совершена в состоянии крайней необходимости⁴.

Предположим, что работник компании В самостоятельно демонтировал плакат компании А. Полагаем, что подобные действия не будут являться эффективным способом защиты в рассматриваемой ситуации, поскольку на лицо, осуществившее демонтаж, будет возложено бремя доказывания нахождения в состоянии крайней необходимости либо необходимой обороны, а также факт наличия нарушенного права и отсутствия иных способов его защиты. Кроме того, возможно причинение вреда имуществу А, несоразмерного нарушению этой компании, в частности порча стен или конструкций, что повлечет дополнительные негативные последствия для работника компании В.

В соответствии со ст. 152 ГК РФ возможна защита деловой репутации юридического лица. Компания В может предъявить требование в соответствии с ч. 4 указанной статьи об изъятии и уничтожении без компенсации экземпляров материальных носителей информации, а также требование о возмещении вреда, причиненного репутации юридического лица⁵. Однако в данном случае компания В должна подтвердить наличие сформированной репутации, а также факт утраты доверия к ее репутации или ее снижение⁶, что в рассматриваемом случае будет затруднительно. Доказыванию также подлежит факт распространения сведений компанией А, их порочащий характер. При этом судебная практика показывает, что в данном случае суды устанавливают, какие именно утверждения являются ключевыми, при оценке сведений в целом⁷, в связи с чем компании А будет достаточно доказать, что тренажеры компании В действительно ломаются достаточно часто. Кроме того, как показывает судебная практика, в подобных случаях возникают сложности с доказыванием факта распространения сведений непосредственно Ответчиком, даже если он является собственником или обслуживает рекламные конструкции⁸. Таким образом, защита деловой репутации в соответствии со ст. 152 ГК РФ также не будет являться эффективным способом защиты прав компании В.

Необходимо оценивать отношения компании А и компании В как конкурентов, в связи с чем очевидным является обращение к положениям Федерального закона от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – ФЗ О защите конкуренции). При этом особое внимание следует обратить на принятие «Четвертого антимонопольного пакета»⁹, которым был детализирован перечень форм недобросовестной конкуренции. Интерес представляет такая форма недобросовестной конкуренции, как некорректное сравнение (ст. 14.3 ФЗ О защите конкуренции). Кроме того, размещенный плакат является рекламой, в связи с чем применению подлежит Федеральный закон от 13.03.2006 №38-ФЗ

«О рекламе» (далее – ФЗ О рекламе), согласно ст. 5 которого не допускается недобросовестная, недостоверная реклама.

В данном случае имеет место сравнение с конкурентом и его товаром, в котором отсутствует указание конкретных сравниваемых характеристик или параметров либо результаты сравнения не могут быть объективно проверены¹⁰, называемое также косвенной дискредитацией, кроме того на лицо факт размещения компанией А недобросовестной и недостоверной рекламы. Доказыванию в данном случае подлежит факт распространения сведений компанией А, возможность получения преимуществ перед конкурентами, а также некорректность сравнения¹¹. Обращение компании в соответствующее Управление Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации (далее – УФАС) видится наиболее эффективным способом воздействия на нарушителя – компанию А, по следующим основаниям.

Во-первых, УФАС наделено полномочиями по возбуждению дел об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 14.3 КоАП РФ, а именно о нарушении законодательства о рекламе, что влечет наложение административного штрафа на юридических лиц от ста тысяч до пятисот тысяч рублей. Представляется, что подобное последствие для компании А будет более значительно, нежели просто демонтаж рекламной конструкции.

Во-вторых, в течение месяца со дня представления заявления УФАС обязано установить наличие признаков нарушения антимонопольного законодательства и определить применяемые нормы. После этого УФАС выдаст компании А предупреждение в соответствии со ст. 39.1 ФЗ О защите конкуренции. Срок, в течение которого предупреждение должно быть выполнено, в любом случае будет меньше, чем срок судебного рассмотрения дела. В случае неисполнения предупреждения, УФАС возбудит дело о нарушении антимонопольного законодательства.

В-третьих, УФАС уполномочено запрашивать документы, сведения и пояснения, связанные с обстоятельствами, изложенными в заявлении и материалах (ч. 6 ст. 44 ФЗ О защите конкуренции).

В-четвертых, обращение в УФАС не препятствует обращению с заявлением о защите своего права компанией в суд. Основанием для отказа УФАС в возбуждении дела в рассматриваемом случае может являться лишь устранение признаков нарушения антимонопольного законодательства в результате выполнения предупреждения, а также если отсутствие указанного нарушения установлено вступившим в законную силу решением суда.

Утверждение «лучше, чем у компании В», способно оказать влияние на конкуренцию. Привлечение к своим услугам потребителей, которые полагают, что тренажеры компании А лучше, влечет создание условий, способствующих

перераспределению потребителей конкурента и является актом недобросовестной конкуренции. Также информация о том, что «Тренажеры лучше, чем у компании В, ведь они не выходят из строя каждую неделю» является недостоверной, поскольку характеристика «выхода из строя» тренажеров компании А не указана, кроме того, данный критерий не является единственным при определении качества тренажеров (в частности, может быть использован критерий безопасности для здоровья, наличие инструкций для использования на тренажерах, компактность, регулируемость под индивидуальные характеристики и др.).

Таким образом, как показывает практика, в спорах с конкурентами лица не всегда прибегают к использованию возможностей, предоставленных ФЗ О защите конкуренции. Участники конкурентных отношений должны рассматривать отношения с конкурентами именно через призму законодательства о защите конкуренции, что позволит им наиболее эффективно защищать свои права, а также не исключит возможности ссылаться на положения ГК РФ, в частности, прибегать к защите деловой репутации в соответствии со ст. 152 ГК РФ.

Литература

1. Латыпов Д.Н., Акинфиева В.В. Соотношение способов и целей защиты гражданских прав // Вестник Пермского университета, 2013, № 4, С. 193-199;
2. Тутынина В.В. Восстановление нарушенного права: принцип гражданского права, цель или способ защиты гражданских прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки, 2015, №1, С. 86-92;
3. Семенов В.В. Восстановление положения, существовавшего до нарушения права, как универсальный способ защиты гражданских прав // Российская юстиция, 2016, №10, С. 13-15;
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Рос. газета, 2015, №140;
5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ №1 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2017).
6. Определение Верховного Суда РФ от 18.11.2016 N 307-ЭС16-8923 по делу N А56-58502/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2017).
7. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2017).
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.09.2016 N Ф05-13268/2016 по делу N А40-237731/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2017).
9. Федеральный закон от 05.10.2015 №275-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Рос. Газета, 2015, №225;
10. Письмо ФАС России от 24.12.2015 №ИА/74666/15 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2017).
11. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 02.07.2015 N Ф01-2378/2015 по делу N А82-13466/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2017).

ПРЕДЕЛЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЭКСПЕДИТОРА ПРИ СОГЛАСОВАНИИ ОБЪЯВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ ГРУЗА ПО ДОГОВОРУ ТРАНСПОРТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Аннотация: экспедиторы используют несколько способов определения пределов своей ответственности, приводящих к возникновению споров между контрагентами. Одним из таких способов является согласование ценности перевозимого груза, как правило, эта сумма значительно ниже действительной стоимости груза. Применяя такой способ, экспедиторы остаются в рамках правового поля. Данная норма в гражданском законодательстве является видоизменной по сравнению с аналогичной нормой в советском законодательстве.

Ключевые слова: ответственность, договор, транспортная экспедиция, обязательство, объявленная стоимость груза, действительная стоимость груза.

Nazarov M.Yu.
student, PSU
Supervisor: Golubtcov V.G.

LIMITS OF LIABILITY OF THE FORWARDER WHILE HARMING THE ADVANCED VALUE OF THE CARGO UNDER THE CONTRACT OF THE TRANSPORT EXPEDITION

Annotation: Freight forwarders use several ways to determine the limits of their liability, leading to disputes between counterparts. One of such ways is the coordination of the values of the cargo being transported, as a rule, this amount is significantly lower than the actual value of the cargo. Applying this method, forwarders remain within the legal framework. This provision in civil law is mutated compared with a similar norm in Soviet legislation.

Keywords: Liability, contract, transport expedition, obligation, declared value of cargo, actual value of cargo.

В предпринимательской деятельности договоры по перевозке грузов занимают важное место, поскольку зачастую предприниматель не способен решить соответствующую задачу самостоятельно, и вынужден привлекать профессионального перевозчика. Более рациональным подходом, значительно упрощающим весь процесс доставки нужного товара клиенту, является заключение договора транспортной экспедиции, целью которого является делегирование решения организационных задач на экспедитора— лицо, обязующееся выполнить или организовать выполнение определенных договором экспедиции услуг, связанных с перевозкой груза (пункт 1 статьи 801 Гражданского кодекса Российской Федерации— далее ГК РФ).

Груз, переданный экспедитору должен благополучно достичь места назначения. Если по какой-то причине экспедитор не выполнит взятое на себя обязательство или выполнит его частично, то наступает гражданско-правовая ответственность по правилам статьи 803 ГК РФ. Понимая это, экспедиторы в целях оптимизации своих рисков, заключая договор с заказчиком, согласовывают объявленную стоимость груза, ограничивающую объём ответственности только пределами оговоренной суммы.

Определение пределов ответственности возможно несколькими способами, широко используемыми экспедиторами, применение которых зачастую приводит к возникновению споров и как следствие — формированию достаточно обширной правоприменительной практики.

Интересующая нас норма содержится в пункте 2 статьи 796 ГК РФ, согласно которой перевозчик (в том числе, если он исполняет обязанности экспедитора) в случае утраты груза, ценность которого была объявлена, несёт ответственность в размере соответствующей объявленной стоимости груза.

Этим и пользуются «недобросовестные» компании, когда вверенный к перевозке груз, ценность которого исходя из его реальной стоимости, составляет значительную сумму, сторонами договора (по предложению экспедитора) оценивается в достаточно небольшую сумму. Естественно после утраты груза, заказчик требует возмещения убытков, и экспедитор согласен уплатить причинный ущерб в размере оговоренной суммы, что в случае, когда объявленная стоимость значительно ниже реальной стоимости груза, приводит к нарушению прав клиентов.

Показателен следующий пример из практики. Истец обратился с иском о взыскании 18 020 руб. 88 коп. убытков, причиненных в результате утраты груза (2 места из 34). Принимая решение по существу спора, суд первой инстанции исходил из доказанности факта передачи груза предпринимателю для перевозки, утраты части груза, наличия оснований для взыскания убытков в сумме 05 руб. 88 коп. в соответствии с объявленной стоимостью груза. При этом стороны согласовали объявленную стоимость груза в размере 100 руб. 00 коп. Истец обжаловал данное решение, ссылаясь на несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Суды апелляционной и кассационной инстанции согласились с выводами, изложенными в решении суда первой инстанции.¹

Очевидно, что в приведенном случае экспедитор решил минимизировать свои возможные убытки, согласовав с клиентом ценность груза. Истец, не осознавая последствий своих действий, согласился с тем, что его груз реальной стоимостью в приведенном примере около 300 тыс. руб. оценен в 100 руб. Фактически в данном случае экспедитор, пользуясь предоставленными законом возможностями и свободой заключения договора (пункты 1, 4 статьи 421 ГК РФ), практически полностью снял с себя ответственность за потерю или порчу груза, действуя при этом в правовом поле.

В следующем примере суды поддержали доводы истца, обратившегося в суд с требованием о взыскании с ответчика 3 350 374 руб. 00 коп. убытков, причинных утратой груза транспортно-экспедиционной компанией. В экспедиторской расписке установлена объявленная стоимость груза. В связи с тем, что подпись грузоотправителя в экспедиторской расписке отсутствовала, суд кассационной инстанции поддержал выводы судов первой и апелляционной инстанций о том, что экспедитор несет ответственность за утрату груза в размере реального ущерба, соответствует требованиям действующего законодательства.²

Требования истца удовлетворены полностью, несмотря на то, что имелась экспедиторская расписка, свидетельствующая (с позиции ответчика) о наличии между сторонами соглашения о стоимости груза. Документ (экспедиторская расписка), который не подписан одной из сторон сделки, не свидетельствует о достижении сторонами соглашения, следовательно — это одностороннее действие, что неприемлемо для принятия доводов ответчика о согласовании объявленной ценности груза в размере 1000 руб. за одно грузовое место.

Норма об объявленной стоимости груза применима только в случае её согласования сторонами договора. Если данное положение не согласовано, то применению подлежат общие правила об ответственности контрагентов (глава 25 ГК РФ). Ущерб возмещается в размере действительной стоимости груза, указанной в товарной накладной, счёте и т.д. Общие нормы о возмещении причинённого ущерба направлены на защиту интересов собственника утраченного груза, экспедитор в свою очередь, несёт ответственность перед клиентом в полном объеме.

В рамках следующего дела ответчик пытался доказать, что не обязан возмещать ущерб, причиненный недостачей груза в размере его действительной стоимости, указанной в товарной накладной. Ссылаясь на товарно-транспортную накладную, согласно которой стоимость груза составляет 0 руб. Отклоняя данный довод ответчика, суды указали на то, что не заполнение графы «сумма» в товарно-транспортной накладной не является основанием для вывода о том, что груз стоит «0 руб.», следовательно, приняв груз по данной товарно-транспортной накладной к перевозке, ответчик принял на себя соответствующий риск.³

Как следует из постановления суда, при согласовании стоимости груза, стоимость должна составлять определенную денежную сумму «0 руб.» не позволяет сделать вывод о том, что стоимость груза имеет место быть, так как термин «стоимость» по своей природе предполагает денежное выражение. Ответчик, приняв груз без согласования объявленной ценности, принял на себя обязанность нести ответственность за утрату груза в размере его действительной стоимости. Полностью снять с себя ответственность за утрату или порчу груза невозможно в силу действующего законодательства.

Обратимся к ГК РСФСР 1964 года, а именно к тем положениям, которые посвящены ответственности перевозчика при утрате груза с объявлением его ценности. Пункт 3 части 1 статьи 383 содержит следующую норму: «перевозчик отвечает ... в размере объявленной стоимости груза или багажа, если не будет доказано, что она ниже его действительной стоимости».⁴ При сравнении указанной правовой нормы с положениями ГК РФ (пункт 2 статьи 796) и положениями Федерального Закона «О транспортно-экспедиционной деятельности» от 30.06.2003 N 87-ФЗ (ред. от 06.07.2016)(пункт 1 части 1 статьи 7), можно сделать вывод о том, что действующее законодательство не содержит указания на обязательное сопоставление указанной объявленной ценности с действительной стоимостью груза. Данные изменения привели к тому, что соотношение прав и интересов сторон договора в части ответственности за утрату или порчу груза склонился в пользу экспедитора.

Согласовывая ценность груза не в соответствии с её действительной стоимостью, клиент несёт риск (в случае утраты или порчи груза) возмещения ему причинённого ущерба в размере согласованной стоимости груза, которая не покрывает реально нанесённый ущерб.

Следует так же отметить, что нормы, подобные институту объявленной стоимости в правоотношениях по перевозке, предусматривающие возможность по соглашению сторон минимизировать размер ответственности перед контрагентом, отсутствуют в других гражданско-правовых обязательствах. Для снятия этого противоречия, норму о согласовании стоимости груза следует понимать в ином ключе. Например, в Приказе МПС РФ от 18 июня 2003 г. N 40 «Об утверждении Правил перевозок железнодорожным транспортом грузов с объявленной ценностью» предусмотрено обязательное объявление ценности груза определенных категорий (драгоценные металлы, музейные и антикварные ценности, грузы для личных нужд и другие).⁵ То есть согласование объявленной ценности требуется в тех ситуациях, когда действительную стоимость груза сложно или практически невозможно установить документально, вследствие чего в случае утраты такого груза невозможно определить размер убытков. В предпринимательской же деятельности действительную стоимость груза, возможно установить из сопроводительных документов (накладные, счёта и т.д.).

Согласование сторонами договора объявленной ценности груза в меньшем размере, чем его действительная стоимость приводит к снижению размеров ответственности экспедитора перед клиентом в случае потери или порчи груза, переданного к перевозке. В данной ситуации согласование объявленной ценности груза — это способ снизить размер ответственность перед контрагентом, а не установление реальной цены перевозимого имущества, как это должно следовать из общих принципов и духа Закона.

В итоге, следует обратить внимание на то, что в гражданском законодательстве существует правовая норма, позволяющая «недобросовестным» транспортно-экспедиционным компаниям, действуя в рамках правового поля, минимизировать размер своей ответственности перед клиентом за утрату или порчу вверенного к перевозке груза, что фактически освобождает от рисков предпринимательской деятельности в данной сфере. Вместе с тем, в абзаце 3 пункте 1 статьи 2 ГК РФ содержится положение о том, что предпринимательская деятельность является самостоятельной, осуществляется на свой риск и направлена на систематическое получение прибыли.

В заключении необходимо отметить, что норма о возможности согласования объявленной стоимости груза в том виде, в котором она закреплена в современном гражданском законодательстве, предусматривает исключительно добросовестное поведение участников гражданского оборота. В то же время необходимо отметить, что действующая редакция этой нормы в совокупности с положениями статьи 421 ГК РФ с учетом диспозитивного регулирования в этой части на практике может приводить к злоупотреблению правом со стороны экспедиционных компаний, что, как представляется, недопустимо и требует корректировки нормативного регулирования.

Литература

1. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.07.2016 N Ф09-6527/16 по делу N А60-36415/2015 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Постановление ФАС Уральского округа от 29.10.2013 N Ф09-10377/13 по делу N А60-28156/2012 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10.11.2016 N Ф09-9840/16 по делу N А60-60910/2015 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 24.12.1992) // Ведомости ВС РСФСР, 1964, N 24, ст. 407.
5. Об утверждении Правил перевозок железнодорожным транспортом грузов с объявленной ценностью: Приказ МПС РФ от 18.06.2003 N 40(Зарегистрировано в Минюсте РФ 25.06.2003 N 4821) // Российская газета, N 157, 08.08.2003.

Окулова Е.А.

студент, ПГНИУ

Научный руководитель: Любимова Е.В.

НАЧАЛО ТЕЧЕНИЯ СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НИЧТОЖНОЙ ЧАСТИ СДЕЛКИ

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о моменте начала течения срока исковой давности при применении последствий недействительности части сделки на примере спора, рассмотренного Арбитражным судом Пермского края. Автор

определяет момент начала течения срока исковой давности на основе позиции, изложенной Пленумом Верховного Суда РФ. Также поднимает тему начала исполнения части сделки.

Ключевые слова: срок исковой давности, недействительность части сделки, начало исполнения сделки.

Okulova E.A.
student, PSU

Supervisor: Lyubimova E.V.

THE BEGINNING OF THE DURATION OF THE DURATION OF THE LEGAL ENTITY IN THE APPLICATION OF THE CONSEQUENCES OF THE INVALIDITY OF THE INHERENT PART OF THE TRANSACTION

Annotation: This document sets out questions on how to begin work with long-standing old prescriptions when considering invalid transactions in the event of a dispute considered by the Arbitration Court of Perm Krai. The author determines the commencement of the limitation period on the basis of the position of the Supreme Court of the Russian Federation set forth by the Plenum. Also raises the topic of the beginning of the execution of part of the deal.

Keywords: statute of limitations, invalidity of a part of a transaction, commencement of a transaction.

Как известно, заявление ответчика об истечении срока исковой давности при рассмотрении дела в суде первой инстанции является самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении исковых требований. Однако при рассмотрении простого вопроса об определении начала течения срока исковой давности при признании части сделки недействительной могут возникнуть затруднения, связанные с определением начала течения такого срока.

В данной статье проанализирован спор общества с ограниченной ответственностью и Департамента имущественных отношений о признании недействительным части договора о купле-продаже объекта муниципальной собственности с рассрочкой платежа и применении последствий недействительности ничтожной части сделки (дело №А50-10366/2015)¹.

В рамках данного дела Обществом было подано исковое заявление от 12.05.2015 в Арбитражный суд Пермского края против Департамента имущественных отношений Администрации города Перми, в котором Общество просило признать недействительным приложение к договору о купле-продаже объекта муниципальной собственности с рассрочкой платежа от 10.04.2012 в части расчета процентов, начисленных на сумму денежных средств, по уплате которой предоставляется рассрочка на основании п. 3 ст. 5 Федерального закона №159-ФЗ от 22.07.2008² и применить последствия недействительности ничтожной части сделки: взыскать с Департамента имущественных отношений в пользу Общества сумму излишне уплаченных процентов по договору. При этом в первой инстанции Департаментом было заявлено об истечении срока исковой давности.

При определении начала течения срока исковой давности в данном деле судом и сторонами спора рассматривались следующие основные даты: 10 апреля 2012 – дата подписания акта приема-передачи объекта договора купли-продажи; 4 мая 2012 года – дата перечисления первого платежа по договору Обществом; 11 мая 2012 года – дата зачисления Департаментом платежа в счет оплаты по договору. В связи с указанными обстоятельствами возникает вопрос, от какой именно даты начинает течь срок исковой давности при применении последствий недействительности ничтожной части сделки.

Согласно ст. 181 Гражданского кодекса РФ³ срок исковой давности по требованиям о применении последствий недействительности ничтожной сделки и о признании такой сделки недействительной составляет три года. Течение срока исковой давности по указанному требованию начинается со дня, когда началось исполнение этой сделки.

Таким образом, законодателем в п. 1 ст. 181 ГК РФ предусмотрена специальная норма, в соответствии с которой начало течения срока исковой давности по требованию о признании сделки недействительной определяется не субъективным фактором, а объективными обстоятельствами, характеризующими начало исполнения сделки. Такое правовое регулирование обусловлено характером соответствующих сделок как ничтожных, которые недействительны с момента совершения независимо от признания их таковыми судом (п. 1 ст. 166 ГК РФ), а значит, не имеют юридической силы, не создают каких-либо прав и обязанностей как для сторон по сделке, так и для третьих лиц.

В статье 180 ГК РФ указано, что недействительность части сделки не влечёт недействительности прочих её частей, при условии, что сделка могла быть заключена без указанной части. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что срок исковой давности при применении последствий недействительности ничтожной части сделки следует исчислять именно с момента начала исполнения данной части сделки (момент возникновения производного от неё внеправового результата), поскольку право на предъявление иска в данном случае связано с наступлением последствий исполнения ничтожной сделки и имеет своей целью их устранение. Указанный вывод подтверждается Постановлением Пленума ВС РФ от 23.06.2015 №25⁴, в п. 101 которого указано, что если сделка признана недействительной в части, то срок исковой давности исчисляется с момента начала исполнения этой части.

Сделка – действие, направленное на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей. Если сделка направлена на возникновение прав и обязанностей по приобретению и оплате имущества, то ее исполнение влечет соответственно прекращение установленных в ней обязательств.

В связи с принятием указанного постановления Пленума ВС РФ был сформулирован правовой подход судов к решению вопросов, касающихся применения

сроков исковой давности по недействительным (ничтожным) сделкам. Так в п. 101 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 указано, что для требований сторон ничтожной сделки о применении последствий ее недействительности и о признании такой сделки недействительной установлен трехлетний срок исковой давности, который исчисляется со дня, когда началось исполнение ничтожной сделки, то есть одна из сторон приступила к фактическому исполнению сделки, а другая - к принятию такого исполнения.

То есть для того, чтобы исполнение части сделки началось необходимо наличие двух составляющих: 1) одна сторона приступила к исполнению сделки; 2) другая приняла такое исполнение. Таким образом, началом исполнения части сделки, по мнению автора, будет являться тот момент, когда кредитор принял исполнение недействительной части сделки.

Статья 314 ГК РФ предусматривает, что, если обязательство предусматривает или позволяет определить день его исполнения, либо период, в течение которого оно должно быть исполнено, обязательство подлежит исполнению в этот день или соответственно в любой момент в пределах такого периода.

Статьей 315 Гражданского кодекса предусмотрено, что досрочное исполнение обязательств, связанных с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, допускается только в случаях, когда возможность исполнить обязательство до срока предусмотрена законом, иными правовыми актами или условиями обязательства либо вытекает из обычаев делового оборота или существа обязательства.

Приведенное правовое регулирование предполагает, что при исчислении срока исковой давности в рассматриваемом деле во внимание следует брать не только фактическую возможность исполнения договора, но и правомерность такого исполнения (т.е. юридическую возможность).

В соответствии с п. 4 ст. 5 ФЗ от 22.07.2008 N 159-ФЗ оплата приобретаемого в рассрочку арендуемого имущества может быть осуществлена досрочно на основании решения покупателя. При оплате истцом первого платежа отсутствовало волеизъявление плательщика на досрочную оплату, также между сторонами не заключалось дополнительное соглашение об изменении графика оплаты в связи с перечислением денежных средств покупателем на расчетный счет продавца раньше срока (4 мая 2015 года). Если предположить, что ответчик принял исполнение сделки 4 мая 2012 года, то данное обстоятельство повлекло бы гражданско-правовые последствия по изменению графика оплаты, которых не было.

Следовательно, перечисление денежных средств на расчетный счет ответчика будет являться лишь действием, направленным на исполнение сделки со стороны покупателя (одна сторона фактически приступила к исполнению).

Помимо этого, согласно принципам гражданского законодательства субъекты гражданских правоотношений действуют по своей воле и в своем интересе

(ст. 1 ГК РФ). Соответственно, для надлежащего исполнения обязательства необходимо не только волеизъявление должника на досрочную оплату долга, но и воля кредитора на досрочное принятие данного исполнения. Воля на принятие такого исполнения была выражена ответчиком в соответствии с условиями договора только 11 мая 2012 года ввиду того, что решение о досрочном исполнении обязанности по уплате процентов не принималось покупателем и соответственно не было сообщено ответчику.

Досрочное совершение оплаты само по себе не прекращает обязательство до наступления даты платежа, установленной договором. В кредитном обязательстве учеты оплат из суммы платежа проводятся в соответствующие даты графика погашения задолженности при отсутствии согласия на досрочный возврат суммы займа и процентов. Обязательства будут прекращаться в установленные договором даты при отсутствии волеизъявления на досрочное погашение суммы долга.

Поскольку в сложившихся между сторонами правоотношениях встречной обязанности продавца принять и зачесть платеж в любой день срока до 11 числа месяца нет, ответчик принял надлежащее исполнение 11 мая 2012 года (момент принятия исполнения), то есть зачёл платеж в счет оплаты по договору, что подтверждается актом сверки. Исполнение обязанности по уплате является надлежащим при зачислении денег на счет продавца до 11 числа. Но исполнение обязательства считается надлежащим, и прекращает его, только при принятии его кредитором. При сложившихся обстоятельствах и с учетом правовой позиции Верховного Суда РФ началом исполнения сделки будет считаться именно тот момент, когда ответчик принял исполнение ничтожной части сделки в соответствии с условиями договора, то есть 11 мая 2012 года.

Однако выводы судов были иными. Суд первой инстанции определил началом течения срока исковой давности 10 апреля 2012 года – дата приема-передачи имущества по договору. А суды апелляционной и кассационных инстанций пришли к выводу об том, что срок исковой давности начинает течь 4 мая 2012 года – дата перечисления денежных средств на расчетный счет продавца.

Литература

1. Картотека арбитражных дел. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 19.03.2017. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/c3a4bc50-453c-42fb-aca-a89020b2732d> (дата обращения: 19.03.2017).
2. Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов РФ или муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ: Федеральный закон от 22.07.2008 №159-ФЗ // Российская газета. 2008. №4715. Ст. 5.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 181.
4. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 №25 // Российская газета. 2015. №6711.

Осинкин В.А.

студент, ПГНИУ

Научный руководитель: Любимова Е.В.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ПРЕТЕНЗИОННОГО ПОРЯДКА ДОСУДЕБНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в статье исследуется вопрос обязательного претензионного порядка досудебного урегулирования гражданско-правовых споров. Данная стадия является нововведением Арбитражного процессуального кодекса РФ. Данный факт говорит нам о том, что эта тема является актуальной для ее исследования.

Ключевые слова: досудебный порядок, претензия, споры, арбитражный процесс.

Osinkin V.A.

student, PSU

Supervisor: Lyubimova E.V.

SEVERAL QUESTIONS OF NECESSARY PRETENTION ORDER IN THE PRE-TRIAL REGULATION OF DISPUTES IN ARBITRATION TRIAL

Annotation: The Article reviews the question of necessary pretention order in the pre-trial resolution of civil disputes. This stage is an innovation of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, therefore this theme is relevant for research.

Keywords: pre-trial order, pretention, disputes, Arbitration Procedural Law.

Право на судебную защиту является одним из важнейших прав, закрепленных Конституцией РФ. Самой действенной формой защиты прав и законных интересов граждан и организаций является судебный порядок. Однако, в современном мире все чаще можно встретить развитие альтернативных способов разрешения и урегулирования конфликтов между субъектами спорного правоотношения. И такая тенденция продолжает развиваться неслучайно, так как в настоящее время, в связи с увеличением общественных отношений, суды перегружены большим количеством споров, основную массу которых можно было бы избежать, если бы стороны попытались мирно урегулировать свои отношения.

Во внесудебной процедуре разрешения спора должны быть заинтересованы не только судебная система, но и стороны, и другие субъекты общественных правоотношений, которые пытаются решить свои конфликты.

Законодатель Федеральным законом от 2 марта 2016 года № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс»¹ закрепил в АПК РФ обязательный претензионный порядок урегулирования гражданско-правовых

споров. Согласно ч. 5 ст. 4АПК РФ² спор, возникающий из гражданских правоотношений, может быть передан на разрешение арбитражного суда после принятия сторонами мер по досудебному урегулированию, то есть направления претензии потенциальному ответчику. Иск можно предъявить только через 30 календарных дней со дня направления претензии, если иные сроки не установлены в законе или договоре.

Но не во всех гражданских правоотношениях обязателен претензионный порядок для подачи иска в суд. К таким исключениям относятся дела: об установлении фактов, имеющих юридическое значение; о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение акта в разумный срок; о несостоятельности (банкротстве); по корпоративным спорам; о защите прав и законных интересов группы лиц; о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования; об оспаривании решений третейских судов.

Проанализировав данное нововведение, возникают следующие вопросы: как правильно сформулировать содержание претензии, чтобы обеспечить беспрепятственное обращение в суд? Какие необходимы доказательства отправления претензии контрагенту, чтобы подтвердить соблюдение досудебного порядка в суде?

Отвечая на первый вопрос, следует отметить, что на законодательном уровне он не раскрыт. Но в судебной практике есть подход к оформлению претензии³. Суть данного подхода заключается в том, что, в претензии должны быть указаны такие же сведения, как в иске. А именно: 1) данные заявителя претензии и контрагента; 2) указание обстоятельств, на которых основаны требования; 3) непосредственно сами требования; 4) ссылку на норму закона, на которых основаны требования; 5) перечень прилагаемых к претензии документов. Указанное означает, что в претензии должны быть отражены элементы иска: его предмет, основание и стороны. Такою позицию суда мы полностью поддерживаем.

Самое главное, чтобы претензия не содержала размытых формулировок, и из ее содержания было предельно ясно, что именно требует заявитель. В противном случае, суд может признать не соблюденным претензионный порядок и, следовательно, на стадии принятия искового заявления вправе вернуть иск, а на стадии судебного разбирательства – оставить исковое заявление без рассмотрения.

Не оспаривая целесообразность введенного претензионного порядка, в АПК РФ с очевидностью не хватает регулирования ситуации, когда была направлена претензия, вслед за ней совершено обращение в суд, а в ходе судебного разбирательства истец изменил предмет иска. Требуется выработать правило относительно того, следует ли в данном случае направлять претензию до изменения предмета иска.

Отвечая на второй вопрос, нужно отметить, что в судебной практике нет единой позиции о виде средства доказывания: достаточно ли представить только почтовую квитанцию об отправке письма и уведомление о вручении или понадобится еще и опись с уведомлением о вручении.

В первом случае, суды свою позицию обосновывают следующими аргументами. Во – первых, суды ссылаются на п. 5 ст. 10 ГК РФ, согласно которому предполагается добросовестность участников гражданских правоотношений. Во – вторых, действующее законодательство не содержит требования в обязательном порядке отправлять претензию с описью вложения.⁴

Однако практика судов других регионов показывает, что отсутствие описи вложения может стать основанием для оставления иска без рассмотрения. Например, в одном деле суд не принял в качестве доказательств отправки претензии ни факсовый отчет, ни почтовую квитанцию. Кассация указала, что в отсутствие описи вложения, подтверждающей, что ответчику была отправлена именно претензия, представленные документы не доказывают соблюдение претензионного порядка.⁵

На мой взгляд, претензию можно отнести к юридически значимому сообщению. Согласно ст. 165.1 ГК РФ⁶ юридически значимое сообщение влечет для адресата гражданско-правовые последствия только с момента доставки этого сообщения. Таким образом, нужно получить доказательства получения контрагентом претензии, а если эта претензия не была получена, то причины этого.

Подводя итог данного исследования, можно сделать вывод, что обязательный претензионный порядок досудебного урегулирования споров способствует развитию альтернативных споров разрешения и урегулирования конфликтов. Соблюдая данную стадию, потенциальному истцу необходимо подходить более ответственно к содержанию претензии, а также к сбору доказательств отправления претензии и получения ее контрагентом. Это нужно для того, чтобы у суда не возникали вопросы относительно соблюдения данной стадии, и, следовательно, не было возможности выиграть время и затянуть срок исполнения своих обязательств у недобросовестной стороны.

Литература

1. О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 02.03.2016 №47-ФЗ // Российская газета. 2016. №6915 (47).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 23.06.2016) // Собрание законодательства РФ. 2002. №46.
3. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 04.05.12 по делу № А19-13744/2011 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановления ФАС Восточно-Сибирского округа от 10.07.14 по делу № А19-10256/2013 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 23.08.11 по делу № А51-2422/2011 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301..

Покумина А.О.

студент, ПГНИУ

Научный руководитель: Акинфиева В.В.

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

Аннотация: работа посвящена некоторым аспектам правового регулирования процедуры мирового соглашения в деле о банкротстве, рассмотрены особенности участия третьих лиц в мировом соглашении, проанализированы вопросы, касающиеся заключения мирового соглашения между должником и кредиторами

Ключевые слова: неплатежеспособность, несостоятельность, мировое соглашение

Pokumina A.O.

student, PSU

Supervisor: Akinfieva V.V.

WORLD AGREEMENT ON BANKRUPTCY

Annotation: The work is devoted to some aspects of the legal regulation of the settlement procedure in a bankruptcy case, the specifics of the participation of third parties in the settlement agreement, the issues concerning the conclusion of an amicable agreement between the debtor and creditors

Keywords: insolvency, insolvency, amicable agreement.

Проблемы несостоятельности (банкротства) являются предметом обсуждения в течение длительного времени. Особое место в обсуждаемой проблематике занимают вопросы эффективности реабилитационных процедур банкротства.

Хотя Закон о банкротстве не указывает на то, что мировое соглашение имеет целью восстановление платежеспособности должника, его часто рассматривают как реабилитационную процедуру. Суды отказывают в утверждении мировых соглашений, противоречащих смыслу и целям реабилитационных процедур (п. 18 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве)¹

Вместе с тем законодатель не ставит в качестве обязательного условия заключения мирового соглашения восстановление платежеспособности должника, указывая лишь, что данная процедура направлена на прекращение производства по делу о банкротстве. Таким образом, не исключается, что, произведя все необходимые расчеты, должник будет ликвидирован. Но, если не будет возбуждено нового дела о банкротстве, такая ликвидация будет производиться в обычном порядке².

Как справедливо отмечено в одном из постановлений Арбитражного суда Уральского округа в силу ст. 2, 57 Закона о банкротстве мировое соглашение – это

соглашение, заключаемое между должником, конкурсными кредиторами и уполномоченными органами на любой стадии рассмотрения дела о банкротстве, которое после утверждения его арбитражным судом служит основанием для прекращения производства по делу о банкротстве должника, его заключение преследует ту же цель, что и иные реабилитационные процедуры банкротства (финансовое оздоровление и внешнее управление): восстановление платежеспособности должника и удовлетворение требований кредиторов на условиях, приемлемых для должника, с той особенностью, что фактические расчеты с кредиторами производятся уже за рамками дела о банкротстве³.

Мировое соглашение может быть заключено на любой стадии рассмотрения дела о банкротстве и утверждено арбитражным судом. Оно заключается между должником, конкурсными кредиторами и уполномоченными органами.

Согласно п. 3 ст. 150 Федерального закона о несостоятельности (банкротстве)⁴ (далее Закон о банкротстве) допускается участие в мировом соглашении третьих лиц, которые принимают на себя права и обязанности, предусмотренные мировым соглашением.

Данная формулировка не ограничивает пределы участия в мировом соглашении третьих лиц. В связи с чем возникает следующий вопрос. Может ли участие третьих лиц в мировом соглашении сводиться лишь к признанию за ними, установлению в их пользу определённых прав требований, или же третьи лица могут участвовать в мировом соглашении лишь в целях обеспечения исполнения (или содействия в исполнении) обязательств должника?

Участниками мирового соглашения со стороны кредиторов являются кредиторы, чьи требования были включены в реестр, а, соответственно, прошли проверку суда на предмет обоснованности. Нам представляется, что по смыслу положений ст. 2, 57, п. 1 ст. 150 Закона о банкротстве мировое соглашение направлено на то, чтобы разрешить вопрос об удовлетворении именно их требований. Допущение возможности разрешения в мировом соглашении вопросов удовлетворения требований кредиторов, которые в реестр не включались, по сути, создаст ситуацию, когда суд будет вынужден либо проверять обоснованность требования третьего лица при заключении мирового соглашения (что нецелесообразно и противоречит принципу процессуальной экономии), либо создаст механизм обхода проверки обоснованности требований, предъявляемых к должнику.

Права и обязанности третьих лиц в мировом соглашении обусловлены содействием должнику в исполнении его обязательств перед конкурсными кредиторами⁵.

С учётом характерной для гражданско-правовых отношений возмездности, мировое соглашение может предусматривать права третьего лица по отношению к должнику, которые будут являться встречным предоставлением за содействие должнику в исполнении его обязательств. В этой части возможны различные гражданско-правовые конструкции. Так, судебная практика знает случаи, когда мировое

соглашение предусматривало следующее: за предоставление финансовой помощи должнику, которая должна была быть направлена на исполнение обязательств должника перед кредиторами, участник должника принимал на себя обязательства произвести отчуждение доли в уставном капитале должника в пользу третьего лица – инвестора, предоставившего финансовую помощь⁶. Таким образом, встречное предоставление может исходить и не от должника, а от другого лица (к примеру, его участника), однако в любом случае это встречное предоставление должно обуславливаться тем, что третье лицо оказывает содействие должнику в исполнении его обязательств перед кредиторами.

Мировое соглашение распространяется только на требования конкурсных кредиторов, включённых в реестр. Оно не может быть направлено на удовлетворение требований иных кредиторов.

Указанное влечёт угрозу возбуждения в дальнейшем нового дела о банкротстве, которое исключит возможность исполнения (ещё не исполненного) мирового соглашения. Некоторые авторы полагают, что в таком случае имеет место вина кредиторов, которые не включились в реестр и не стали, в итоге, участниками мирового соглашения⁷. Предлагаются разные варианты решения данной проблемы.

Так, некоторые исследователи считают необходимым ограничить возможность заключения мирового соглашения после закрытия реестра в конкурсном производстве (когда уже выявлено большинство кредиторов)⁸. На наш взгляд, ограничение возможности заключения мирового соглашения лишь стадией конкурсного производства не исключает возможности выявления новых кредиторов и нового банкротства.

Другое предложение заключается в том, чтобы рассматривать необращение кредитора с заявлением о включении в реестр как злоупотребление правом, последствием которого должен стать отказ такому кредитору в защите его права⁹. Считаем, такая квалификация действий кредитора, который не включился в реестр, как злоупотребления правом, по сути, вводит несоразмерную санкцию за неисполнение того, что сегодня не является обязанностью (заявление своего требования в деле о банкротстве). Реализация данного предложения также будет означать, что значение установленных Законом о банкротстве сроков для обращения с соответствующим заявлением о включения требования в реестр будет в части мирового соглашения нивелировано, так как ключевым (в плане соблюдения сроков) будет являться обращение в суд с соответствующим заявлением до заключения мирового соглашения.

Третий вариант решения проблемы сводится к распространению концептуальных положений мирового соглашения на схожие требования других кредиторов, которые существовали на момент заключения мирового соглашения¹⁰. К данному предложению также применима указанная выше критика.

Реализация предложения об ограничении возможности заключения мирового соглашения определённой процедурой (стадией, этапом) и предложения о лишении кредиторов, которые вовремя не включились в реестр, возможности обратиться с заявлением о банкротстве должника до полного исполнения мирового соглашения (нам представляется такой подход более взвешенным, нежели предложенное авторами полное лишение такого лица судебной защиты) в своей совокупности могут рассматриваться как эффективные механизмы, которые обеспечили бы большую определённость в судьбе должника при заключении мирового соглашения. Но они требуют кардинального изменения ключевых подходов к процедуре банкротства – её пониманию как обязанности кредиторов участвовать в процедуре банкротства, а не как права. Сегодня конкурсное право основывается именно на последнем подходе, на том, что участие в процедуре банкротства должника есть право, с учётом этого формируются и все остальные механизмы¹¹.

Таким образом, при сегодняшней модели регулирования процедуры банкротства не исключить обозначенную авторами проблему, в связи с чем требуется исследование негативных для мирового соглашения последствий, которые имеют место при возбуждения нового дела о банкротстве.

Так, ключевая проблема в том, что при возбуждении нового дела о банкротстве после заключения мирового соглашения кредиторы, заключившее мировое соглашение, участвуют в нём с объёмом требований, предусмотренных мировым соглашением¹². Дело в том, что при заключении мирового соглашения кредиторы идут на определённые уступки, выражающиеся не только в рассрочке, но и в уменьшении размера задолженности, причём порой такое уменьшение достаточно существенно, в связи с чем, участвуя в новом деле о банкротстве должника, они имеют существенно меньшее количество голосов на собрании кредиторов. В качестве решения указанной проблемы предлагается либо автоматическое восстановление положения кредиторов, существовавшее до заключения мирового соглашения (если оно не было исполнено)¹³, либо наделение таких кредиторов правом на расторжение мирового соглашения¹⁴.

Из вариантов решения данной проблемы, описанных нами выше, мы полагаем, что более верным является механизм расторжения мирового соглашения. Мы предлагаем наделить каждого отдельного кредитора правом требовать расторжения мирового соглашения в части, относящейся к нему, в случае введения в отношении должника процедуры наблюдения. Механизм расторжения мирового соглашения позволит суду оценивать конкретные последствия его расторжения (которые неочевидны, если имело место частичное исполнение либо же полное исполнение в отношении отдельных кредиторов).

Литература

1. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 20 декабря 2005 г. N 97 // Вестник ВАС РФ. 2006. N 3.
2. Банкротство хозяйствующих субъектов: Учебник для бакалавров (отв. ред. И.В. Ершова, Е.Е. Енькова) // «Проспект», 2016.

3. Постановление ФАС Уральского округа от 18.06.2007 № Ф09-6554/06-С4 по делу № А50-26133/2005-Б // [Документ опубликован не был] Доступ из СПС КонсультантПлюс.
4. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017)
5. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 10.02.2012 по делу № А28-5897/2011 // [Документ опубликован не был] Доступ из СПС КонсультантПлюс; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.02.2016 № 15АП-21501/2015 по делу № А32-49714/2011 // [Документ опубликован не был] Доступ из СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 21.04.2011 по делу № А19-6010/09 // [Документ опубликован не был] Доступ из СПС КонсультантПлюс.
7. См.: Аутлева Р.В. Указ. соч. С. 35.
8. См.: Жукова Т.М., Кондратьева К.С. Некоторые факторы, снижающие привлекательность мирового соглашения в процессе банкротства // Юрист. 2007. № 9. С.26-27.
9. См.: Аутлева Р.В. Указ. соч. С. 35; Пустовалова Е.Ю. Судьба требований кредиторов при банкротстве должника. М., 2003. С. 67-69.
10. См.: Меньшикова А.А. Стороны мирового соглашения в процессе банкротства // Кодекс-Info. 2003. № 9. С. 49-50.
11. См.: Свириденко О.М. Концепция несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации: методология и реализация: дисс. ... докт. юрид. наук. Москва, 2010. С. 118-120.
12. См.: Жукова Т.М., Кондратьева К.С. Указ. соч. С. 25; Егоров А. Мировое соглашение в деле о банкротстве и обязательные платежи // Хозяйство и право. 2004. № 4. С. 72-73; Попондопуло В.Ф. Проблемы совершенствования законодательства о несостоятельности (банкротстве) // Правоведение. 2006. № 3. С. 22.
13. Жукова Т.М., Кондратьева К.С. Указ. соч. С. 25
14. См.: Кораев К.Б. Указ. соч. С. 23-24.

Политова М.А.

студент, ПГНИУ

Научный руководитель: Акинфиева В.В.

ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ГРАЖДАНИНА-ДОЛЖНИКА ОТ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ЗАВЕРШЕНИИ ЕГО БАНКРОТСТВА

Аннотация: в статье анализируются нормы Закона о банкротстве и судебная практика, посвященные случаям неприменения правил об освобождении должника от обязательств. Сделан вывод о применении судами такого дополнительного основания отказа в освобождении от обязательств, как недобросовестность и отсутствии единого подхода к его определению.

Ключевые слова: банкротство граждан, освобождение от обязательств, добросовестность, завершение банкротства.

Politova M.A.

student, PSU

Supervisor: Akinfieva V.V.

THE PROBLEM OF RELEASING THE CITIZEN- DEBTOR FROM THE OBLIGATIONS AT THE CONCLUSION OF HIS BANKRUPTCY

Annotation: In the article are analyzed the norms of the Law on bankruptcy and judicial practice, devoted to cases of non-application of the rules on discharge of the debtor from obligations. It was concluded about use by

courts such an additional reason for refusing to release from obligations, as unfairness, and about the absence of a unified approach to its determination.

Keywords: Citizens bankruptcy, release from obligations, conscientiousness, completion of bankruptcy.

Анализ норм Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве) позволяет сказать, что он направлен с одной стороны на освобождение добросовестного должника от бремени задолженности, а с другой – на предоставление кредиторам эффективного способа удовлетворения их требований.

По общему правилу, содержащемуся в статье 213.28 Закона о банкротстве после завершения расчетов с кредиторами, суд, рассмотрев отчет финансового управляющего, выносит определение о завершении реализации имущества гражданина, в котором указывается на освобождение гражданина-банкрота от дальнейшего исполнения требований кредиторов, в том числе не заявленных при введении реструктуризации долгов гражданина или реализации имущества гражданина. Именно на такой исход дела надеются все должники, обратившиеся в арбитражный суд с заявлением о признании их банкротом. Однако названной статьей установлены исключения, в которых правила об освобождении должника от обязательств не применяются. Они указаны в пункте 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве, их перечень ограничен и не подлежит расширительному толкованию. К ним относятся случаи:

1) совершения гражданином неправомерных действий при банкротстве, преднамеренного или фиктивного банкротства в рассматриваемом деле о банкротстве, если за них вступившим в законную силу судебным актом он привлечен к уголовной или административной ответственности;

2) непредставления или представления должником заведомо недостоверных сведений финансовому управляющему или арбитражному суду также при условии, если это обстоятельство установлено соответствующим судебным актом;

3) доказанность незаконных действий должника (мошенничество, злостное уклонение от погашения задолженности, предоставление заведомо ложных сведений кредиторам при получении кредита, сокрытие или умышленное уничтожение имущества и другие) при возникновении или исполнении обязательства, на котором конкурсный кредитор или уполномоченный орган основывал свое требование в деле о банкротстве гражданина. В пункте 45 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 N 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан»² указано, что «соответствующие обстоятельства могут быть установлены в рамках любого судебного процесса (обособленного спора) по делу о банкротстве должника, а также в иных делах».

Таким образом, из указанного перечня видно, что все основания неприменения к должнику правил об освобождении от обязательств должны быть установление судебным актом, принятым как в рамках дела о банкротстве, так и за ними. Без таких актов добросовестность гражданина, по общему правилу, установленному статьей 10 Гражданского кодекса Российской Федерации³, предполагается. В связи с этим большой интерес вызывает одно из судебных решений⁴, которое создало общественный резонанс.

Суть дела заключалась в следующем. Гражданин задолжал банкам в общей сложности 630 тысяч рублей и был признан судом банкротом, в отношении него была введена процедура реализации имущества, в результате которой имущества, подлежащего включению в конкурсную массу у должника финансовый управляющий не выявил. Суд посчитал поведение должника недобросовестным, завершил процедуру реализации имущества и указал на неприменение правил об освобождении от исполнения обязательств. Данное решение суд основывал на том, что среднемесячный доход гражданина превышает ежемесячный платеж по кредитам. В связи с этим суд указал, что должник «принял на себя заведомо неисполнимые обязательства, что явно свидетельствует о его недобросовестном поведении в ущерб кредиторам». Помимо этого, в решение суда говорится также о том, что «освобождение должника от исполнения обязательств не является правовой целью банкротства гражданина, напротив данный способ прекращения исполнения обязательств должен применяться в исключительных случаях». Суд основывал свои выводы на положениях абзаца 4 пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве, однако в деле ни один из фактов, указанных в статье 213.28 доказан не был. Получается, что суд основывал свое решение только на своем понимании добросовестности без подкрепления его какими-либо фактами. При этом апелляционная жалоба в Седьмом арбитражном апелляционном суде⁵ и кассационная жалоба в Арбитражном суде Западно-Сибирского округа⁶ были оставлены без удовлетворения, а в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации было отказано⁷. Такая правовая позиция арбитражных судов вызвала широкие научные дискуссии: одни авторы одобряют такую практику⁸, другие, наоборот, считают это казусом, свидетельствующим «о расширении толкования судьями норм этой главы и, как результат, необоснованном лишении граждан права на освобождение от обязательств»⁹.

Данное дело создало в России прецедент, после которого значительное количество дел стало завершаться без списания долгов. В судебной практике стали появляться решения, в мотивировочной части которых арбитражные суды указывают на недобросовестность должника по причине того, что «должник принял на себя заведомо неисполнимые обязательства»¹⁰. Однако ни на законодательном уровне, ни в разъяснениях Пленума критерии добросовестности не установлены.

Более того, как было указано выше, пункт 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве такого основания неприменения к должнику правил об освобождении должника от обязательств, не содержит.

Но судебная практика по данному вопросу не так однозначна. Так, по другому делу в отношении гражданина, кредитный долг которого составил 5,4 млн. рублей, а список имущества ограничился единственным жильем, арбитражный суд сначала в трех инстанциях прекратил производство, а Верховный суд отменил решения нижестоящих инстанций, отправив дело на пересмотр, указав, что «право граждан на использование установленного государством механизма потребительского банкротства не может быть ограничено только на том основании, что у него отсутствует имущество, составляющее конкурсную массу»¹¹. При этом вопрос о добросовестности в данном случае даже не поднимался.

Таким образом, можно сделать вывод, что в каждом конкретном случае добросовестность должника определяется на усмотрение суда. Это может повлечь нарушение единообразия судебной практики. Судам необходимо исходить из закрепленного в вышеназванном Постановлении Пленума ВС РФ положения, согласно которому все недобросовестные действия должника должны быть установлены решением суда, то есть в деле должны иметься какие-либо доказательства их совершения. В противном случае, не основанная на фактах ссылка суда на недобросовестность гражданина может повлечь необоснованный отказ в освобождении его от обязательств и, как следствие, ущемление его прав и нарушение принципа законности при осуществлении правосудия.

Литература

1. Федеральный Закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, N 43, С. 4190
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 N 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан»// Российская газета. 19.10.2015. № 235
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 07.02.2017) // Российская газета. 08.12.1994. № 238-239
4. Определение Арбитражного суда Новосибирской области от 24.03.2016 года по делу № А45-24580/2015. [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
5. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 02.06.2016. [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.10.2016 N Ф04-4210/2016 по делу N А45-24580/2015. [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
7. Определение Верховного Суда РФ от 02.02.2017 N 304-ЭС16-19557 по делу N А45-24580/2015. [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
8. Артыкова З. Списать... или не списать // ЭЖ-Юрист. 2016. N 17-18.
9. Гричук И. Освобождение гражданина от обязательств перед кредиторами// ЭЖ-Юрист. 2016. N 17-18.
10. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 14.11.2016 N 10АП-14278/2016 по делу

№ А41-106091/15. [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

11. Определение Верховного Суда РФ от 23.01.2017 № 304-ЭС16-14541 по делу № А70-14095/2015. [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Потапов О.Ю.

заместитель прокурора Дзержинского района г. Перми,
младший советник юстиции

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ПРАВЕ

Аннотация: в статье исследуется вопрос уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере обязательственного права. Изменения в Уголовном кодексе РФ в 2016 году декриминализировали специальную норму, предусматривающую уголовную ответственности за совершение мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, однако уголовная ответственность за данные преступления нашла свое место в общей норме мошенничества.

Ключевые слова: уголовная ответственность, обязательства, договор, мошенничество в сфере предпринимательской деятельности.

Potapov O.Yu.

the Deputy Prosecutor of the Dzerzhinsky district of Perm,
the Junior adviser of justice

CRIMINAL LIABILITY IN THE LEGALLY BINDING LAW

Annotation: This article examines the question of criminal liability for crimes in the sphere of contract law. Changes in the Criminal code of the Russian Federation in 2016 decriminalized special rule providing criminal liability for committing fraud in the sphere of entrepreneurial activity, but the criminal responsibility for these crimes has found its place in the overall rate of fraud.

Keywords: criminal liability, commitment, contract, fraud in the sphere of entrepreneurial activities.

Уголовная ответственность наступает за совершение преступления, предусмотренного уголовным законодательством.

Уголовное законодательство Российской Федерации в статье 8 УК РФ основанием уголовной ответственности считает «совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным кодексом РФ»¹. Закрепление в уголовном законодательстве в качестве единственного основания уголовной ответственности наличие состава преступления является важным шагом вперед в деле соблюдения прав и свобод личности. Таким образом, такого

рода ответственность и наказание за нее возможно только при наличии состава преступления.

Уголовная ответственность – это наказание, которое наступает в силу выполненных действий, посягающих на права и свободы граждан, направленных на разрушение политической системы и экономических основ государственного управления. Уголовное преступление – это действие или бездействие, в основе которого лежит опасное противоправное деяние, представляющее общественную опасность. Сравнивая виды ответственности, можно заметить, что уголовная является более суровой, так как за все противоправные действия, представляющие общественную опасность и обладающие признаками уголовного правонарушения, рано или поздно приходится отвечать.

Если говорить об уголовной ответственности за неисполнение обязательств, то она зачастую возникает из договорных отношений.

Договорные отношения основываются на заключения договора и определяются не только законом, но и соглашением лиц, участвующих в обязательстве. Юридическая общность этих обязательств позволяет выделить значительное количество общих норм права, в равной мере применимых ко всем многочисленным и разнообразным договорным обязательствам.

В договорных обязательствах, в зависимости от характера перемещения материальных благ, выделяются следующие группы:

- обязательства по реализации имущества;
- обязательства по предоставлению имущества в пользование;
- обязательства по выполнению работ;
- обязательства по страхованию;
- обязательства по совместной деятельности;
- обязательства по расчетам и кредитованию;

До июля 2016 года в Уголовном Кодексе РФ существовала ответственность за совершение мошеннических действий в сфере предпринимательской деятельности, однако Федеральным законом от 03.07.2016 N 325-ФЗ статья 159.4 УК РФ утратила силу².

Статья признана утратившей силу на основании Постановления Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. N 32-П по делу о проверке конституционности положений ст. 159.4 Уголовного кодекса РФ в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа³.

С 03 июля 2016 г. с незначительными изменениями восстановлена в уголовном законе в виде ч. 5 - 7 ст. 159 УК РФ.

Части 5 - 7 комментируемой статьи представляют собой реконструкцию бывшей ст. 159.4 УК.

Формальным условием привлечения к уголовной ответственности выступает причинение значительного ущерба. В соответствии с примечанием 1 к статье таковым признается ущерб в сумме, составляющей не менее 10 тыс. рублей. В случае если при совершении мошенничества в сфере предпринимательской деятельности причинен ущерб на сумму менее указанной, содеянное ни в каком случае не может образовать состав преступления, предусмотренный ч. 5 статьи, и не может быть также квалифицировано по ч.1 ст.159 УК РФ.

В ином случае это также не обуславливает неизбежного привлечения к уголовной ответственности, так как значительность ущерба остается оценочным понятием, устанавливаемым следствием и судом на основании всех обстоятельств дела. В любом случае с учетом ч. 6 ст.159 УК РФ причинение ущерба на сумму, превышающую 3 млн. рублей, всегда признается уголовно наказуемым.

Состав преступления характеризуется особой обстановкой совершения преступления – неисполнение договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности; способами совершения преступления при этом остаются обман или злоупотребление доверием (например, виновный может получить аванс за выполнение работ, услуг, предоплату за поставку товара, не намереваясь при этом исполнять свои обязательства).

Примечание 4 к ст.159 УК РФ раскрывает сферу предпринимательской деятельности через указание на необходимость, во-первых, наличия договорных отношений между виновным лицом и потерпевшим и, во-вторых, наличия у обеих сторон договора (на что указывает множественное число в примечании) статуса индивидуального предпринимателя или коммерческой организации. Мошенничество хотя бы и в сфере предпринимательской деятельности, но в ситуации, когда потерпевшее лицо является физическим лицом - потребителем, следует квалифицировать по ч. 1 - 4 ст.159 УК РФ.

В отсутствие статуса индивидуального предпринимателя или коммерческой организации у одной из сторон договора содеянное также не может быть квалифицировано по ч. 5 - 7 ст.159 УК РФ. Соответственно, не подпадают под мошенничество в сфере предпринимательской деятельности случаи мошенничества, когда сторонами договора являются некоммерческие организации или лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица с нарушением требований о регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (п. 4 ст. 23 ГК РФ).

С учетом сложившейся судебной практики нельзя квалифицировать по ч. 5 - 7 ст. 159 УК (и вменению подлежат ч. 1 - 4 статьи) случаи:

а) мошенничества в процессе деятельности фиктивно образованного юридического лица или фиктивно зарегистрированного индивидуального предпринимателя (т.е. не намеревающихся в реальности осуществлять предпринимательскую деятельность);

б) предпринимательской мошеннической деятельности в отношении предметов и веществ, ограниченных или запрещенных к обороту (например, оружия, наркотических средств или психотропных веществ);

в) мошенничества в отсутствие формальных и юридически действительных (т.е. не поддельных) договорных отношений между субъектами.

В отличие от гражданско-правового деликта мошенничество в сфере предпринимательской деятельности предполагает преднамеренность, т.е. возникновение умысла на неисполнение договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности до момента заключения договора и (или) возникновения обязательства (если эти моменты различаются). Указанные моменты должны определяться в соответствии с гражданским законодательством.

Помимо мошенничества, связанного с осуществлением предпринимательской деятельности и так же относящегося к преступлениям в сфере обязательственного права, можно вести речь о мошенничестве в сфере кредитования, то есть хищение денежных средств заемщиком путем предоставления банку заведомо ложных или недостоверных сведений (159.1 УК РФ).

Умышленное невыполнение заемщиками своих обязательств перед кредиторами приблизилось к «норме» взаимоотношений между хозяйствующими субъектами, кредитными организациями и гражданами.

Преобладающей формой уклонения заемщика от выполнения требований кредитных соглашений стало введение кредитора в заблуждение относительно действительных возможностей заемщика погасить задолженность в объемах и в сроки, предусмотренные кредитным договором.

Многие злостные должники создают имитацию намерения погасить задолженность путем однократного перечисления на счета кредиторов незначительных денежных сумм. И реже заемщики открыто безосновательно не погашают задолженность, несмотря на наличие средств для этого.

Правоохранительные органы не в должной мере используют возможности для обеспечения защиты кредиторов от причинения им имущественного вреда действиями заемщиков, которые представлены Уголовным Кодексом РФ.

Зачастую правоохранительными органами в качестве основания для отказа в возбуждении уголовного дела по фактам совершения мошенничества в сфере кредитования используются ссылки на то, что отношения между кредитором и заемщиком являются обязательственными, а не отношениями собственности, и регламентируются исключительно гражданским законодательством, что конечно же не является таковым, и подлежит тщательной проверке со стороны правоохранителей.

Таким образом, действующий Уголовный Кодекс Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за преступления в сфере обязательственного права.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.03.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2017) // СПС Консультант Плюс. Дата доступа 08 апреля 2017 г.
2. Федеральный закон от 03.07.2016 N 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс. Дата доступа 20 апреля 2017 г.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 N 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // СПС Консультант Плюс. Дата доступа 21 апреля 2017 г.

Прокопенко А.А.

студент, ПГНИУ

Научный руководитель: Любимова Е.В.

МЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА В СИСТЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация: несмотря на законодательное закрепление такого вида доказательства как заключение эксперта, на практике остается много нюансов по поводу его применения и оценке. Подчеркивается необходимость использования заключения эксперта в арбитражном процессе. В статье поднимаются вопросы использования в процессе производства по гражданскому делу такого доказательства, как заключение эксперта.

Ключевые слова: заключение эксперта, оценка доказательств, арбитражный процесс, доказательства.

Prokopenko A.A.

student, PSU

Supervisor: Lyubimova E.V.

PLACE OF THE EXPERT OPINION IN THE CLASSIFICATION OF EVIDENCE SYSTEM

Annotation: Many nuances remain about application and assessment of expert opinion/ the need is stressed to employ expert opinion in arbitration process. This article discusses some questions about using of the expert opinion in trial.

Keywords: Expert opinion, assessment of evidence, arbitration process, evidence.

В последнее время в арбитражном процессе признается необходимость использования специальных знаний в целях всестороннего исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию. Их может предоставить судебный эксперт.

Судебный эксперт - лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном гражданским или арбитражным процессуальным законодательством, для производства судебной экспертизы и дачи заключения, согласно ст. 55 АПК РФ¹.

Государственным судебным экспертом, производящим судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей, может быть только аттестованный сотрудник государственного судебно-экспертного учреждения, создаваемого федеральными органами исполнительной власти или органами исполнительной власти субъектов РФ².

Помимо государственных судебных экспертов судебные экспертизы могут производить и иные лица, обладающие специальными знаниями и вызванные для дачи заключения.

Суд назначает судебную экспертизу для разъяснения вопросов, возникающих при рассмотрении дела.

Объекты судебно-экспертных исследований имеют или могут приобрести статус вещественных доказательств. Их предоставляют стороны и другие лица, участвующие в деле.

В арбитражном процессе суд назначает экспертизу по ходатайству или с согласия лиц, участвующих в деле согласно ст. 82 АПК РФ, поскольку в арбитражном процессе обязанность доказывания лежит на лицах, участвующих в деле.

Арбитражный суд может назначить экспертизу по своей инициативе только в случаях, когда назначение экспертизы предписано законом или предусмотрено договором либо необходимо для проверки заявления о фальсификации представленного доказательства; требуется проведение дополнительной или повторной экспертизы.

При назначении экспертизы лица, участвующие в деле, вправе представить арбитражному суду вопросы, которые должны быть разъяснены, и предложить кандидатуры экспертов. Постановка вопросов - это право, а не обязанность лиц, участвующих в деле.

Определяя круг и содержание вопросов, по которым необходимо провести экспертизу, суд исходит из того, что вопросы права и правовых последствий оценки доказательств относятся к исключительной компетенции суда.

Также предусматривается недопустимость разглашения сведений, которые стали известны эксперту в связи с производством судебной экспертизы, что содержится в ст. 16 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности»³. АПК РФ не содержит такой нормы. Но, в свою очередь, в ст. 55 АПК РФ законодатель устанавливает уголовную ответственность эксперта за дачу заведомо ложного экспертного заключения, предусмотренную ст. 307 УК РФ. Если судебная экспертиза производится в экспертном учреждении, законодатель обязывает руководителя этого учреждения предупредить эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения и отобрать у него об этом подписку. Если же экспертиза назначается конкретному эксперту, то его об ответственности предупреждает субъект, назначивший экспертизу (ч. 4 ст. 82 АПК, ст. 14 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности»).

Судебный эксперт не вправе вступать в личные контакты с участниками процесса по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы, самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования. Эксперт контактирует со сторонами и их представителями, только участвуя в заседаниях суда (ч. 3 ст. 55 АПК).

Суды часто относятся к заключению эксперта как к исключительному средству доказывания, обладающему преимуществом перед другими доказательствами, так, с одной стороны, заключение основывается на научных положениях или опыте и теоретически не должно содержать ошибок, а с другой стороны, судьи полагаются на авторитет эксперта.

Такой подход не является оправданным, поскольку эксперт не застрахован от ошибок при исследовании объектов экспертизы. Также он может заблуждаться относительно допустимости применения выбранной методики исследования в конкретном случае или в отношении конкретного объекта экспертизы. Эксперт может исходить из ошибочных положений или умышленно исказить сведения с целью фальсификации доказательств. К каждой из перечисленных проблем прибавляется еще одна - крайне сложно, почти невозможно без тщательного исследования и оценки в заключении эксперта выявить ошибки или фальсификацию⁴.

В свою очередь заключение эксперта носит познавательный характер. Это является преимуществом судебной экспертизы над другими видами доказательств.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп. от 01.01.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации от 29 июля 2002 г.
2. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федер. закон от 31.05.2001г. № 73-ФЗ (в ред. от 08.03.2015 № 23-ФЗ) // Рос. газета. 2001. 5 июня.
3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федер. закон от 31.05.2001г. № 73-ФЗ (в ред. от 08.03.2015 № 23-ФЗ) // Рос. газета. 2001. 5 июня.
4. Прорвич В.А. Судебно-оценочная экспертиза. Правовые, организационные и научно-методические основы: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям 030502 «Судебная экспертиза» (2-е издание). М. :ЮНИТИ-ДАНА. 2015. С. 48-50.

Рохман И.С.

студент, ПГНИУ

Научный руководитель: Сыропятова Н.В.

ОБЖАЛОВАНИЕ ОТКАЗА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Аннотация: по закону налоговые органы уполномочены отказывать в государственной регистрации юридических лиц при наличии на то достаточных оснований. Однако такое решение часто бывает незаконным, а значит, его можно обжаловать. В российском законодательстве существует своя процедура обжалования решения налогового органа, а также решений вышестоящих инстанций.

Ключевые слова: отказ в государственной регистрации, обжалование, инстанция.

APPEAL OF REFUSAL IN STATE REGISTRATION OF LEGAL ENTITIES

Annotation: According to the law, the tax authorities are authorized to refuse to state registration of legal entities if there are sufficient grounds for doing so. However, such a decision is often illegal, which means that it can be appealed. In the Russian legislation there is a procedure for appealing the decision of the tax authority, as well as decisions of higher authorities.

Keywords: Denial of state registration, appeal, authority.

Государственная регистрация юридических лиц необходима для ведения учёта юридических лиц и контроля над их деятельностью, соответствия их учредительных документов всем требованиям закона, а также проведения налогообложения.

Порядок государственной регистрации юридических лиц определён Федеральным законом от 8 августа 2001 года №129-ФЗ¹ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Закон о государственной регистрации).

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2004 года №506², Федеральная налоговая служба (далее - ФНС) является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, который занимается государственной регистрацией юридических лиц. В соответствии с чем ФНС осуществляет также отказ в государственной регистрации юридических лиц, если считает, что для этого есть основания. Перечень оснований представлен в статье 23 Закона о государственной регистрации. Но надо понимать, что отказ, естественно, должен быть мотивирован, должны быть указаны основания отказа и изложены причины такого решения.

Но достаточно часто на практике возникают сомнения в обосновании отказа в государственной регистрации юридического лица. Налоговый орган ссылается на вполне законную и обоснованную на первый взгляд причину, которая, однако, бывает не совсем таковой. В этом случае решение об отказе может нарушить права и интересы лиц. Одной из наиболее распространённых оснований для отказа является «предоставление недостоверной информации об адресе юридического лица» или «непредставление надлежащих сведений о юридическом лице или представление недостоверных сведений».

Законодательство предоставляет возможность обжаловать отказ в государственной регистрации. Заинтересованное лицо имеет право это сделать, если, оно сочтёт, что такое решение неправомерно и нарушает его права. Эта возможность предусмотрена пунктом 1 статьи 25.1 Закона о государственной регистрации.

На сегодняшний день существует большое количество примеров из практики по обжалованию решений об отказе в государственной регистрации. Например, как по делу N А54-271/2014 лицо обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным решения налоговой инспекции об отказе в государственной регистрации юридического лица от 27.12.2013³.

Однако в законодательстве, регулирующем данный вопрос, произошли изменения. В настоящее время, сразу обращаться в суд для разрешения данного вопроса нельзя, так как теперь по новым нормам подавать жалобу на отказавший регистрирующий орган теперь необходимо сначала в вышестоящий регистрирующий орган, и только после этого, в случае отказа в жалобе, можно будет обжаловать данное решение непосредственно в ФНС и (или) в судебном порядке. Это сделано, по всей видимости, для разгрузки судов от бесконечной волокиты дел, которые тянутся на протяжении нескольких лет, поскольку часть данных дел разрешается теперь на уровне других инстанций.

Также отказ может быть обжалован в ФНС и (или) в суде в том случае, если не было принято решение вышестоящим регистрирующим органом в установленный срок, то есть в течение 15 рабочих дней со дня получения жалобы. Стоит отметить, что данный срок на рассмотрение жалобы может быть продлён, но не более чем на 10 рабочих дней. В этом случае, лицо, подавшее жалобу, уведомляется в течение трёх дней, со дня принятия решения о продлении срока рассмотрения жалобы.

Таким образом, можно выделить следующую цепочку: вышестоящий регистрирующий орган – федеральный орган исполнительной власти (ФНС) – суд, из которой видно, что, в любом случае, суд будет финальной инстанцией по решению вопроса о рассмотрении жалобы по поводу отказа в государственной регистрации юридического лица, если не будет разрешён вопрос об отказе непосредственно с ФНС.

Если говорить о порядке подачи жалобы на решение регистрирующего органа, то она подаётся через отказавший регистрирующий орган либо непосредственно в тот орган, который будет рассматривать данную жалобу. В последнем случае, уполномоченный орган запросит обжалуемое решение и документы, по результатам, рассмотрения которых было принято оспариваемое решение, у того органа, который принял такое решение (пункт 1 статьи 25.3 ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»).

Естественно есть определённые временные рамки, установленные законом, которые ограничивают время подачи жалобы. В данном случае, лицо может подать жалобу в течение трёх месяцев со дня, как узнает о нарушении своих прав либо должно было узнать о нарушении своих прав. Этот срок определен

для каждого из уровней обжалования решения, как для подачи жалобы на отказ в регистрации юридического лица регистрирующим органом, так и на всех возможных остальных этапах. Но законом предусмотрено такое явление, как восстановление срока подачи жалобы, в случае его пропуска по уважительной причине. Для этого лицо, подающее жалобу, должно подать ходатайство, тогда вышестоящий регистрирующий орган или непосредственно ФНС продлит срок обжалования (пункт 3 статьи 25.3 ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»).

Форма подачи жалобы должна быть обязательно письменной и подписанной лицом, её подавшей, или его представителем. А вот форма представления может быть непосредственной, то есть подано лично, почтовым отправлением или электронным документом, подписанным электронной подписью. У каждого из этих возможных вариантов есть свои минусы и плюсы. Например, при подаче непосредственно лично, лицо уверено, что жалоба попала в нужный орган на рассмотрение вопроса и, причём без всяких задержек, однако тратиться личное время или средства на представителя. При подаче почтовым отправлением или же электронным документом, личное время тратиться значительно меньше, однако есть вероятность того, что будет допущена некоторая ошибка, из-за которой поданная жалоба может не попасть в нужный орган, попасть с опозданием или быть нерассмотренной в связи с допущенной ошибкой, что, несомненно, будет неприятным стечением обстоятельств.

Перед тем как подавать жалобу необходимо убедиться в том, что у рассматривающего жалобу органа, будь то вышестоящий регистрирующий орган, ФНС или Арбитражный суд, не возникнет оснований для оставления жалобы без рассмотрения или отказать в удовлетворении заявленных требований. Как, например, поступил Арбитражный суд Рязанской области от 17.09.2014, сославшись на несоответствие местонахождения юридического лица по указанному адресу.

Поэтому, в первую очередь, необходимо убедиться в том, что не пропущен срок на подачу жалобы, а также обязательно подписать жалобу лицом, её подающим, либо его представителем. Если жалоба подписывается представителем, то должны представляться документы, оформленные надлежащим образом, подтверждающие полномочия представителя на подписание жалобы. Жалобу не будут рассматривать и в том случае, когда судом вынесено решение, вступившее в силу, по тому же предмету и тем же основаниям оспаривания, либо это повторная жалоба по данному вопросу, причём не прошёл ещё срок на рассмотрение по этому вопросу первой жалобы и не получено решение по первой жалобе. Проще говоря, если подано две одинаковые жалобы по одному и тому же вопросу, то рассматриваться будет только первая (если нет оснований не рассматривать), а вторая, соответственно, рассматриваться не будет. Не

рассматривается и жалоба, до принятия решения по которой, был получен отзыв от лица, подавшего жалобу (пункт 1 статьи 25.5 ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 N 129-ФЗ).

Принятие решения об оставлении жалобы без рассмотрения происходит в течение 5 дней со дня получения жалобы или заявления об отзыве жалобы, кроме случая, предусмотренного законом, и в течение 3 дней после принятия решения уведомляется в письменной форме лицо, подавшее заявление. Стоит отметить, что оставленное заявление без рассмотрения не препятствует повторной подаче жалобы, но только в случае, когда жалоба не была подписана лицом или уполномоченным представителем.

При рассмотрении жалобы, результат может иметь несколько вариантов:

- 1) Решение об отмене решения регистрирующего органа;
- 2) Решение об оставлении жалобы без удовлетворения.

И на основании этих решений лицо будет действовать дальше, в зависимости от того, как оно относиться к данному решению.

Литература

1. Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 N 129-ФЗ.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2004 года №506
3. Министерство финансов Российской Федерации, Федеральная налоговая служба, письмо от 8 октября 2015 г. N ГД-4-14/17525@. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Самарина Е.В.

магистрант, ПГНИУ

Научный руководитель: Левченко С.А.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О ПРЕКРАЩЕНИИ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ КАК СПОСОБ ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Аннотация: недобросовестная конкуренция – одно из серьезнейших негативных явлений для рынка. Сложность раскрытия недобросовестной конкуренции усугубляется нестабильностью правового регулирования, а также либеральной направленностью отечественного законодательства. Участие добросовестных субъектов в обязательствах все больше лишается ставится под угрозу недобросовестной конкуренции. Необходимость обеспечить стабильность экономики страны вызывает потребность в реформировании законодательства.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство, недобросовестная конкуренция, обязательственные отношения, предупреждение.

THE PREVENTION ON TERMINATION OF UNFAIR COMPETITION AS A METHOD OF INTERVENTION IN OBLIGATIONS

Annotation: Unfair competition is one of the most negative market phenomena. The complexity of its uncovering is exacerbated by the instability of legal regulation, as well as by the liberal orientation of Russian antimonopoly legislation. The participation of bona fide legal persons in obligations is deprived of being compromised by unfair competition. The necessity to ensure the stability of Russian economy calls for a development of the legislation.

Keywords: antimonopoly law, unfair competition, obligation relations, unfair competition prevention.

Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»¹ (далее – Закон о защите конкуренции) определяет организационные и правовые основы защиты конкуренции, в том числе предупреждения и пресечения недобросовестной конкуренции, которая зачастую сопряжена с участием субъектов-конкурентов в обязательственных отношениях.

Законом о защите конкуренции закреплен институт предупреждения – ненормативного акта, выдаваемого ФАС России и её территориальными органами (далее – антимонопольный орган) в случае выявления признаков нарушения антимонопольного законодательства. Институт предупреждения является достаточно новым для российской правовой действительности, кроме того, он претерпел ряд изменений в рамках реформирования Закона о защите конкуренции так называемым «четвертым антимонопольным пакетом» (Федеральный закон от 05.10.2015 № 275-ФЗ)².

Одной из основных задач «четвертого антимонопольного пакета» является ликвидация избыточных функций и полномочий Федеральной антимонопольной службы России (далее также – ФАС), а также значительное сокращение административных ограничений для бизнеса и одновременное сокращение государственного вмешательства в экономику³.

Так, на смену статье 14 Закона о защите конкуренции пришла самостоятельно выделенная глава 2.1, которой детализированы формы недобросовестной конкуренции в целях упрощения и либерализации правоприменения⁴.

В силу ст. 39.1 Закона о защите конкуренции в случае выявления антимонопольным органом признаков правонарушения, предусмотренного, в том числе, статьями 14.1, 14.2, 14.3, 14.7, 14.8 Закона о защите конкуренции, до возбуждения дела лицу, совершившему те или иные действия, выдается предупреждение. В ответ на выдачу предупреждения предполагаемый ответчик может совершить действия по прекращению нарушения, фактически мы можем это назвать сделкой, направленной на признание факта нарушения со своей стороны, чтобы избежать возбуждения дела и привлечения к ответственности в дальнейшем.

Ст. 39.1 Закона о защите конкуренции стала ярким примером снижения государственного вмешательства в экономику⁵, ведь лишь после выдачи и неисполнения предупреждения его адресатом антимонопольным органом может быть возбуждено дело о нарушении антимонопольного законодательства⁶.

Казалось бы, применение предупреждения должно восстановить права и обеспечить защиту прав хозяйствующих субъектов-заявителей от недобросовестной конкуренции, в том числе, на будущее время. Развивая позицию о двойственном характере предупреждения⁷ (и для предупреждения, и для пресечения нарушений антимонопольного законодательства), мы полагаем, что предупреждение также может быть направлено на устранение последствий действий хозяйствующих субъектов, обладающих признаками нарушения антимонопольного законодательства.

Однако к чему приводит названное снижение административных барьеров на практике? Наибольшие трудности складываются в применении института предупреждения в рамках ст. 14.8 КоАП РФ.

При рассмотрении обращений по ст. 14.8 нередко случается так, что антимонопольному органу приходится вмешиваться в уже существующие обязательственные отношения между потенциальным ответчиком и третьими лицами.

На практике встречаются случаи, когда нарушение прав добросовестных субъектов допускается на этапе возникновения обязательственных отношений, при проведении торгов. При этом на конкретную правоприменительную практику сослаться невозможно в силу отсутствия правоприменительных актов антимонопольного органа, за исключением выданного «вхолостую» предупреждения.

Так, в Пермском крае имела место ситуация, когда организация проводила торги, участниками которых были хозяйствующие субъекты-конкуренты, действующие на рынке оказания услуг общественного питания. При этом конкурент «А» действовал добросовестно, а конкурент «В» – нет (им были представлены недостоверные документы, о чем заказчику на момент проведения торгов не было и не могло быть известно).

По итогам торгов победителем признан хозяйствующий субъект «В», и с ним заключен договор. «А», поскольку его права нарушены, обращается за защитой своих прав в антимонопольный орган. Единственная возможная реакция антимонопольного органа в рамках действующего законодательства – выдача предупреждения «В» о недопустимости нарушений ст. 14.8 Закона о защите конкуренции в дальнейшем.

При этом факт исполнения предупреждения фактически нарушенные права заявителя никаким образом не защищает, поскольку договор в итоге продолжает свое действие. Таким образом, внедренный институт предупреждения оказывает обратный эффект, поскольку антимонопольный орган фактически лишен возможности вмешаться в обязательственные отношения, выступить их регулятором.

Нередки злоупотребления и на рынке пассажирских перевозок. Так, организация транспортного обслуживания населения в границах города Перми возложена⁸ на функциональный орган администрации города – Департамент дорог и транспорта.

Для осуществления пассажирских перевозок автомобильным транспортом на территории г. Перми перевозчику необходимо предварительно заключить договор с Департаментом.

В случае, если перевозчик осуществляет свою деятельность в отсутствие разрешительной документации, его действия представляют собой состав ст. 14.8 Закона о защите конкуренции. Однако в таком случае антимонопольный орган вновь вынужден лишь выдать недобросовестному субъекту предупреждение. При этом недобросовестный перевозчик может как уклоняться от получения предупреждения, так и предоставлять антимонопольному органу (и третьим лицам) недостоверную информацию о прекращении действий, нарушающих антимонопольный запрет. К сожалению, у антимонопольного органа отсутствуют полномочия по проведению проверки исполнения предупреждений подобного рода, что, вкуче с порядком привлечения виновных лиц к административной ответственности, не дает права наказать недобросовестных хозяйствующих субъектов и защитить, восстановив в правах, добросовестных, участвующих в обязательственных отношениях в соответствии с законом.

Таким образом, необходимость выдачи предупреждения в некоторых случаях недобросовестной конкуренции лиц в обязательствах не обладает пользой для лиц, чьи права нарушены.

В этой связи слова руководителя ФАС России Игоря Артемьева: «Фактически мы освободили предпринимательство от себя больше, чем в 3 раза. Мы с вами долго готовились к трансформации из органа, который непосредственно защищает права, в орган предупредительного контроля. Выдача предупреждений практически по всему периметру антимонопольного законодательства сняла очень существенную нагрузку с бизнеса»⁹, перестают звучать в положительном ключе.

Можно сказать, что один из наиболее эффективных органов по защите гражданских прав добровольно снял с себя такие обязательства, что не может сказаться положительно на российской экономике.

Деятельность антимонопольного органа по пресечению нарушений гражданских прав, восстановлению нарушенных прав и предупреждению будущих нарушений невозможна без реализации обязанности по выдаче предупреждения¹⁰.

В целях обеспечения наилучшего функционирования института предупреждения, по нашему мнению, следует внести ряд изменений в действующее законодательство.

1. Исключить из случаев обязательной выдачи предупреждения ст. 14.8 Закона о защите конкуренции. Наиболее сложные и запутанные случаи недобросовестной конкуренции, в том числе в обязательственных правоотношениях, подпадают именно под ст. 14.8, что позволяет недобросовестным участникам рынка избегать установленной законом ответственности, а главное – не дает антимонопольному органу реализовать полномочия по защите добросовестного субъекта путем выдачи праввосстановительного акта – предписания.

2. Ликвидируя излишние карательные полномочия антимонопольного органа, следует сохранить за ним в случае подачи нового заявления возможность возбудить новое дело без выдачи предупреждения. Необходимо при этом закрепить ограничительный критерий: антимонопольному органу надлежит установить, что действия, которые были добровольно прекращены при выдаче предупреждения, и вновь совершаемые действия, являются аналогичными (возможно, даже идентичными и осуществляются на том же товарном рынке). Для реализации этих целей мы считаем возможным дать антимонопольному органу возможность последующего контроля за исполнением предупреждения, в том числе после получения от хозяйствующего субъекта документов в подтверждение этого.

3. Отступая от излишне либеральных начал законодательства, представляется возможным включить в главу 19 КоАП РФ специальный запрет на «Возобновление действий, нарушающих права хозяйствующего субъекта-конкурента после исполнения предупреждения федерального антимонопольного органа», нарушение которого являлось бы основанием для привлечения лица к административной ответственности.

Литература

1. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ (в ред. от 03.07.2016 г.) // Российская газета. 27.07.2006. № 162.
2. Башлаков-Николаев И. В. Об изменениях в нормах об административной ответственности в сфере защиты конкуренции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 3. С. 35-41.
3. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» / отв. ред. И.Ю. Артемьев; МГИМО (У) МИД России, ФАС России. М.: Статут, 2015. 718 с.
4. О применении «четвертого антимонопольного пакета»: Письмо ФАС России от 24.12.2015 г. № ИА/74666/15 // СПС «Консультант Плюс», 2017.
5. Голубцов В.Г. Государственное регулирование экономики: правовые формы реализации // Законодательство и экономика, 2005. № 3. С. 11-17.
6. Об утверждении административного регламента Федеральной антимонопольной службы по исполнению государственной функции по возбуждению и рассмотрению дел о нарушениях антимонопольного законодательства Российской Федерации: Приказ ФАС России от 25.05.2012 № 339 (ред. от 16.02.2016) (Зарегистрировано в Минюсте России 07.08.2012 № 25125) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 25.02.2013. № 8.
7. Кац Р.Ю. Особенности предупреждения и пресечения нарушений антимонопольного законодательства как формы защиты субъективного гражданского права // *Juvenis Scientia*. 2016. № 6. С. 54-56.
8. О департаменте дорог и транспорта администрации города Перми и о внесении изменений в отдельные решения Пермской Городской Думы: Решение Пермской городской Думы от 24.06.2008 года

№ 201 // Официальный бюллетень органов местного самоуправления муниципального образования город Пермь. 04.07.2008. № 47.

9. Эффективность антимонопольного надзора будет повышена. URL: <http://fas.gov.ru/press-center/news/detail.html?id=49088>. Дата обращения: 12.03.2016.
10. Конкурентное право: Учебник / С.А. Пузыревский, Д.И. Серегин, Д.А. Гаврилов; Отв. ред. С.А. Пузыревский. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 416 с.

Сидорова А.В.

студент, ПГНИУ

Научный руководитель: Фролович Э.М.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРЕТЕНЗИОННЫЙ ПОРЯДОК УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: статья посвящена системному анализу такой законодательной новеллы, как обязательный претензионный порядок урегулирования спора в арбитражном процессе. Автором обозначена цель закрепления данной правовой конструкции в качестве обязательной, выявлены положительные характеристики указанного института, а также ряд проблем, которые могут возникнуть в правоприменительной практике.

Ключевые слова: обязательный досудебный порядок, арбитражный процесс.

Sidorova A.V.

student, PSU

Supervisor: Frolovich E.M.

MANDATORY COMPLAINT PROCEDURE OF DISPUTE SETTLEMENT IN ARBITRATION

Annotation: The article is devoted to a systematic analysis of such innovative legislation as a mandatory claim procedure for resolving a dispute in arbitration. The author outlines the goal of vesting this legal construct as mandatory and reveals the positive characteristics of this institution, as well as a number of issues that may arise in law enforcement practice.

Keywords: mandatory complaint procedure, arbitral procedure.

В соответствии с ч.1 ст.46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод¹. Исходя из положений Федерального закона «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» с 1 июня 2016 года, прежде чем обратиться за защитой своих прав в арбитражный суд, необходимо соблюсти обязательный претензионный или иной досудебный порядок урегулирования спора². При этом со дня направления претензии (требования) в адрес ответчика и до момента обращения в суд должно пройти не менее 30 календарных дней, если иной срок не установлен законом или договором (ч. 5 ст. 4 АПК РФ)³.

Досудебный порядок стал обязательным для большинства категорий споров, за исключением дел: об установлении фактов, имеющих юридическое значение

(гл. 27 АПК РФ); о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок (гл. 27.1 АПК РФ); о несостоятельности (банкротстве) (гл. 28 АПК РФ); по корпоративным спорам (гл. 28.1 АПК РФ); о защите прав и законных интересов группы лиц (гл. 28.2 АПК РФ); о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования; об оспаривании решений третейских судов (гл. 30 АПК РФ); о выдаче судебного приказа (п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62)⁴. Экономические споры, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, могут быть переданы на разрешение арбитражного суда после соблюдения досудебного порядка урегулирования спора, если он установлен федеральным законом.

При несоблюдении стороной обязательного претензионного порядка иск не может быть рассмотрен – суд оставляет исковое заявление без движения или осуществляет его возврат (если заявление еще не принято к производству – ст. ст. 128, 129 АПК РФ) либо оставляет его без рассмотрения (если заявление было принято – п. 2 ч. 1 ст. 148 АПК РФ).

Ранее досудебный порядок урегулирования спора был обязателен в двух случаях: когда он предусмотрен федеральным законом или договором между сторонами спора.

Рассматриваемое нововведение по-разному оценивается правоприменителями. Диаметральные противоположные взгляды учёных-юристов отражают как плюсы, так и минусы этого института. В настоящей работе предлагаем провести системный анализ положительных характеристик обязательного досудебного порядка урегулирования спора, его недостатков. Кроме того, для понимания сущности данной законодательной новеллы необходимо также решить вопрос о цели введения законодателем такой правовой конструкции.

Приступая к вопросу рассмотрения положительных сторон обязательного претензионного порядка, хотелось бы начать с того, что в первую очередь он направлен на урегулирование спора путём переговоров сторон, минуя тем самым судебное разбирательство. Действительно, существуют случаи, когда должник ввиду большого объёма товарооборота или наличия множества контрагентов упускает факт того, что долг перед кредитором должен быть погашен в кратчайшие сроки. Получается, что в судебном процессе он полностью или частично признает основные требования, то есть настоящие правоотношения не будут именоваться спорными. В данной ситуации соблюдение обязательного претензионного порядка освобождает стороны от несения дополнительных расходов и экономит их время, так как они могли проверить наличие или отсутствие задолженности путём сверки расчетов.

Далее следует сказать, что внесудебное урегулирование споров укрепляет партнёрские отношения и налаживает дальнейшее сотрудничество сторон, тем

самым формируя нормальный деловой предпринимательский климат⁵. Видимо, с этой целью законодатель исключил возможность направления претензии ответчику в электронной форме. Полагаем, что спор должен быть решен путём досудебных переговоров или консультаций с участием посредников (медиаторов)⁶.

Введение данного правового института также облегчает работу судей: снижается их нагрузка по делам, споры из которых могут быть урегулированы путём подачи претензии во внесудебном порядке.

После исследования состоявшейся новеллы, возникает вопрос: «Как быть, если срок исковой давности подходит к концу, а досудебное урегулирование спора занимает тридцать календарных дней?». В данной ситуации предприняты все необходимые меры для защиты интересов истца. Период соблюдения обязательного претензионного порядка не включается в срок исковой давности. Течение срока на это время приостанавливается. Вывод Верховного Суда РФ основан на нормах Гражданского кодекса РФ, согласно которым течение срока исковой давности приостанавливается на период разрешения спора во внесудебном порядке⁷.

Однако, несмотря на существующие положительные стороны, рассмотрим недостатки законодательной новеллы.

Полагаем, что данная процедура затягивает реализацию истцом права на судебную защиту, что в дальнейшем позволяет недобросовестному ответчику в течение 30-ти дневного срока (по общему правилу) сокрыть или продать спорное имущество третьему лицу.

Введение обязательного досудебного порядка урегулирования спора фактически блокировало применение такого правового инструмента, как предварительные обеспечительные меры, целью которого является эффективная и оперативная защита нарушенных прав. Дело в том, что арбитражный суд при вынесении определения о применении обеспечительных мер указывает истцу на необходимость соблюдения 15-ти дневного срока (ч. 5 ст. 99 АПК РФ), тогда как установленный законом срок между направлением претензии и предъявлением иска не может быть менее 30 дней. В результате выше обозначенных изменений складывается следующая ситуация: после направления претензии ответчику должно пройти 15 дней и только тогда истец может обратиться в арбитражный суд с заявлением о применении обеспечительных мер.

Существуют споры, по которым удовлетворение досудебной претензии объективно невозможно, например, признание давностного владельца. В этом случае нецелесообразно выжидать установленный законом срок, поскольку урегулировать данный спор возможно только по решению суда.

Обязательный досудебный порядок существенно затруднил применение в арбитражном процессе института встречного иска. В соответствии с ч. 2 ст. 132 АПК РФ предъявление встречного иска осуществляется по общим правилам

предъявления исков. Следовательно, к встречному иску должны быть приложены все документы, предусмотренные ст. 126 АПК РФ, в том числе доказательства соблюдения истцом претензионного порядка урегулирования спора. Почти полностью исключена возможность совместного рассмотрения встречного и первоначального взаимосвязанных исков, а ведь это приводит к более быстрому и правильному рассмотрению дела⁸.

Таким образом, ответчик фактически лишается возможности предъявить встречный иск в связи с тем, что к моменту окончания срока на досудебное урегулирование спора истцом уже будут раскрыты все доказательства. Так, в Определении Арбитражного суда Пермского края от 13 февраля 2017 г. по делу № А50-171/2017 к встречному исковому заявлению не приложены доказательства соблюдения ИП Волосниковой Н.В. обязательного досудебного порядка урегулирования спора с Комитетом и Администрацией поселения. Встречный иск не содержит данных, подтверждающих принятие ИП Волосниковой Н.В. мер по досудебному урегулированию спора. При таких обстоятельствах суд признал, что ИП Волосниковой Н.В. не соблюден обязательный досудебный порядок урегулирования спора и, как следствие, встречное исковое заявление подано с нарушением требований, установленных ст. 126 АПК РФ, и подлежит возвращению на основании п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ⁹.

В новой редакции ч. 5 ст. 4 АПК РФ указан общий срок – 30 дней, если иные сроки не установлены договором. Это дает право сторонам перестраховаться и включить в договоры с контрагентами положения, устанавливающие более удобные сроки для ускорения процедуры досудебного урегулирования спора. Стало быть, встает вопрос о злоупотреблении сторонами правом на установление неразумно коротких сроков.

Подводя итог проведенному анализу, отметим, что целью введения законодателем обязательного претензионного порядка является снижение нагрузки на суды путем стимулирования сторон к самостоятельному урегулированию своих споров. Несомненно, у состоявшейся новеллы большое количество положительных аспектов, однако наличие отрицательных сторон требует её дальнейшего совершенствования.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 02.03.2016 г. № 47-ФЗ (ред. от 23.06.2016). [Электронный ресурс]: В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ 14.06.2002 г. № 95-ФЗ (в ред. Федерального закона РФ от 19.12.2016 г.) // Российская газета. 2002. 27июля. № 137.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» // Российская газета. 2017. 13 января. № 6.
5. См.: Распопин М.В. Обзор судебной практики применения п. 2 ч. 1 ст. 148 АПК РФ. [Электронный документ]: (<https://goo.gl/vZ80n5>). Дата обращения 01.03.2017 года.
6. Коротков Д.Б. Обязательный досудебный порядок урегулирования спора по АПК РФ // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов: материалы всеросс. науч.-практ. конф. (г. Пермь, ПГНИУ, 18–19 нояб. 2016 г.). С.268-270.
7. Определение Верховного суда РФ от 06.06.2016 г. № 301-ЭС16-537. [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
8. Мороз А. Обязательный досудебный порядок: итоги за шесть месяцев // ЭЖ-Юрист, 2016, № 49. [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
9. Определение Арбитражного суда Пермского края от 13.02.2017 г. по делу № А50-171/2017. [Электронный ресурс]: <http://ras.arbitr.ru/>. Дата обращения 03.03.2017 года.

Сунцова Е.А.

студент, ПГНИУ

Научный руководитель: Любимова Е.В.

КОМПЕНСАЦИЯ СУДЕБНЫХ ИЗДЕРЖЕК В ПРИКАЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: проблема взыскания судебных издержек важна для практикующих юристов. В статье рассматривается вопрос, неурегулированный законодателем. Освещаются проблемы и особенности института судебного приказа в арбитражном процессе. Автор анализирует нормы о судебных издержках, системно толкуя закон.

Ключевые слова: судебный приказ, судебные издержки, арбитражный процесс, представитель, рассмотрение дела, приказное производство.

Suntsova E.A.

student, PSU

Supervisor: Lyubimova E.V.

COMPENSATION OF COURT CASES IN PURPOSE PRODUCTION

Annotation: the problem of recovering court costs is important for practicing lawyers. The article deals with a matter that is not regulated by the legislator. The problems and peculiarities of the institution of the court order in the arbitration process are discussed. The author analyzes the norms on court costs, systematically interpreting the law.

Keywords: court order, litigation costs, arbitration process, representative, trial of a case, decree production.

В связи с принятием Федерального закона от 02 марта 2016 года № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» в арбитражном процессе появилось приказное производство.

Согласно частям первой, второй статьи 15 АПК РФ арбитражный суд принимает судебные акты в форме судебного приказа, решения, постановления, определения. Судебный акт, вынесенный арбитражным судом первой инстанции в порядке приказного производства, именуется судебным приказом. Судебный акт, принятый арбитражным судом первой инстанции при рассмотрении дела по существу, именуется решением.

Таким образом, арбитражное процессуальное законодательство России четко разграничивает решение суда как акт, принятый по результатам рассмотрения дела по существу, и судебный приказ как акт, вынесенный в порядке приказного производства¹.

Признаками судебного приказа являются:

1. бесспорность требований (нет спора о праве);
2. вопрос взыскания рассматривается только на основании письменных документов, подтверждающих долг;
3. сокращенный срок: суд выносит приказ в течении 10 дней, в течении 5 дней отправляет должнику, 10 дней дается на возражение;
4. отмена судебного приказа происходит по возражению, которое не нуждается в мотивировке;
5. ограничено количество оснований выдачи судебного приказа;
6. судебное разбирательство не проводится.

АПК РФ в статье 106 дает определение судебным издержкам. К судебным издержкам, связанным с **рассмотрением дела в арбитражном суде**, относятся расходы на оплату услуг адвокатов и иных лиц, оказывающих юридическую помощь (представителей), и другие расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде.

Таким образом, судебные издержки могут быть взысканы на оплату услуг адвокатов и представителей при рассмотрении дела в суде.

«Рассмотрение дела в суде» охватывает приказное производство, то есть суд рассматривает требования и доводы в заявлении о вынесении судебного приказа.

В ст. 6 АПК РФ говорится о законности при рассмотрении дел в арбитражном суде, что еще раз подтверждает, что «рассмотрение» включает все виды производств, так как принцип законности распространяется на всю деятельность арбитражного суда.

Можно сделать вывод, что само понятие «рассмотрение дела в суде» несколько широко для статьи 106 АПК РФ.

Полагаем, что «рассмотрение дел в суде» подразумевает представительство в судебном заседании.

Обратимся к системному толкованию норм закона, связанных с представительством. Следует проанализировать, правильно ли мы понимаем, что «рассмотрение

дел в суде» нужно понимать в узком смысле и распространять только на случаи проведения судебного заседания.

Следует заметить, что в главе 6 АПК РФ, в статье 59 ведение дел в арбитражном суде через представителей говорится о том, что граждане вправе вести свои дела в арбитражном суде лично или через представителей.

Под ведением дел в суде понимается определение лиц, которые могут выступать в суде от имени граждан и организаций.

Ведение дел не заканчивается только участием в судебном заседании, но дело можно вести при подготовке документов и написании заявления о вынесении судебного приказа.

То есть, при системном толковании, можно прийти к выводу, что представитель – это не только лицо, которое участвует в судебном заседании, а лицо, которое ведет дело, например, по средствам приказного производства.

Таким образом, ведение дел в суде, по смыслу, давшему законодателем, шире, чем рассмотрение дела в суде.

Из правовой позиции, изложенной в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», а именно:

«Так, расходы, понесенные истцом, заявителем в связи с собиранием доказательств до предъявления искового заявления, административного искового заявления, заявления (далее также - иски) в суд, могут быть признаны судебными издержками, если несение таких расходов было необходимо для реализации права на обращение в суд и собранные до предъявления иска доказательства соответствуют требованиям относимости, допустимости. Например, истцу могут быть возмещены расходы, связанные с ...», делаем вывод, что предоставляется право взыскания судебных издержек только в исковом производстве (и упрощенном), так как в Постановлении указано исковое заявление, что не включает заявление о выдаче судебного приказа.

Вопрос о взыскании издержек разрешается в судебном заседании, приказное производство имеет особенность рассмотрения дела назначения судебного заседания, следовательно, взыскание издержек противоречило бы цели и специфике приказного производства.

В связи с тем, что законом прямо не урегулирован данный вопрос, сторонники позиции взыскание судебных издержек в приказном производстве сравнивают его с упрощенным, но на наш взгляд данное сравнение некорректно, так как сущность и основания этих производств различно.

Кроме того, институт судебного приказа не предусматривает «сложной» работы юриста, предполагающей высокую квалификацию, поскольку достаточно установить факт долга, не требуется соблюдения претензионного порядка, что предусмотрено п.7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса

Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»: по требованиям, возникающим из гражданских правоотношений, принятие взыскателем и должником обязательных мер по досудебному урегулированию, предусмотренному частью 5 статьи 4 АПК РФ, до обращения в арбитражный суд с заявлением о выдаче судебного приказа не требуется.

Фролович Э.М. в статье «Судебные издержки в Арбитражном процессе»² оценивает взыскание судебных издержек через принцип разумности, считает, что размер судебных издержек может быть объяснен особенностями споров, подведомственных арбитражному суду: ролью представителя в арбитражном процессе.

Оценивая роль представителя в приказном производстве, считаем, что судебные издержки взыскиваться не должны.

Тем более, цель введения судебного приказа упростить процедуру взыскания долга заявителя-кредитора с должника, сделать правосудие более доступным, ускорить порядок рассмотрения заявленных требований, процессуальная экономия (не только суда, а стороны).

Законодателю следует учитывать специфику арбитражного процесса при введении схожих институтов из гражданского процесса.

Литература

1. Нагорная Э.Н. Правовая природа судебного приказа в арбитражном процессе (на основе решения Экономического суда СНГ от 17 июня 2016 года) // Вестник арбитражной практики. 2016. N 3. С. 13 - 20.
2. Фролович Э.М. Судебные издержки в Арбитражном процессе // Актуальные проблемы защиты вещных прав. Актуальные проблемы арбитражного процесса: материалы ежегод. науч.-практ. конф. молодых ученых (г. Пермь, ПГНИУ, 6 мая 2016 г.) / отв. ред. Д. Н. Латыпов, В. Г. Голубцов; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2016. – 135 с.
3. Борисова В.Ф. Судебный приказ: проблемы вынесения и исполнения // Российская юстиция. 2013. N 9. С. 39 - 41.
4. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 N 124(1)).

Сыропятова Н.В.

старший преподаватель кафедры, ПГНИУ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БАНКА ЗА НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ДОГОВОРУ БАНКОВСКОГО СЧЕТА И ФЗ «О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ»

Аннотация: в статье анализируется вопрос о возможности применения положений ФЗ «О защите прав потребителей» об ответственности к отношениям, возникающим на основании договора банковского счета между банком и клиентом –

физическим лицом, действующим не в предпринимательских целях. Рассматривается судебная практика по данному вопросу.

Ключевые слова: договор банковского счета, нарушение банком обязательств по договору банковского счета, ответственность банка за нарушение обязательств по договору банковского счета, применение ФЗ «О защите прав потребителей»

Syropiatova N.V.
Senior lecturer, PSU

THE BANK'S RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF OBLIGATIONS UNDER THE BANK ACCOUNT AGREEMENT AND FZ «ON PROTECTION OF CONSUMERS RIGHTS»

Annotation: the article analyzes the issue of the possibility of applying the provisions of the Federal Law «On Protection of Consumer Rights» on liability to relations arising on the basis of a bank account agreement between a bank and a client - an individual that does not act for business purposes. Judicial practice is being considered on this issue.

Keywords: bank account agreement, violation by the bank of obligations under the bank account agreement, bank liability for violation of obligations under the bank account agreement, application of the Federal Law «On Protection of Consumer Rights»

Спорным является вопрос о возможности применения положений ФЗ «О защите прав потребителей»¹ об ответственности исполнителя к отношениям, возникающим на основании договора банковского счета. Судебная практика складывается по-разному.

Физическое лицо, заключая договор банковского счета (вклада), действуя в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, является потребителем услуг банка. В преамбуле ФЗ «О защите прав потребителей» указано, что потребителем является гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, а исполнителем - организация независимо от ее организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, выполняющие работы или оказывающие услуги потребителям по возмездному договору.

Подпунктом «д» п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»² разъяснено, что при отнесении споров к сфере регулирования Закона о защите прав потребителей следует учитывать, что под финансовой услугой следует понимать услугу, оказываемую физическому лицу в связи с предоставлением, привлечением и (или) размещением денежных средств и их эквивалентов, выступающих в качестве самостоятельных объектов гражданских прав (предоставление кредитов (займов), открытие и ведение текущих и иных банковских счетов, привлечение банковских вкладов (депозитов), обслуживание банковских карт, ломбардные операции и т.п.).

Таким образом, ФЗ «О защите прав потребителей» регулирует отношения между банком и его клиентами - физическими лицами, действующими в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

В связи с этим возникает вопрос о возможности применения ответственности, предусмотренной ст. 28 ФЗ «О защите прав потребителей». Согласно данной статье потребитель вправе потребовать полного возмещения убытков, причиненных ему в связи с нарушением сроков выполнения работы (оказания услуги). Согласно п. 5. ст. 28 ФЗ «О защите прав потребителей» в случае нарушения установленных сроков выполнения работы (оказания услуги) или назначенных потребителем на основании п.1 ст. 28 новых сроков исполнитель уплачивает потребителю за каждый день (час, если срок определен в часах) просрочки неустойку (пеню) в размере трех процентов цены выполнения работы (оказания услуги), а если цена выполнения работы (оказания услуги) договором о выполнении работ (оказании услуг) не определена - общей цены заказа. Договором о выполнении работ (оказании услуг) между потребителем и исполнителем может быть установлен более высокий размер неустойки (пени).

Пунктом 6 ст. 28 ФЗ «О защите прав потребителей» предусмотрено, что требования потребителя, не подлежат удовлетворению, если исполнитель докажет, что нарушение сроков выполнения работы (оказания услуги) произошло вследствие непреодолимой силы или по вине потребителя.

Судебная практика по вопросу применения ст. 28 ФЗ «О защите прав потребителей» на протяжении нескольких лет складывалась по-разному. Некоторые суды считали, что уплате подлежат проценты в соответствии со ст. 395 ГК РФ, другие приходили к выводу о том, что должна быть взыскана неустойка, предусмотренная п.5 ст. 28 ФЗ «О защите прав потребителей».

В первом случае суды ссылались на то, что в указанной части положения ФЗ «О защите прав потребителей» не применимы, поскольку ответственность банка предусмотрена специальной статьей 856 ГК РФ.

Некая определенность появилась в результате вынесения определения Верховным Судом РФ от 14.07.2015 N 13-КГ15-3³. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу, что ст. 856 ГК РФ не является специальной нормой по отношению к ФЗ «О защите прав потребителей».

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в пунктах 1, 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», если отдельные виды отношений с участием потребителей регулируются и специальными законами Российской Федерации, содержащими нормы гражданского права (например, договор участия в долевом строительстве, договор страхования, как личного, так и имуще-

ственного, договор банковского вклада, договор перевозки, договор энергоснабжения), то к отношениям, возникающим из таких договоров, Закон о защите прав потребителей применяется в части, не урегулированной специальными законами.

Таким образом, статья 856 ГК РФ является общей нормой ГК РФ, регулирующей отношения между банком и клиентом вне зависимости от его субъектной принадлежности, в то время как ст. 28 ФЗ «О защите прав потребителя» регулирует те же отношения со специальным субъектом - потребителем.

Согласно статье 9 ФЗ от 26 января 1996 г. N 15-ФЗ «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴ в случаях, когда одной из сторон в обязательстве является гражданин, использующий, приобретающий, заказывающий либо имеющий намерение приобрести или заказать товары (работы, услуги) для личных бытовых нужд, такой гражданин пользуется правами стороны в обязательстве в соответствии с ГК РФ, а также правами, предоставленными потребителю ФЗ «О защите прав потребителей» и изданными в соответствии с ним иными правовыми актами.

Таким образом, был сделан вывод о том, что ст. 28 ФЗ «О защите прав потребителей» является специальной по отношению к ст. 856 ГК РФ и подлежит применению к отношениям, возникающим между банком и клиентом в рамках договора банковского счета.

Однако в п. 3 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2017)⁵, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017, сказано, что на отношения между банком и его клиентом (вкладчиком) по возврату денежных сумм и выплате неустойки п.5 ст. 28 ФЗ «О защите прав потребителей», определяющий последствия нарушения исполнителем сроков выполнения работ (оказания услуг), не распространяется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу, что согласно ст. 834 ГК РФ по договору банковского вклада (депозита) одна сторона (банк), принявшая поступившую от другой стороны (вкладчика) или поступившую для нее денежную сумму (вклад), обязуется возвратить сумму вклада и выплатить проценты на нее на условиях и в порядке, предусмотренных договором (п.1).

В соответствии с п.2 ст. 837 ГК РФ по договору банковского вклада любого вида банк обязан выдать сумму вклада или ее часть по первому требованию вкладчика, за исключением вкладов, внесенных юридическими лицами на иных условиях возврата, предусмотренных договором.

К отношениям банка и вкладчика по счету, на который внесен вклад, применяются правила о договоре банковского счета (гл. 45), если иное не предусмотрено правилами гл. 44 ГК РФ или не вытекает из существа договора банковского вклада (п.3 ст. 834 ГК РФ).

В силу ст.856 ГК РФ в случаях несвоевременного зачисления на счет поступивших клиенту денежных средств либо их необоснованного списания банком со счета, а также невыполнения указаний клиента о перечислении денежных средств со счета либо об их выдаче со счета банк обязан уплатить на эту сумму проценты в порядке и в размере, предусмотренных ст.395 ГК РФ.

Применение положений ст.856 ГК РФ к договору банковского вклада обусловлено как п.3 ст.834 ГК РФ, так и тем, что заключение такого договора оформляется открытием клиенту депозитного счета, являющегося разновидностью банковского счета.

Таким образом, последствия нарушения банком обязанности по возврату вклада вследствие невыдачи денежных средств со счета состоят в обязанности уплаты банком процентов по ставке рефинансирования.

Как уже было отмечено, согласно разъяснениям, содержащимся в п.2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», если отдельные виды отношений с участием потребителей регулируются и специальными законами Российской Федерации, содержащими нормы гражданского права (например, договор участия в долевом строительстве, договор страхования, как личного, так и имущественного, договор банковского вклада, договор перевозки, договор энергоснабжения), то к отношениям, возникающим из таких договоров, Закон о защите прав потребителей применяется в части, не урегулированной специальными законами.

В связи с этим неправомерно применение к указанным выше правоотношениям положения п.5 ст. 28 ФЗ «О защите прав потребителей», определяющего последствия нарушения исполнителем сроков выполнения работ (оказания услуг), не приняв во внимание, что такие последствия применительно к нарушению обязанности по возврату вклада по первому требованию вкладчика урегулированы положениями ГК РФ, содержащими специальные нормы и подлежащими применению.

Подводя итог, стоит отметить, что практика применения ФЗ «О защите прав потребителей» к отношениям, возникающим на основании договора банковского счета противоречива. Правовое регулирование ответственности банков перед клиентами вызывает много вопросов и требует дальнейшего реформирования.

Литература

1. О защите прав потребителей: ФЗ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 03.07.2016)//Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, N 3, ст. 140.
2. О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 17//«Российская газета», N 156, 11.07.2012.
3. Определение Верховного Суда РФ от 14.07.2015 N 13-КГ15-3 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 26.01.1996 N 15-ФЗ (ред. от 09.04.2009)//Собрание законодательства РФ», 29.01.1996, N 5, ст. 411.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017) (ред. от 26.04.2017) // Солидарность, № 9, 01 - 08.03.2017.

ЗАРАНЕЕ ОЦЕНЕННЫЕ УБЫТКИ КАК ОСОБАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ УБЫТКОВ

Аннотация: цивилистическая доктрина стран как континентального, так и общего права, изобилует множеством видов убытков (способов определения их размеров). В то же время в теории и на практике возникают проблемы их идентификации и отнесения к той или иной группе. Настоящая статья, в свою очередь, посвящена определению места заранее оцененных убытков среди иных видов убытков согласно принятым в мировой практике классификационным основаниям их деления.

Ключевые слова: заранее оцененные убытки, виды убытков, возмещение убытков.

Syatchikhin A.V.
postgraduate student, PSU

LIQUIDATED DAMAGES AS ONE OF TYPE OF DAMAGES

Annotation: continental and common law doctrines is replete with many types of damages. At the same time, in theory and in practice, there are problems of identification type and attribution same to one group or another. This article devoted to defining the place of liquidated damages among other types of damages, according to the internationally accepted bases for classification of their division.

Keywords: liquidated damages, types of damages, damages.

Общемировая история развития гражданско-правового регулирования свидетельствует о том, что в коммерческом обороте возмещение убытков, как форма денежного возмещения, традиционно имело приоритет перед присуждением к исполнению в натуре. Так, А.А. Громов отмечает, что в классический период развития римского права в случае неисправности должника обязанность по исполнению в натуре первоначально заменялась обязанностью подчиниться судье, а затем – в обязанность по исполнению судебного решения. При этом «предметом присуждения могла быть только обязанность ответчика уплатить истцу денежную сумму – принудительного исполнения договорной обязанности в этот период в Риме не существовало»¹. Смена приоритета денежного возмещения присуждением к исполнению обязанности в натуре обуславливается, прежде всего, инфляционными процессами в периоды экономического спада, «когда кредитору гораздо выгоднее было получить вещь, а не деньги за нее»².

Сегодня в условиях нормально функционирующей рыночной экономики в странах с развитым правопорядком денежная форма возмещения также при-

обретает особую значимость. При этом на первый план выходят способы оперативного восстановления имущественного положения кредитора, одним из которых является заранее оцененные убытки как один из видов убытков (способов определения их размеров).

Суть возмещения убытков заключается в компенсации ущерба, т.е. вреда, имеющего имущественный характер, посредством выплаты соответствующей денежной суммы. При этом в мировой практике сложились две общие модели возмещения убытков: компенсационная и сверхкомпенсационная³. Первая модель основывается на идее соразмерности наказания, реализация которой направлена на восстановление имущественного баланса сторон. Сверхкомпенсационная же модель помимо компенсационной имеет карательную составляющую. Последняя направлена на мотивацию как должника к надлежащему исполнению обязательств под страхом выплаты кратной действительным убыткам суммы возмещения, так и кредитора на подачу исков о возмещении такого рода убытков.

В отечественной цивилистике рассматриваются следующие виды (способы определения) убытков: реальный ущерб и упущенная выгода, прямые и косвенные, штрафные и компенсаторные, преддоговорные, договорные и деликтные, заранее оцененные (оценочные, нормативные) и предвидимые, абстрактные и конкретные (убытки на разницу), мораторные, условные, случайные, инфляционные, действительные и номинальные (символические)⁴. В то же время основанная на анализе прецедентов доктрина общего права выделяет по различным основаниям около 40 видов убытков, что свидетельствует о более дифференцированном подходе к вопросу восстановления имущественного положения кредитора. Так, например, в общем праве выделяются т.н. «повторные» (continuing damages), «закономерные» (general damages), «побочные» (incidental damages), подлежащие точному подсчету (pecuniary damages), «отдаленные» (remote damages), «тройные» (treble damages), заранее не оцененные, «неликвидные» убытки (unliquidated damages), компенсация за нарушение «спокойного пользования» недвижимостью (fee damages) и другие виды убытков.

В свою очередь, ограничиваясь объемом представленной статьи, кратко обозначим некоторые позиции относительно наших представлений о месте заранее оцененных убытков среди иных видов убытков:

1. В сравнительно-правовом ключе кристаллизуется сущность и содержание заранее оцененных убытков: выявляются присущие им функции (восстановительная и учетная), договорная природа, методика определения размера и условия действительности подобного рода договорных условий.

2. Представляя определенную методiku (прием, порядок) определения размеров убытков, заранее оцененные убытки наравне с абстрактными, номинальными и штрафными убытками, содержательно и нормативно выступают в

качестве конкретного способа определения убытков как денежной оценки ущерба, причиненного кредитору.

3. Выбор того или иного способа определения убытков, в том числе заранее оцененных, как правило, predetermined законодателем и зависит, в частности, от субъектного состава, вида существующих между сторонами правоотношений, а также конкретных обстоятельств дела.

4. Заранее оцененные убытки, представляя компенсационную меру гражданско-правовой ответственности, органично встраиваются в российскую систему права, соответствуют основным положениям и принципам отечественного гражданского права.

5. Как и абстрактные убытки, представляющие на сегодняшний день в отечественном гражданском праве общий способ исчисления убытков, заранее оцененные относятся к группе компенсационных видов убытков.

6. Наряду с пока что не известными отечественному праву номинальными убытками, заранее оцененные относятся к той группе убытков, которые подлежат возмещению при невозможности установления действительного размера ущерба.

7. Штрафные убытки, представляя элемент «сверхкомпенсационной» модели гражданско-правовой ответственности, как и заранее оцененные убытки, представляющие элемент «компенсационной» модели гражданско-правовой ответственности, относятся к договорным убыткам, размер которых определяется до наступления оснований их возмещения.

8. Поскольку заранее оцененные убытки являются лишь одним из видов убытков, постольку они не могут являться самостоятельным способом защиты гражданских прав. Реализация непоименованной на сегодняшний день меры защиты в силу тождества основной функции заранее оцененных убытков и функции убытков, предусмотренных главой 25 Гражданского кодекса РФ, осуществляется посредством предъявления иска о возмещении убытков на основании абз. 9 ст. 12 и ст. 393 Гражданского кодекса РФ.

Литература

1. Громов А.А. Переход от исполнения обязательства в натуре к возмещению убытков: российское и германское регулирование // Вестник гражданского права, 2016. № 1.
2. Там же. Подробнее см.: Kaser M. Das Romische Privatrecht. Bd. 2: Die nachklassischen Entwicklungen. 2. Aufl. C.H. Beck, 1975. P. 343; Zimmermann R. The New German Law of Obligations: Historical and Comparative Perspectives. Oxford University Press, 2005. P. 772.
3. Подробнее см.: Слесарев В.Л. Экономические санкции в советском гражданском праве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск., 1990. С. 9-10; Карапетов А.Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2014. №№ 11, 12; Будылин С.Л. Сверхкомпенсационные убытки. Возможности их взыскания в России и за рубежом // Арбитражная практика, 2014. № 4.
4. См., напр.: Шматов М.А. Виды убытков // Гуманитарные научные исследования, 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/01/9451> (дата обращения: 01.03.2017); Проблемы реализации

принципов права в предпринимательской деятельности / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2016; Волков А.В. Возмещение убытков по гражданскому праву России: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000; Платов Н.В. Возмещение убытков в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2001. С. 55; Мякинина А.В. Ограничение размера возмещаемых убытков в гражданском праве Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 11-12; Зверева Е.А. Ответственность предпринимателя за нарушение условий договора // Право и экономика, 1997. № 2. С. 11; Васькин В.В., Овчинников Н.Н., Рогович А.Н. Гражданско-правовая ответственность. Владивосток: изд-во Дальневосточного ун-та, 1988 С. 120; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2. М.: Статут, 2005 («Классика российской цивилистики»).

Федяев Д.А.

к.ю.н., старший преподаватель кафедры, ПГНИУ

ВОПРОСЫ ЕДИНООБРАЗИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ ВЗЫСКАНИИ ЗАКОННОЙ НЕУСТОЙКИ ПО ДОГОВОРАМ УЧАСТИЯ В ДОЛЕВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЖИЛЬЯ

Аннотация: статья посвящена вопросу единообразного применения судами норм гражданского законодательства об уменьшении неустойки. Автором констатируется отсутствие единства судебной практики и необоснованное снижение судами общей юрисдикции законной неустойки, взыскиваемой с застройщиков в пользу участников долевого строительства жилья за просрочку передачи объектов долевого строительства. Высказываются предложения по изменению сложившейся практики с целью защиты прав участников долевого строительства жилья.

Ключевые слова: законная неустойка, снижение неустойки, судебная практика, единство судебной практики.

Fedyayev D.A.

PhD in Law, Senior lecturer, PSU

ISSUES WITH UNIFORMITY OF JUDICIAL PRACTICE IN THE RECOVERY OF STATUTORY DAMAGES UNDER THE CONTRACTS OF PARTICIPATION IN HOUSING CONSTRUCTION

Annotation: The article concerns the issue of the uniform application by courts of civil law rules regarding the reduction of penalties in cases of developer's liability in shared housing construction. The author points to the lack of unity in judicial practice and unreasonable reduction by courts of general jurisdiction of statutory penalties levied on developers in favor of co-investors in housing construction for delay in delivery of the constructed properties. Proposals are made as to the change to the current approach with the view to protect the rights of investors in the shared housing construction.

Keywords: statutory penalty, judicial reduction of penalty, judicial practice, uniformity of judicial practice.

В качестве одной из целей упразднения Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и передачи его полномочий Верховному Суду декларировалась необходимость обеспечения единства подходов при отправлении правосудия как в отношении граждан, так и в отношении юридических лиц¹.

Тем не менее, оказались пророческими слова В.Ф. Яковлева, который, за несколько лет до объединения, критиковал данное предположение как глубочайшее заблуждение². Практика применения судами общей юрисдикции и арбитражными судами как отдельных норм права, так и целых институтов отраслей права продолжает серьезно расходиться, причем это наблюдается даже в ситуациях, когда присутствуют руководящие разъяснения обновленного Верховного Суда Российской Федерации, и, казалось бы, любые разночтения должны быть исключены. Особенно это проявляется в вопросах применения норм права, оперирующих оценочными категориями разумности, добросовестности, соразмерности и тем самым дающих большие возможности для реализации дискреционных полномочий суда.

В качестве одной из таких норм можно привести статью 333 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)³, наделяющую суд правом в особых случаях уменьшить размер подлежащей уплате неустойки.

Если, как показывает личный опыт автора, для системы арбитражных судов является вполне приемлемым взыскание обычной в деловой практике договорной неустойки до 0,1, а при определенных обстоятельствах и до 0,15 процента от суммы задолженности в день, что составляет 36,5 и 54,75 процента годовых, соответственно, то суды общей юрисдикции очень скупы на взыскание неустойки с провинившейся стороны и активно пользуются нормой статьи 333 ГК РФ, в том числе для снижения не только договорной, но и законной неустойки.

Между тем, одно дело, когда суд уменьшает явно завышенную договорную неустойку, взыскиваемую с менее защищенной стороны - потребителя, навязанную профессиональным субъектом предпринимательской деятельности, и совсем другое, если снижается размер неустойки, установленной законом, причем уже в пользу того же потребителя.

Рассмотрим данную проблему на актуальном примере взыскания судами законной неустойки за нарушение застройщиком срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства, предусмотренной частью 2 статьи 6 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»⁴ (далее - Закон об участии в долевом строительстве). Согласно данной норме размер неустойки, взыскиваемой в пользу участника долевого строительства - гражданина, составляет 2-кратный размер 1/300 ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации (далее - ЦБ РФ) от цены договора за каждый день просрочки. Исходя из действующей ключевой ставки, к которой с 01.01.2016 приравнена ставка рефинансирования⁵, - 10% годовых⁶, размер рассчитанной таким образом неустойки составит 24,3 % годовых, что, принимая во внимание действу-

ющие ставки по коммерческим кредитам, нельзя назвать чрезмерным. Это значительно ниже неустойки, как указано выше, взыскиваемой при обычных обстоятельствах арбитражными судами.

Однако на практике суды общей юрисдикции даже такой скромный размер неустойки снижают, порой кратно.

Статья 333 ГК РФ предусматривает два основания уменьшения размера неустойки судом. Общее – явная несоразмерность последствия неисполнения обязательства (пункт 1 статьи 333 ГК РФ). Специальное, применяемое в исключительных случаях при уменьшении неустойки, определенной договором и подлежащей уплате лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность – если будет доказано, что взыскание неустойки в предусмотренном договором размере может привести к получению кредитором необоснованной выгоды (пункт 2 статьи 333 ГК РФ). Последнее применяется с 01.06.2015⁷.

Разъяснить вопросы применения статьи 333 ГК РФ было призвано Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»⁸ (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7), в котором вопросам уменьшения неустойки судом (статья 333 ГК РФ) посвящен специальный раздел.

Не развивая далее рассуждения о соотношении двух самостоятельных оснований снижения неустойки, так как это не является предметом нашего рассмотрения, отметим, что Верховный Суд РФ полной ясности не внес, предложив пунктом 77 упомянутого Постановления Пленума нижестоящим судам снижать размер договорной неустойки, подлежащей уплате субъектом предпринимательской деятельности, в исключительных случаях, если она явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства и может повлечь получение кредитором необоснованной выгоды (пункты 1 и 2 статьи 333 ГК РФ), то есть объединив тем самым оба основания.

Применительно к рассматриваемому вопросу важным является также подтверждение пунктом 78 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 ранее сформированной в судебной практике позиции о возможности уменьшения в порядке статьи 333 ГК РФ неустойки, установленной законом.

Вместе с тем, никак нельзя согласиться с практикой, когда суды общей юрисдикции воспринимают снижение неустойки по искам участников долевого строительства к застройщикам чуть ли не как свою благородную обязанность.

С сожалением приходится констатировать, что при уменьшении взыскиваемой с застройщика по договорам участия в долевом строительстве неустойки судебная практика крайне редко сопровождается указанием мотивов такого уменьшения, соотносящихся с положениями статьи 333 ГК РФ и разъяснениями в Постановлении Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7, что является обязательным по

спорам данной категории⁹. Напротив, гораздо более широко применяются выработанные судебной практикой критерии установления несоразмерности подлежащей уплате неустойки, связанные с деятельностью самого застройщика или его контрагентов, что противоречит пункту 73 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7. Доводилось сталкиваться с такими обоснованиями судами уменьшения размера неустойки, как: затруднения застройщика при продлении истекшего разрешения на строительства; необходимость продления срока действия условий технологического присоединения, выданных ресурсоснабжающей организацией; угроза ущемления интересов других участников долевого строительства, перед которыми застройщик не сможет исполнить своевременно свои обязательства по причине ухудшения финансового положения из-за взыскания неустойки.

Как видим, суды разными способами пытаются найти оправдание недобросовестному поведению застройщика, который зачастую абстрактно ссылаясь по сложившейся традиции на кризисные явления в экономике, попросту извлекает выгоду от пользования деньгами обманутых дольщиков.

Между тем, высшими судебными инстанциями неоднократно формулировалась позиция, согласно которой при оценке соразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства необходимо учитывать, что никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного поведения, а неправомерное пользование чужими денежными средствами не должно быть более выгодным для должника, чем условия правомерного пользования (пункты 3, 4 статьи 1 ГК РФ) (абзац первый пункта 75 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7, пункт 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.12.2011 № 81)¹⁰.

Судами общей юрисдикции игнорируются сведения о среднем размере платы по краткосрочным кредитам на пополнение оборотных средств, выдаваемым кредитными организациями субъектам предпринимательской деятельности, что могло бы служить ориентиром соразмерности неустойки и опровержением указанных в статье 333 ГК РФ обстоятельств (абзац второй пункта 75 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7).

В свое время Высшим Арбитражным Судом РФ в пункте 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.12.2011 № 81 был предложен ориентир в размере двукратной учетной ставки Банка России, который, к сожалению, не обязателен для применения судами общей юрисдикции. Более того, нередки случаи уменьшения неустойки менее чем до однократного размера ключевой ставки ЦБ РФ, что, на наш взгляд, недопустимо исходя из системного толкования статьи 333 и пункта 6 статьи 395 ГК РФ.

Тем самым игнорируется то обстоятельство, что неустойка является санкцией за нарушение обязательства, а не льготным кредитованием неисправного застройщика по ставке более низкой, чем среднерыночные ставки коммерческого

кредитования без предоставления обеспечения. Необоснованное уменьшение неустойки с экономической точки зрения позволяет недобросовестному застройщику получить доступ к финансированию за счет участников долевого строительства на нерыночных условиях, не прибегая к платным кредитным ресурсам финансовых организаций.

Подобной порочной практикой суды стимулируют недобросовестных застройщиков к нарушению сроков строительства и неправомерному пользованию деньгами застройщиков, что в свою очередь, ведет к росту обращений со стороны последних в суд. Некоторые юридически более грамотные дольщики идут на обход закона и через уступку прав требования о взыскании неустойки к застройщику подконтрольному юридическому лицу искусственно переводят спор в сферу подведомственности арбитражных судов, что нельзя признать приемлемым выходом из сложившейся ситуации.

В юридической доктрине наметилась ответная реакция, высказываются мнения о законодательной фиксации недопущения снижения размера законной неустойки, рассматриваемого как нижний предел имущественной ответственности¹¹. Хотя предпосылки подобных предложений понятны, отнесемся к ним с осторожностью. Нельзя исключать особые ситуации, когда даже законная неустойка будет нуждаться в уменьшении.

Тем не менее, думается, императивный характер нормы о законной неустойке должен означать не только невозможность снижения ее размера соглашением сторон, но и особый подход суда при уменьшении на основании статьи 333 ГК РФ. В любом случае снижение законной неустойки при удовлетворении исков участников долевого строительства не должно рассматриваться как правило. Примечательно, что для реализации этих пожеланий не требуется каких-то законодательных новел или дополнительных руководящих разъяснений от Верховного Суда РФ. Судам общей юрисдикции достаточно лишь соотнести свою практику с уже имеющимися.

Литература

1. Пояснительная записка проекта Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации № 352924-6 «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» / Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.03.2017).
2. Яковлев В.Ф. Опыт создания арбитражных судов // Вестник Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации. 2012. № 1. С. 6 – 25).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
4. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 30 дек. 2004 г. № 214-ФЗ (ред. от 01.05.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1 (часть 1), ст. 40.
5. О ставке рефинансирования Банка России и ключевой ставке Банка России: указание Центр. Банка Рос.

- Федерации от 11.12.2015 № 3894-У / Офиц. сайт ЦБ РФ в сети «Интернет». URL: http://www.cbr.ru/DKP/standart_system/3894-u.pdf (дата обращения: 17.03.2017).
6. Офиц. сайт ЦБ РФ в сети «Интернет». URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 17.03.2017).
 7. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 08 марта 2015 г. № 42-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10, ст. 1412.
 8. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 24.03.2016 № 7 (в ред. от 07.02.2017) // Бюлл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2016. № 5.
 9. Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости: утв. Президиумом. Верхов. Суда Рос. Федерации 04.12.2013 (в ред. от 04.03.2015) // Бюлл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2014. № 3.
 10. О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации от 22.12.2011 № 81 (ред. от 24.03.2016) // Вестник Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации. 2012. № 2.
 11. Ельникова Е.В. Взыскание неустойки как способ защиты прав участника долевого строительства // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов: материалы всеросс. науч.-практ. конф. Пермь, 2016. С. 122-124).

Филиппенко В.В.

студент, ПГНИУ

Научный руководитель: Сыропятова Н.В.

ПРЕКРАЩЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ КАК ПРАВОВАЯ ЦЕЛЬ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) ДОБРОСОВЕСТНОГО ДОЛЖНИКА-ГРАЖДАНИНА

Аннотация: в работе рассматривается вопрос о правовой цели несостоятельности (банкротства) граждан и критериях недобросовестного поведения гражданина-должника при банкротстве.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство) граждан, правовая цель несостоятельности (банкротства) граждан, критерии недобросовестного поведения гражданина-должника при банкротстве.

Filippenko V.V.

student, PSU

Supervisor: Syropiatova N.V.

TERMINATION OF OBLIGATIONS AS A LEGAL PURPOSE OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF CONSCIENTIOUS THE DEBTOR- CITIZEN

Annotation: The article deals with the question of the legal goals of insolvency (bankruptcy) of citizens and criteria for unscrupulous behaviour of the citizen-debtor in bankruptcy.

Keywords: the legal purpose of insolvency (bankruptcy) of citizens, the criteria of for unscrupulous behaviour of the citizen-debtor in bankruptcy.

В соответствии с пунктом 1 ст. 407 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ обязательство прекращается полностью или частично по основаниям, предусмотренным данным Кодексом, другими законами, иными правовыми актами или договором.

В соответствии с пунктом 3 ст. 213.28 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»² (далее – закон о банкротстве) после завершения расчетов с кредиторами гражданин, признанный банкротом, освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов, в том числе требований кредиторов, не заявленных при введении реструктуризации долгов гражданина или реализации имущества гражданина.

С 01.10.2015 в закон о несостоятельности (банкротстве) от 26.10.2002 N 127-ФЗ были внесены изменения, которые предоставили возможность признавать граждан – физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, банкротами. Обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании гражданина банкротом имеет право сам гражданин-должник, конкурсный кредитор и уполномоченный орган.

В основном в научной литературе встречается точка зрения, что главной целью нового института является освобождение должника от долгов.³ Однако существуют и другие точки зрения. Так, по мнению А. Кочетова (арбитражного управляющего), одной из основных целей банкротства как юридических, так и физических лиц является удовлетворение большего количества требований кредиторов.⁴

П.В. Хлюстов (адвокат) считает, что цель банкротства граждан – дать возможность начать жить с чистого листа. Лучше всего эту идею можно охарактеризовать лозунгом: «В новую жизнь без старых долгов». Целебный эффект банкротства заключается в том, что добросовестный должник признается освобожденным от долгов и при этом у него остается часть имущества, необходимого для продолжения нормальной жизни.⁵

Политики много говорили про социальную функцию законодательства о банкротстве граждан — оно должно было дать возможность вернуться к нормальной жизни, если человек просто не рассчитал своих сил или сделал неверный прогноз.

После завершения расчетов с кредиторами гражданин, признанный банкротом, освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов, за исключением случаев, установленных законом о банкротстве. Очевидно, что процедуры банкротства для должника-гражданина имеют цель освободиться от долгов в случае признания его банкротом. Однако уже имеется судебная практика, когда суд не освобождал должника от долгов, признавая его банкротом.

В прессе широко обсуждался вопрос об отказе суда списать долги после завершения процедуры реализации имущества должника. Речь шла о деле В.А Ов-

Овсянникова, который являлся заемщиком по кредитным договорам сразу в нескольких банках с задолженностью более 600 тыс. рублей. При этом ежемесячный совокупный платеж по кредитам превышал 23 тыс. руб. при среднем заработке должника в районе 21 тыс. рублей. В конце концов, В.А. Овсянников, как указано в определении суда, прекратил исполнять обязательства перед кредиторами. Это и послужило одним из ключевых факторов при признании судом поведения В.А. Овсянникова недобросовестным: человек «набирает» кредиты, а потом перестает по ним платить.

В мотивировочной части решения суд в основном акцентировал внимание на соотношении совокупного платежа по кредитам и среднего заработка должника. По мнению суда, В.А. Овсянников должен был понимать невозможность исполнить добросовестно свои обязательства, а, значит, действовал в ущерб интересам кредиторов (решение АС Новосибирской области от 22.12.2015, Определение АС Новосибирской области от 24.03.2016 по делу N А45-24580/2015).⁶

Таким образом, суд впервые отказался списать долги гражданину-банкроту из-за его недобросовестности. Многие практики считают это опасным прецедентом. Такая мотивировка суда делает его позицию уязвимой. Возникает вопрос о том, какие именно критерии можно выделить для определения недобросовестности поведения должника и какие доказательства являются убедительными. Имеет ли при этом значение поведение кредиторов, которые один за другим выдавали кредиты, должны были понимать, кому они дают в долг и может ли заемщик вернуть кредиты. Действовали ли они добросовестно и можно ли только по соотношению доход/платеж делать вывод о мотивах поступка должника? Не стоит забывать, что кредитные организации, выдавшие кредиты должнику, являются профессиональными участниками имущественного оборота, что подразумевает их осознание имущественных рисков, возможности невозврата займа. Такие субъекты должны принимать все необходимые меры для оценки кредитных рисков. Более того, банки обладают возможностью обмениваться между собой кредитными историями своих клиентов посредством такого ресурса как бюро кредитных историй. Отсюда следует вывод, что судам надлежит в ходе рассмотрения дел о банкротстве оценивать на предмет добросовестности не только поведение должника, но и кредиторов и учитывать это при принятии решения о списании или об отказе в списании долгов с должника.

В России на протяжении всей истории развития института несостоятельности последствия признания гражданина банкротом зависели от вины должника. Например, Устав о банкротях 1800 года выделял три вида несостоятельности: 1) несчастная несостоятельность (когда отсутствует вина должника). Её особенность заключалась в том, что все требования к должнику аннулировались, и он освобождался от наложения на него взыскания; 2) при неосторожной несостоятель-

ности должник не освобождался от ответственности и мог быть признан банкротом по решению суда либо по требованию кредиторов; 3) злостная несостоятельность влекла те же последствия, что и неосторожная.⁷

Если проанализировать решения и определения суда по делу В.А. Овсянникова, то можно понять позицию суда и причину такого неожиданного решения: для обеспечения стабильности имущественного оборота обязательно нужно соблюдать интересы не только должников, но кредиторов.

Суд, отказывая в списании долгов, сослался на ч.4 ст. 213.28 закона о банкротства, которая предусматривает случаи, когда освобождение гражданина от обязательств не допускается и в данном случае нас интересует абзац 3:

доказано, что при возникновении или исполнении обязательства, на котором конкурсный кредитор или уполномоченный орган основывал свое требование в деле о банкротстве гражданина, гражданин действовал незаконно, в том числе совершил мошенничество, злостно уклонился от погашения кредиторской задолженности, уклонился от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица, предоставил кредитору заведомо ложные сведения при получении кредита, скрыл или умышленно уничтожил имущество.

Так же суд сослался на ст.1 и ст.10 ГК РФ, которые закрепляют положения о том, что участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно.

Следовательно, по мнению суда, В.А. Овсянников при возникновении обязательств действовал незаконно, нарушая статьи 1 и 10 ГК РФ, и это нарушение выразилось в его недобросовестном поведении.

В другом деле, завершая процедуру банкротства, суд также отказал гражданину-должнику в освобождении от исполнения обязательств. Сопоставив размер ежемесячного дохода гражданина-должника и размер его кредитных обязательств, а также учитывая, что в ходе процедуры банкротства имущества у гражданина не обнаружено, суд пришел к выводу о том, что при обращении с заявлением о самобанкротстве должник преследовал цель освобождения его от долгов. Позиция суда мотивирована выводом о том, что гражданин принял на себя заведомо неисполнимые обязательства, что явно свидетельствует о его недобросовестном поведении в ущерб кредиторам.

При этом суд отметил, что освобождение должника от исполнения обязательств не является правовой целью банкротства гражданина, напротив, данный способ прекращения исполнения обязательств должен применяться в исключительных случаях. Иное толкование противоречит основным началам гражданского законодательства.

Вывод суда вполне обоснован. На мой взгляд, целью института банкротства в широком смысле является обеспечение стабильности и развития экономики

страны. Поскольку в нашей стране рыночная экономика, то такая стабильность зависит от финансового положения хозяйствующих субъектов, поэтому при процедурах банкротства необходимо соблюдать интересы кредиторов, то есть освобождение должника от исполнения обязательств не должно являться правовой целью банкротства гражданина, должен соблюдаться баланс интересов должников и кредиторов. В противном случае мы рискуем ослабить финансовое положение хозяйствующих субъектов, освобождая от долгов всех подряд, а, следовательно, ослабнет и состояние экономики страны.

Проблема в том, что в законе о банкротстве не закреплена цель данного института, следовательно, суды могут по-своему ее определять. В результате в разных регионах может сформироваться разная практика освобождения гражданина от долгов.

Не менее важным является вопрос об установлении на законодательном уровне более чётких признаков (критериев) недобросовестного поведения должника.

Отметим, что опасения, связанные с тем, что недобросовестные лица попытаются использовать институт банкротства в собственных корыстных и неблагоприятных целях, оказались отчасти оправданными.

Так, гражданин был осуждён приговором суда за совершение преступления к наказанию в виде штрафа в размере 4965000 рублей. В дальнейшем он обратился в арбитражный суд с заявлением о своём банкротстве, с мотивировкой, что у него долг перед государством в размере 4965000 рублей.

Арбитражный суд установив, что основанием задолженности является неисполненная обязанность по уплате штрафа, установленного приговором суда, пришел к выводу о том, что целью заявителя является попытка посредством применения законодательства о банкротстве освободить себя от уголовного наказания в обход положений уголовного законодательства. С учетом того, что задолженность заявителя по иным обязательным платежам отсутствовала, производство по делу было прекращено.⁸

Не менее интересным является дело, в котором суд отказал в списании долгов с должника в связи с тем, что у него уже на момент подачи заявления о самобанкротстве отсутствовало имущество, за счет которого могут быть покрыты расходы по делу о банкротстве и тем более погашена задолженность по денежным обязательствам перед кредиторами, а гражданин просто решил «по-лёгкому» избавиться от долгов, что свидетельствует о его недобросовестном поведении. Суд указал, что закон о банкротстве не имеет своей целью списание долга в судебном порядке, подтверждается, по его мнению, правилом, согласно которому признанный банкротом гражданин освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов только после завершения расчетов с ними за счет проданного

имущества (п. 3 ст. 213.28 закона о банкротстве). Только Верховный суд РФ рассмотрел данное дело, пришел к выводу: отсутствие у должника подлежащего реализации имущества не может само по себе быть основанием для отказа в признании его банкротом. Он подчеркнул, что факт подачи таким гражданином заявления о собственном банкротстве нельзя признать безусловным свидетельством его недобросовестности.⁹

То есть возникает следующая ситуация: законом о банкротстве не предусмотрена общая правовая цель банкротства граждан. Единого мнения в литературе по поводу данного вопроса не наблюдается, кто-то встаёт на сторону кредиторов и называет основной целью банкротства граждан максимальное удовлетворение требования кредиторов, а кто-то встаёт на сторону должника, утверждая, что главная цель это освобождение от долгов.

В целях пресечения злоупотреблений должниками своим правом суды пытаются ответить на вопрос, что же является целью банкротства граждан.

Кроме того, как уже было отмечено, суды, отказывая в списании долгов, ссылаются на недобросовестное поведение должника, но в законе нет чётких критериев, указывающих, когда поведение лица пересекает грань добросовестности. В связи с этим те обстоятельства, на которые ссылаются суды, характеризуя поведение должника, как недобросовестное, могут вызывать споры и дискуссии.

Для ликвидации этих проблем необходимо внести изменения в закон о банкротстве или подготовить разъяснения Пленума Верховного суда РФ на предмет более подробных признаков (критериев) недобросовестного поведения при банкротстве, а также более подробных примеров такого поведения, обобщения судебной практики, чтобы более точно указать правоприменителям на суть такого поведения в данной области и избежать в дальнейшем разных трактовок целей банкротства граждан со стороны арбитражных судов.

Представляется необходимым оценивать поведение должника на предмет добросовестности не только по соотношению размера дохода и совокупного долгового платежа, но и нужно учитывать цель, с которой брался заём, материальное положение должника на момент возникновения обязательств и на момент подачи заявления о самобанкротстве, чтобы установить причины ухудшения материального положения гражданина, а также, как уже говорилось выше, оценивать поведение кредиторов на предмет добросовестности.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // СПС «Консультант Плюс».
2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
3. Пластинина Н. Процедура признания гражданина банкротом: примеры из практики // Банковское обозрение. Приложение «БанкНадзор». 2016. N 1. С. 31 - 36.
4. Кочетов А. Оспаривание сделок в банкротных процессах // ЭЖ-Юрист. 2016. N 47. С. 13.

5. Хлюстов П. Банкротный туризм - угроза российским кредиторам? По мотивам «путешествия» Владимира Кехмана // ЭЖ-Юрист. 2016. N 16. С. 7.
6. Слесарев С. Бунт на банкротном корабле... // Административное право. 2016. N 2. С. 27 - 32.
7. Шершеневич Г. Ф. Конкурсный процесс. М.: Статут, 2000. С. 77.
8. Железняк А. Банкротство гражданина. Истинные цели и первый опыт правоприменения // ЭЖ-Юрист. 2016. N 22. С. 5.
9. Определение Верховного Суда РФ от 23.01.2017 N 304-ЭС16-14541 по делу N А70-14095/2015 // СПС «Консультант Плюс».

Фролович Э.М.
старший преподаватель, ПГНИУ

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НОТАРИУСОВ

Аннотация: в статье рассмотрен один из эффективных способов контроля за деятельностью нотариусов – судебный контроль. Он осуществляется в порядке особого производства судами общей юрисдикции. Автор анализирует действующее законодательство и практику применения норм, регулирующих рассматриваемый вопрос

Ключевые слова: судебный контроль за деятельностью нотариусов, особое производство в судах общей юрисдикции, рассмотрение заявлений о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении

Frolovich E.M.
Senior lecturer, PSU

JUDICIAL CONTROL OF NOTARY ACTIVITIES

Annotation: The article considers one of the effective ways to control the activity of notaries - judicial control. It is carried out in special proceedings by the courts of general jurisdiction. The author analyzes the current legislation and practice of applying the norms governing the issue under consideration

Keywords: judicial control over the activity of notaries, special proceedings in courts of general jurisdiction, consideration of applications for completed notarial actions or refusal to commit them

Одним из эффективных способов контроля за деятельностью нотариусов является судебный контроль, осуществляемый в порядке особого производства судами общей юрисдикции (Гл. 37 ГПК «Рассмотрение заявлений о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении»). Как отмечает Г.Г. Черемных судебный контроль за деятельностью нотариусов особых вопросов не вызывает, поскольку детально регламентирован действующим законодательством¹. Отнесение данной категории дел к особому производству объясняется тем, что доктрина гражданского процесса особое производство рассматривает не только

в качестве бесспорного производства, но также и производства обеспечивающего контроль за деятельностью отдельных органов бесспорной гражданской юрисдикции (органов ЗАГС и нотариата).

Дело возбуждается на основании заявления заинтересованного лица, считающее неправильными совершенное нотариальное действие или отказ в совершении нотариального действия. Согласно ч.1 ст. 263 ГПК РФ дела особого производства рассматриваются и разрешаются судом по общим правилам искового производства, тем самым заинтересованное лицо обязано составить заявление об оспаривании нотариального действия либо отказа в его совершении.

К заинтересованным лицам, имеющим право на предъявление заявления можно отнести:

- лиц, участвующие в нотариальном производстве (например, стороны договора пожизненного содержания с иждивением, либо завещатель).

- лица, права которых затрагиваются совершенным нотариальным действием. В отличие от лиц, участвующих в нотариальном производстве указанные субъекты непосредственно в совершении нотариального действия не участвуют, однако совершенное нотариальное действие затрагивает их права и законные интересы (например, участники ООО при реализации доли в ООО).

М.А. Швачкина отмечает терминологическую неточность производства по делам об оспаривании совершенных нотариальных действий. По мнению автора, выявлены, что ошибки применения в судебной практике норм законодательства, определяющих состав лиц, обусловлены прежде всего тем, что во-первых, имеются особенности процессуального порядка рассмотрения неисковых категорий гражданских дел и, во-вторых, тем, что специальная норма о составе лиц, участвующих в делах по заявлениям на действия нотариусов (ст.311 ГПК РФ) не соответствует общей норме о составе лиц, участвующих в делах особого производства (ст.263 ГПК РФ), в-третьих, нет единообразного подхода к понятийному определению круга лиц, участвующих в делах о проверке в порядке особого производства законности действий нотариуса или его отказа в совершении нотариального действия: ст.49 Основ законодательства о нотариате, в которой содержится указание на то, что с заявлением в суд может обратиться любое заинтересованное лицо, приходит в не соответствие с ч.1 ст. 310 ГПК РФ, где под заинтересованными лицами следует понимать только тех, кто непосредственно участвовал в совершении нотариального действия. При этом содержится некорректная формулировка «заявители и другие заинтересованные лица», что не позволяет разграничить процессуальный статус лиц, участвующих в деле, и создает впечатление о принадлежности заявителя к заинтересованным лицам².

Круг нотариальных действий, которые могут быть признаны неправильными либо в совершении которых может быть отказано определяется в Основах законодательства РФ о нотариате.

По правилам родовой подсудности заявление подается в районный (городской) суд. Территориальная подсудность определена по месту нахождения нотариуса или по месту нахождения должностного лица, уполномоченного на совершение нотариальных действий (за исключением сотрудников консульских учреждений, деятельность которых не подпадает под территориальную подсудность российских судов).

Так, например, согласно письму Федеральной нотариальной палаты от 10 ноября 2016 г. № И217/06-12 «Об ответах на отдельные вопросы, касающиеся совершения исполнительной надписи о взыскании задолженности» в силу статей 33, 49 Основ заинтересованное лицо, считающее неправильным совершенное нотариальное действие, в частности, совершенную нотариусом исполнительную надпись, вправе подать об этом жалобу в районный суд по месту нахождения нотариальной конторы нотариуса, которая рассматривается в порядке особого производства в соответствии с гражданским процессуальным законодательством³.

Интересной представляется практика оспаривания нотариальных актов в Республике Беларусь. Ст. 72 Закона о нотариате Республики Беларусь предусматривает возможность оспаривания нотариальных актов либо отказов в их совершении в зависимости от разграничения компетенции между судами, рассматривающими гражданские дела, и экономическими судами, в порядке, предусмотренном Гражданским процессуальным кодексом РБ (ст. 355) и Хозяйственным процессуальным кодексом РБ (ст.44)⁴.

Заявления о неправильном удостоверении завещаний и доверенностей или об отказе в их удостоверении должностными лицами, указанными в федеральных законах, подаются в суд по месту нахождения соответственно госпиталя, больницы, санатория, другого стационарного лечебного учреждения; учреждения социального обслуживания, в том числе дома для престарелых и инвалидов, учреждения социальной защиты населения; экспедиции, воинских части, соединения, учреждения и военной профессиональной образовательной организации, военной образовательной организации высшего образования, места лишения свободы.

Заявление о неправильном удостоверении завещания или об отказе в его удостоверении капитаном морского судна, судна смешанного плавания или судна внутреннего плавания, плавающих под Государственным флагом Российской Федерации, подается в суд по месту порта приписки судна.

Важной отличительной особенностью судебного контроля является наличие пресекательных сроков на обращения в суд, в частности, заявление подается в суд в течение десяти дней со дня, когда заявителю стало известно о совершенном нотариальном действии или об отказе в совершении нотариального действия. Со-

ответственно этому на лицо, предъявляющее заявление в суд требуется дополнительно доказать факт предъявления заявления в обозначенный десятидневный срок.

В случае предъявления заявления о совершенном нотариальном действии, соблюдение десятидневного срока можно установить из содержания нотариального акта. Совершение нотариального действия, не предполагает вынесение специального документа, подтверждающего легитимность совершения нотариального действия. Вместе с тем, совершение нотариального действия закрепляется внесением записи в реестр регистрации нотариального действия. Помимо внесения записи в реестр, совершение нотариального действия в зависимости от вида совершенного нотариального действия, как правило, подтверждается: (1) проставлением удостоверительной надписи нотариуса либо (2) выдачей свидетельства.

Большую трудность на практике представляет обоснование соблюдения десятидневного срока при отказе в совершении нотариального действия. Это связано с тем, что лишь по просьбе лица, которому отказано в совершении нотариального действия, нотариус должен изложить причины отказа в письменной форме и разъяснить порядок его обжалования. В этих случаях нотариус не позднее чем в десятидневный срок со дня обращения за совершением нотариального действия выносит постановление об отказе в совершении нотариального действия. Просьба заинтересованного лица должна быть облечена в письменную форму с последующей регистрацией в журнале входящей корреспонденции нотариуса. Десятидневный срок на обжалование отказа в совершении нотариального действия следует исчислять со следующего дня с момента истечения десятидневного срока установленного для изготовления Постановления в отказе в совершении нотариального действия.

Судебный контроль представляет собой полноценную судебную процедуру, в рамках которой нотариальное действие будучи объектом контроля проходит все этапы развития процессуальных отношений. Нотариальное действие, как и отказ в совершении нотариального действия в данном случае является юридическим фактом, основанием для возбуждения производства по проверке исключительно нотариального действия. При этом оценка правомерности действия (бездействия) нотариуса производится судом с учетом всех фактических обстоятельств дела.

Литература

1. См.: Черемных Г.Г. Организация контроля деятельности нотариуса должна быть изменена кардинально // Российская юстиция. – 2009. – №2. – С. 17 (С. 17-20).
2. См.: Швачкина М.А. Судебное рассмотрение дел по заявлениям на нотариальные действия и отказ в их совершении: автореф... дисс. доктр. рид. наук – М., 2013. – С. 11 (26 с.).
3. Так, например, Биробиджанский районный суд Еврейской автономной области своим Решением от 20 августа 2013 г. по гражданскому делу № 2-2018/2013 об оспаривании отказа нотариуса в совершении нотариального действия установил, что между сторонами заключен и нотариально удостоверен договор займа. Пунктом 6 приведенного договора займа предусмотрено, что в случае если долг не

будет уплачен в установленный договором срок, взыскание с заемщика долга в пользу заимодавца производится в бесспорном порядке по исполнительной надписи нотариуса. С целью реализации установленной за должником обязанности возврата долга, процентов и штрафных санкций, а также своего права на получение указанных в договоре сумм, заявитель обратился к нотариусу Биробиджанского городского нотариального округа с письменным заявлением, зарегистрированным в реестре за №, о совершении исполнительной надписи о взыскании денежных средств на вышеуказанном договоре займа. Однако, нотариус в удостоверение данного договора отказал. Суд проанализировав все имеющиеся материалы дела, пришел к выводу, что требование заявителя о совершении исполнительной надписи о взыскании денежных средств на договоре основано на нормах действующего законодательства // РосПравосудие [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-birobidzhanskij-rajonnyj-sud-evrejskoj-avtonomnoj-oblasti-evrejskaya-avtonomnaya-oblast-s/act-435030533/> Режим доступа: свободный. Проверено: 01.05.2017 г.

4. Правовые основы нотариальной деятельности: зарубежный опыт / Под ред. Е.А. Борисовой – М.: Городец, 2017. – С. 76 (288 с.)

Хапова Е.А.

студент, НИУ ВШЭ (Пермь)

Научный руководитель: Любимова Е.В.

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в статье рассматриваются две формы участия прокурора в арбитражном процессе. Выявляются пробелы законодательной регламентации форм участия. Сформулирован вывод о целесообразности участия прокурора в арбитражном процессе.

Ключевые слова: прокурор, арбитражный процесс, заключение прокурора.

Khapova E.A.

student, HSE (Perm)

Supervisor: Lyubimova E.V.

TO THE ISSUE ABOUT FORMS OF PUBLIC PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN THE ARBITRAL PROCEDURE

Annotation: the article tells about two forms of prosecutor's participation in arbitral procedure. There is a focus on gaps in legislation about participation of prosecutor. Authors conclude the necessity and expediency of public prosecutor's participation in the arbitral procedure.

Keywords: prosecutor, arbitral procedure, opinion of prosecutor, forms of participation.

Исторически сложилось так, что органы прокуратуры играют важную роль в функционировании государства. На сегодняшний момент прокуратура выступает как один из органов, осуществляющих правозащитную функцию государства.

В соответствии со ст. 1 ФЗ «О прокуратуре» прокуратура представляет собой единую федеральную централизованную систему органов¹. Главной задачей прокуратуры является надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов. Кроме того, федеральный закон предоставляет прокурору возможность участвовать в рассмотрении дел судами и арбитражными судами.

Необходимость существования института участия прокурора в арбитражном процессе объясняется потребностью в защите публичных интересов.

Для более эффективного осуществления прокурорами своих функций по участию в арбитражном процессе Генеральной прокуратурой был издан приказ № 223, в соответствии с которым участие прокурора в арбитражном процессе является действенным средством укрепления законности и предупреждения правонарушений в экономической сфере, а также защиты государственных и общественных интересов².

С принятием в 2002 году Арбитражного процессуального кодекса статус прокурора в арбитражном процессе претерпел существенные изменения. АПК РФ предусматривает две формы участия прокурора в арбитражном процессе. Первая форма – обращение в арбитражный суд с иском с заявлением.

Сравнивая АПК 1995 г. и АПК 2002 г., стоит отметить, что законодатель существенно ограничил право прокурора предъявлять иски. Так, п. 1 ст. 52 АПК РФ содержит исчерпывающий перечень случаев, когда прокурор может обратиться с иском в арбитражный суд³:

- с заявлением об оспаривании нормативных правовых актов, ненормативных правовых актов органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, затрагивающих права и законные интересы организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

- с иском о признании недействительными сделок, совершенными органами государственной власти РФ, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными унитарными предприятиями, государственными учреждениями, а также юридическими лицами, в уставном капитале которых есть доля участия РФ, субъектов РФ, муниципальных образований;

- с иском о применении последствий недействительности ничтожной сделки, совершенной органами государственной власти РФ, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными унитарными предприятиями, государственными учреждениями, а также юридическими лицами, в уставном капитале которых есть доля участия РФ, субъектов РФ, муниципальных образований;

- с иском об истребовании государственного и муниципального имущества из чужого незаконного владения.

В АПК РФ законодатель указывает конкретные случаи, в которых прокурор имеет право обратиться в арбитражный суд с заявлением, в то время как в ГПК РФ указываются лица, в защиту которых выступает прокурор.

Стоит также отметить, что прокурор, выступая с иском в суд, несет процессуальные права и процессуальные обязанности истца. Прокурор не имеет материальной заинтересованности в разрешении дела. Он является самостоятельной фигурой и имеет особый интерес – защита публично-правовых интересов.

В АПК РФ существует большое количество коллизий, связанных с участием в арбитражном процессе прокурора. В частности, ст. 1253 ГК РФ предусматривает право прокурора обратиться с требованием о ликвидации юридического лица, в случае если оно нарушило исключительные права⁴. Однако, перечень случаев, предусмотренный п. 1 ст. 52 АПК РФ не содержит такого права прокурора, следовательно, у судов на практике возникает трудность при определении надлежащего характера процессуального истца.

Также необходимо отметить, что в соответствии с ч. 2 ст. 198 АПК РФ прокурор может обратиться с заявлением о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений, действий (бездействия) органов и должностных лиц. Однако этот случай не входит в исчерпывающий перечень, содержащийся в ст. 52 АПК РФ.

В 2012 году Пленум ВАС РФ опубликовал постановление № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе», в котором дал разъяснения по поводу описанных выше противоречий. Так, в соответствии с п. 1 арбитражным судам следует учитывать, что прокурор вправе обратиться с требованием о ликвидации юридического лица вследствие неоднократного или грубого нарушения этим юридическим лицом исключительных прав⁵.

В п. 3 постановления также содержится разъяснение по поводу ст. 198 АПК РФ. Так, прокурор вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным ненормативного правового акта, если полагает, что оспариваемый акт не соответствует закону или иному нормативному правовому акту и нарушает права и законные интересы неопределенного круга лиц или иные публичные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности⁶.

Однако, ВАС делает акцент на том, что если суд установит, что прокурор обратился с заявлением в защиту интересов конкретного лица, то суд должен прекратить производство по делу.

Вторая форма участия прокурора предусмотрена п. 5 ст. 52 АПК РФ. В соответствии с этим пунктом прокурор может вступить в дело на любой стадии арбитражного процесса в целях обеспечения законности. Подразумевается, что прокурор, в таких случаях, вступает в дела, инициированные другими лицами.

Стоит отметить, что в отличие от ГПК РФ, который закрепляет возможность прокурора вступить в процесс в относительно широком круге дел (размытость границ данного круга в литературе обоснованно критикуется⁷), АПК РФ предоставляет прокурору право вступать только в те категории дел, которые закреплены в п. 1 ст. 52.

Прокурор вступает в процесс как лицо, участвующее в деле, и соответственно, имеет общие процессуальные права и обязанности, закрепленные в ст. 41 АПК РФ.

В АПК РФ прямо не указано, что прокурор вступает в процесс для дачи заключения по делу. Закреплено лишь, что он вступает в процесс для обеспечения законности. Закономерно возникает вопрос: что делает прокурор в арбитражном процессе для обеспечения законности? Законодательно не закреплено, что он должен давать устное либо письменное заключение. Соответственно, вступая в арбитражный процесс, прокурор может действовать по своему усмотрению – давать либо не давать заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что, вступая в уже начатый процесс, прокурор обеспечивает законность только своим присутствием и авторитетом.

В юридической литературе проводится аналогия с ГПК РФ и, говоря об обеспечении законности, подразумевается дача прокурором заключения по делу⁸. Однако, если сравнить состав лиц, участвующих в гражданском и арбитражном процессе, то встает вопрос о необходимости и целесообразности вступления в дело, как формы участия прокурора. В соответствии с п. 3 ст. 45 ГПК РФ прокурор дает заключение по делам о выселении, о восстановлении, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью и др⁹. Во всех этих делах есть слабая сторона, которая требует защиты. Соответственно, в гражданский процесс прокурор вступает для защиты слабой стороны, соблюдая тем самым принцип равенства всех перед судом и принцип состязательности. В то время как в арбитражном процессе слабой стороны нет, и вступление прокурора в дело может привести к нарушению принципа состязательности.

Вопрос о необходимости и целесообразности участия прокурора в арбитражном процессе поднимался в юридической науке, однако до сих пор не решен. Недостаточная правовая регламентация процессуальной формы участия прокурора при вступлении в дело для обеспечения законности создает множество проблем на практике и требует должного внимания законодателя.

Литература

5. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 // СПС «Консультант плюс».
6. Об обеспечении участия прокуроров в арбитражном процессе: Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25 мая 2012 г. № 223 // СПС «Консультант плюс».
7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // СПС «Консультант плюс».

8. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 N 230-ФЗ // СПС «Консультант плюс».
9. О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.03.2012 N 15 // СПС «Консультант плюс».
10. О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.03.2012 N 15 // СПС «Консультант плюс».
11. Терехова Л.А. Прокурор в гражданском процессе // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 2 (27). С. 126.
12. Ярков В.В. Арбитражный процесс. Учебник – 4-е изд., перераб. и доп. М.: Инфотропик Медиа. 2010 г.
13. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ // СПС «Консультант плюс».

Челнокова В.С.

студент, НИУ ВШЭ (Пермь)

Научный руководитель: Любимова Е.В.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ В КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в статье проводится сравнительный анализ рассмотрения кассационных жалоб в гражданском и арбитражном процессе. Автор проводит анализ на основе нормативно-правовых документов, доктрины, данных статистики. По итогам проведенного анализа делаются выводы, о том какая из моделей представляется более целесообразной

Ключевые слова: кассационная жалоба, гражданский процесс, арбитражный процесс.

Chelnokova V.S.

student, HSE (Perm)

Supervisor: Lyubimova E.V.

COMPARATIVE ANALYSIS OF CASSATION IN ARBITRAL AND CIVIL PROCEEDINGS

Annotation: In this article the comparative analysis of cassation in arbitral and civil proceedings is carried out. Analysis is based on legal acts, doctrine and statistics. Conclusion about what model is more appropriate is drawn in the end.

Keywords: cassation, civil proceeding, arbitral proceeding.

Кассационная инстанция предусмотрена российским процессуальным законодательством для всех категорий дел. Это является реализацией права на защиту в соответствии со ст. 46 Конституции и международно-правовыми нормами¹. При этом каждая из категорий дел: уголовные, гражданские и арбитражные – обладает своей спецификой, что приводит к отличиям и в порядке рассмотрения споров в кассационной инстанции. Вместе с тем, в Российской Федерации давно ведутся разговоры о возможности объединения арбитражных и общегражданских судов

и, следовательно, создания единого процессуального кодекса. Реализация этой идеи будет означать унификацию гражданского и арбитражного процессов там, где отличия не обусловлены особенностями подведомственных споров. На данный момент, одним из наиболее отличающихся институтов является институт обжалования судебных решений в первой кассационной инстанции. Целью данной статьи является выявление отличий между производством в кассационной инстанции в гражданском и арбитражном процессе. Это позволит понять имеют ли они практическое значение или могут быть приведены к одному формату.

И Гражданский процессуальный кодекс РФ, и Арбитражный процессуальный кодекс РФ устанавливают одинаковый круг лиц, имеющих право на обращение в суд кассационной инстанции: лица, участвующие в деле и иные лица, чьи права и законные интересы были нарушены оспариваемым судебным актом².

Что касается предмета обжалования, в ГПК использована обобщающая формулировка «судебные постановления», которая может привести к путанице, так как это словосочетание используется так же и в качестве названия определенных судебных актов, например, судебного акта кассационной инстанции. С этой точки зрения, формулировка, используемая в АПК РФ представляется более удачной, так как в ст. 273 перечислены акты, которые могут быть обжалованы в кассационной инстанции³. Так же там отдельно указывается на особенности обжалования решений Суда по интеллектуальным правам. С другой стороны, там не указаны иные особые случаи, например, обжалование мировых соглашений, судебных приказов. Особые случаи не указаны так же и в ГПК. На наш взгляд, в норме следует перечислить все возможные случаи обращения в кассационную инстанцию.

Для того чтобы получить возможность подать жалобу в суд кассационной инстанции, в ГПК указывается, что должны быть исчерпаны иные способы обжалования. В п. 3. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 N 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» указывается, что под такими способами следует понимать обжалование судебного акта в апелляционной инстанции⁴. При этом иные способы обжалования признаются исчерпанными, если дело рассмотрено судом апелляционной инстанции по существу и вынесено апелляционное определение. В арбитражном процессе так же необходимым условием является обращение в суд апелляционной инстанции, однако не установлена необходимость обязательного рассмотрения дела по существу. Более того в АПК законодатель указывает, что право на кассационную жалобу появляется даже в том случае, если суд отказал в восстановлении пропущенных сроков. Указанное свидетельствует о том, что критерий исчерпаемости понимается по-разному. На наш взгляд, подход закрепленный в АПК является более правильным, так как обеспечивает более высокую защиту интересов участников спора.

Следующие значимые отличия возникают в порядке и сроках подачи жалобы. В соответствии со ст. 377 ГПК кассационные жалобы, представление подаются непосредственно в суд кассационной инстанции, тогда в арбитражном процессе жалобы подаются в суд первой инстанции. Что касается сроков, то в арбитражном процессе он значительно короче – 2 месяца с вынесения обжалуемого решения против 6 месяцев в гражданском процессе. В действительности срок на кассационное обжалование уменьшается из-за обязанности приложить к жалобе копий состоявшихся по делу судебных актов, которые можно получить только в суде первой инстанции после возвращения дела из апелляции. На практике срок возврата дела в первую инстанцию занимает от двух-трех недель до нескольких месяцев, на которые соответственно сокращается срок обращения в кассационную инстанцию⁵.

Пропуск срока обжалования влечет за собой потерю права на обращение в кассационную инстанцию. Восстановить право можно по ходатайству о восстановлении пропущенного срока, если заявитель докажет уважительность причин пропуска. Регламентация этого процесса так же отличается в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Во-первых, в судах общей юрисдикции ходатайство о восстановлении срока рассматривает судья первой инстанции – судья, заинтересованный в том, чтобы его решение оставили в силе. В арбитражных судах этот вопрос решается судьей кассационной инстанции. Во-вторых, в арбитражном процессе установлены особые сроки для лиц, не участвующих в деле. В целях защиты их прав срок подачи кассационной жалобы для них начинается не с момента, когда обжалуемый акт вступил в законную силу, а с момента, когда лицо узнало о нарушении его права.

Наиболее важными являются различия в процедуре принятия кассационной жалобы к производству. Именно от этого порядка зависит эффективность кассационной инстанции. В арбитражном процессе для того чтобы кассационная жалоба была принята к производству, она должна соответствовать требованиям, предъявляемым к форме и содержанию, указанным в ст. 277 АПК, причем нарушение этой нормы влечет за собой оставление кассационной жалобы без движения, то есть дает шанс апеллянту на защиту права. В гражданском процессе этот путь гораздо дольше и сложнее. Во-первых, в соответствии со ст. 379.1 ГПК, если кассационная жалоба не отвечает требованиям, предъявляемым к форме и содержанию, то ее возвращают без рассмотрения по существу. Во-вторых, они рассматриваются единолично судьей на предмет обоснованности без вызова сторон. После этого принимается решение либо об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, либо о передаче для рассмотрения в судебное заседание. При этом законодатель не устанавливает критериев, по которым суд должен определить возможно дальнейшее рассмотрение жалобы

или нет. Это приводит к тому, что около 95% жалоб получают отказ. Многие ученые юристы, в частности профессор Борисова Е.А., считают, что необходим отказ от предусмотренного ГПК РФ предварительного порядка изучения кассационных жалоб судьей суда кассационной инстанции для обеспечения надлежащей защиты прав участников дела и иных заинтересованных лиц⁶.

В соответствии со ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального права или норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов. Критерии «существенности» не установлены законодательно и не разъяснены судами. Так же ГПК не говорит о пределах рассмотрения дела судом кассационной инстанции: ограничен ли он заявлениями кассатора или нет. Предполагаем, что в данном случае суд должен рассматривать весь спор и не ограничиваться доводами заявителя.

АПК устанавливает более четкие критерии проверки. Согласно ст. 286 АПК суд кассационной инстанции проверяет законность решений, постановлений, принятых арбитражным судом первой и апелляционной инстанций, устанавливая правильность применения норм материального права и норм процессуального права, соответствие выводов нормам права и представленным доказательствам. В п. 1 вышеуказанной статьи установлены так же и пределы рассмотрения жалобы: арбитражный суд проводит проверку исходя из доводов исходя из доводов, содержащихся в кассационной жалобе и возражениях относительно жалобы. В юридической науке существует несколько взглядов на вопрос толкования данного пункта. К примеру, Губин А.М., Фокина М.А. считают, что суд императивно проверяет соответствие выводов о применении права установленным обстоятельствам и собранным доказательствам, независимо от доводов, содержащихся в кассационной жалобе. Представители второй позиции В.В. Ярков, В.Ф. Яковлев считают, что суд кассационной инстанции связан доводами кассационной жалобы⁷. На наш взгляд, вторая позиция представляется более верной.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что производство в первой кассационной инстанции в арбитражных судах и судах общей юрисдикции отличается в сроках, порядке подачи жалобы, порядке ее принятия и рассмотрения. Вместе с тем, следует признать, что процедура, закрепленная в ГПК, необоснованно усложнена. Данное обстоятельство позволяет ученым утверждать, что в настоящее время в кассационном производстве в гражданском процессе **правильнее говорить не о праве обжалования, а о праве на обращение в суд**, поскольку подача кассационных или надзорных жалобы, пред-

ставления не влечет автоматического рассмотрения дела. Порядок, закрепленный в АПК, гораздо более логичен и позволяет повысить качество правосудия. О том, что модель, представленная в АПК, лучше говорит и статистика. Согласно данным судебного департамента при Верховном суде РФ, за 2016 г. процент кассационных жалоб, рассмотренных судами общей юрисдикции, составляет 4,12 % от всех поданных жалоб. В арбитражных судах, он достигает 84,14 %.⁸ Все это свидетельствует о том, что при унификации гражданского и арбитражного процесса необходимо брать за основу нормы АПК.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 19.12.2016).
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 19.12.2016).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 N 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»// СПС «КонсультантПлюс».
5. Моисеев, С.В. Отдельные направления совершенствования кассационного производства в гражданском процессе / С.В. Моисеев.// Вестник гражданского процесс. 2016. № 2.
6. Борисова Е.А. Апелляция, кассация, надзор в Концепции единого ГПК РФ/Е.А. Борисова // «Арбитражный и гражданский процесс», 2015, N 5.
7. Опалев Р.О. Полномочия арбитражных судов кассационной инстанции по проверке обоснованности судебных актов / Р.О. Опалев // Арбитражный и гражданский процесс, 2014, N 10.
8. Официальный сайт судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации // [Электронный ресурс] URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5>.

Чикулаев Р.В.

к.э.н., к.ю.н., доцент кафедры, ПГНИУ

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ ДЕПОЗИТАРИЙ КАК СУБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЙ И ПРИМЕР ЭЛЕМЕНТА НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБОРОТА ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Аннотация: в статье отражен оригинальный авторский подход к важной проблеме российского предпринимательского права: определению субъектного состава оборота финансовых инструментов. Озвучивается концепция Национальной системы оборота финансовых инструментов, а юридический статус Специализированного депозитария раскрывается в качестве примера субъекта как части системы.

Ключевые слова: специализированный депозитарий, депозитарная деятельность, ценные бумаги, финансовые инструменты, юридический статус.

Chikulaev R.V.

PhD in econ., PhD in Law, Associate professor, PSU

SPECIAL DEPOSITORY AS THE SUBJECT OF LEGAL RELATIONS AND AN EXAMPLE OF AN ELEMENT OF THE NATIONAL SYSTEM OF FINANCIAL INSTRUMENTS TURNOVER

Annotation: The article presents the author's original approach to an important problem of the Russian business law: the definition of the subject composition of the financial instruments turnover. Voiced the concept of the National system of financial instruments turnover and the legal status of a Special Depository is disclosed as an example of a subject as part of the system.

Keywords: Special Depository, Depository activity, securities, financial instruments, legal status.

Суммируя крайне объемный «багаж» нормативных актов, правопримени- тельной практики (которую предлагается подразделять на: судебную, администра- тивную и хозяйственно-корпоративную), а также научных изысканий, можно прийти к выводу, что к 2017 году в России в целом сформировалась национальная правовая модель регулирования финансовых рынков. Что же касается оценки та- кой модели, то она неоднозначна. Наблюдаются как положительные стороны, в т.ч. урегулированность подавляющего числа базовых отношений, так и отрица- тельные характеристики: фрагментарность, бессистемность, хаотичность, недоста- точная экономическая эффективность, внутрикорпоративная ориентированность и ряд др. Одним из основных проблемобразующих факторов служит неопреде- ленность по вопросу о центральном предмете регулирования. А именно, высту- пают ли в этом качестве «рынок ценных бумаг» (сообразно названию важнейшего закона), «финансовые рынки» (упоминаемые во множестве других нормативных актов), специфические отношения (что соответствует классическим теоретико- правовым подходам), социально-экономические процессы, в т.ч. инвестиционные (что несколько более точно отражает реальные потребности с позиций эконо- мизма) или что-то иное.

Авторская позиция последовательно базируется на гипотезе о том, что цен- тральным предметом регулирования выступает особое явление преимущественно экономического характера, определяемое как «оборот финансовых инструмен- тов» (включает также и ценные бумаги). Несмотря на традиционно обусловленный объективный принцип дефиниции (определение через то, на что направлено воз- действие), важнейшую часть в системе правоотношений занимает субъектный со- став. В многочисленных авторских работах последовательно уже были раскрыты существенные стороны основных субъектов правоотношений в сфере оборота финансовых инструментов, что служит средством формирования соответствующей системно-правовой модели. Будучи снабженной адекватной платформой ме- ханизма правового регулирования, упомянутая модель в комплексном единстве с методико-правовым инструментарием обеспечит решение сверхзадачи: разра- ботку и реализацию правовой политики Национальной системы оборота финан- совых инструментов.

Опираясь на методологические принципы научной философии и следуя пу- тем нисхождения от общего к частному, приведем пример субъекта как элемента

вышеупомянутой системы. Таким субъектом в рамках настоящей статьи послужит Специализированный депозитарий. Как следует из имени субъекта, которое всегда имеет немаловажное значение в смысле определения его юридической и фактической судьбы, – субъект имеет отношение к учетной функциональной подсистеме оборота финансовых инструментов. Частично соглашаясь с устойчивыми теоретическими воззрениями многих авторов, действующую учетную подсистему (в нормативных актах не вполне точно называемую «учетной системой рынка ценных бумаг») можно признать двухуровневой. При таком традиционном подходе выделяется соответственно уровень учета прав владельцев именных ценных бумаг, осуществляемый регистраторами, и уровень «хранительского» учета второго порядка, реализуемый через институт номинального держания, выполняемый депозитариями. Подобный подход привлекает простотой, но страдает упрощенностью. Как нетрудно заметить, «учетная система рынка ценных бумаг» представляется а) состоящей только из профессиональных участников рынка ценных бумаг (ПУРЦБ), б) направленной на отношения только с эмиссионными ценными бумагами, в) выстроена по иерархическому принципу. Все три признака не являются абсолютными. Так из норм Главы 7 ГК РФ, строго говоря, не следует, что юридическая функция учета владельцев ценных бумаг (финансовых инструментов) принадлежит лишь ПУРЦБ, да и остается неустранимым явно непоследовательный подход: ГК РФ говорит об учете «прав по ценным бумагам», в то время как реальным содержанием функции является собственно реестровый учет субъектов-владельцев, а права, обеспечиваемые финансовыми инструментами, ни в каком реестре не фиксируются вообще.

Кроме того, предусмотренная ст. 149 ГК РФ функция учета прав на бездокументарные ценные бумаги, не только не охватывает учета прав на прочие финансовые инструменты, но и строго формально не относится к тому комплексу правовых норм, которые предусмотрены Федеральным законом «О рынке ценных бумаг» для ценных бумаг, выделенных по иному классификационному основанию – эмиссионных. Объективно, что функция учета должна охватывать не только ценные бумаги, но и иные финансовые инструменты, коль скоро благодаря статье 2 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» эти понятия состоят в родовидовых отношениях. С учетом статьи 44 Федерального закона «Об акционерных обществах» из системы учета был упущен такой учетный субъект как эмитент. В свою очередь, депозитарий как бифункциональный субъект, одновременно реализующий функции хранения и учета, в некоторых случаях исполняет учетную функцию как первичную и недублируемую регистратором. Заслуживает внимания и требует развития идея симплификации (методологически обоснованного упрощения) учетной подсистемы в направлении учреждения единого учетного субъекта, на роль которого более всего подходит исполнитель депозитарного типа.

Само понятие депозитария имеет сложную историко-юридическую судьбу. Так Д.Е. Кошель, в целом характеризуя депозитарную деятельность, говорит о ее специфике, рассматривает в качестве отдельного института в составе учетной системы ценных бумаг. В дальнейшем этот же автор выделяет шесть видов депозитариев, пять из которых являются специализированными (это депозитарии негосударственных пенсионных фондов, ипотечного покрытия, накопительной системы жилищного обеспечения, акционерных и паевых инвестиционных фондов, Пенсионного фонда РФ) и лишь один – депозитарием российских депозитарных расписок¹. Депозитарии представляют собой один из важнейших элементов не только так называемой «учетной системы», но и финансово-рыночной системы в целом. В то же время понятие депозитария с начала 1990х гг. использовалось во множестве нормативных актов, постепенно теряя свою юридическую определенность, и последствия этого наблюдаются до сих пор. Примером может служить проблема Центрального депозитария². С нормативных позиций можно выделить следующие группы субъектов, использующих понятие «депозитарий» в качестве определяющего: 1) собственно Депозитарий как профессиональный участник рынка ценных бумаг, 2) Центральный депозитарий, 3) Специализированный депозитарий, 4) Расчетный депозитарий. Наблюдаются такие не вполне позитивные явления как: нормативное и фактическое смешение функций упомянутых субъектов, дублирование некоторых их функций, отсутствие четкого законодательного и подзаконного регулирования третьей и четвертой группы субъектов.

Остановимся несколько подробнее на Специализированном депозитарии. Примечательно, что А.В. Габов отмечает в качестве превалирующей юридической функции этого субъекта не учетную, а контрольную (для чего, безусловно есть основания), а также рассматривает этот субъект как пример профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, формально не подпадающей под законодательное определение такой деятельности³.

В отличие от Центрального депозитария и Депозитария - профессионального участника, сходный по названию и функциям Специализированный депозитарий является не факультативным, а обязательным субъектом. Действительно, владелец ценных бумаг вправе не передавать их «классическим» депозитариям, а функцию учета прав на ценные бумаги реализовать, обращаясь напрямую к регистратору или эмитенту. Но Специализированный депозитарий в обязательном порядке вступает в правоотношения в случаях, предусмотренных правовыми актами, главным образом – при осуществлении массовых («коллективных») инвестиций через инвестиционные и негосударственные пенсионные фонды. Его юридическая роль может быть определена как комплексная: управленческая, хранительская, учетная, контрольная, причем последняя служит определяющим признаком.

Юридическое понятие субъекта является, скорее фантомным: он упоминается в пяти федеральных законах⁴, однако ни в одном правовом акте правовое

положение субъекта долгое время не было конкретизировано⁵. Правовой вакуум был преодолен лишь в 2015 г. принятием Положения Банка России,⁶ которое, впрочем, является ведомственным актом, а потому Специализированный депозитарий продолжает оставаться «вне закона» (в смысле – федерального закона РФ). Анализ специальной правоспособности субъекта указывает на её бессистемную мультипликацию. Наблюдается эффект не только двойного, а многоактного лицензирования: разные законы требуют наличия разных лицензий для Специализированного депозитария.

В таких условиях сложно выделить юридические характеристики субъекта, охарактеризовать его правоспособность. А.В. Габов считает, что деятельность этого субъекта «...не является депозитарной в чистом виде...»⁷, с чем можно в целом согласиться. А. Я. Курбатов считает деятельность сопутствующим видом деятельности кредитной организации, осуществляемый при условии выполнения дополнительно установленных законом требований⁸. В отношении юридической ответственности субъекта можно отметить, что, несмотря на придаваемую ему законом роль «контролера» при совершении субъектами доверительного управления сделок с несовременным имуществом, ответственность Специализированного депозитария ограничена по ряду параметров. Так, ст. 37 Федерального закона «Об инвестиционных фондах» установлена лишь субсидиарная ответственность в случае причинения убытков учредителям доверительного управления неправильной оценкой имущества. Вопрос ответственности этого субъекта пока не нашел отражения в судебной практике, имеются лишь немногочисленные примеры, не демонстрирующие неотвратимости ответственности⁹.

Характерной особенностью следует признать производный характер субъекта: он не существует в отрыве от институтов «коллективного инвестирования» (инвестиционные, пенсионные фонды, управляющие компании), – иначе отпадет сама потребность в субъекте. Ввиду отсутствия единообразия в регламентации правового положения субъекта и его слабой функциональной ценности видится правильным в будущем исключить его из системы специализированных субъектов оборота финансовых инструментов, а контроль правомерности в процессе инвестирования обеспечивать иными правовыми средствами. На данный момент, как субъект сервисного назначения, Специализированный депозитарий обладает специфической правоспособностью, обязательного характера.

Литература

1. Кальней М.Г., Кошель Д.Е. Финансовый рынок России: вопросы правового регулирования. Омск. 2011. С. 362, 367.
2. См. подробнее: Чукулаев Р.В. О регулировании деятельности центральных депозитариев как субъектов отношений на рынке ценных бумаг // Вестник Пермского университета. Юридические науки. №4. 2012.
3. Габов А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М. 2011. С. 868, 876.
4. Это Федеральные законы: «Об инвестиционных фондах», «Об ипотечных ценных бумагах», «О негосударственных пенсионных фондах», «Об инвестировании средств для финансирования

накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации», «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих».

5. Было принято лишь Постановление ФКЦБ РФ от 10 февр. 2004 г. № 04-3/пс «О регулировании деятельности специализированных депозитариев акционерных инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов», Приказ ФСФР РФ от 01 нояб. 2005 г. № 05-60/пз-н «Об утверждении Положения о деятельности специализированных депозитариев ипотечного покрытия и Правил ведения реестра ипотечного покрытия», а также ряд постановлений Правительства РФ, утверждающих типовые правила и регулирующие ряд иных вопросов участия специализированных депозитариев в деятельности по управлению соответствующими объектами.
6. Положение Банка России от 10 июня 2015 г. № 474-П «О деятельности специализированных депозитариев».
7. Габов А.В. Там же.
8. См.: Курбатов А.Я. Правосубъектность кредитных организаций: теоретические основы формирования, содержание и проблемы реализации. М.: Юриспруденция, 2010.
9. Дело № А40-173032/12. Текущий архив Арбитражного суда г. Москвы.; Постановление ФАС Московского округа по делу № А40-24572/11-98-213 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Чучуладзе А.А.

студент, ПГНИУ

Научный руководитель: Латыпов Д.Н.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА

Аннотация: в статье рассмотрена правовая природа корпоративного договора и связанные с ней различные правовые концепции. Актуальность статьи основана на том, что корпоративный договор представляет собой относительно новое явление, недостаточно глубоко освещенное в отечественном правоведении, кроме того, нормативная правовая база в отношении корпоративного договора достаточно узка. Статья ставит целью определение правовой природы корпоративного договора.

Ключевые слова: корпоративное право; корпоративный договор; концепция.

Chuchuladze A.A.

student, PSU

Supervisor: Latypov D.N.

LEGAL NATURE OF CORPORATE CONTRACT

Annotation: The paper reveals legal nature of corporate contract and connected legal concepts. The urgency of the theme based on the novelty and immaturity of contract. Moreover, the theme is not developed in doctrine as and in practice. Consequently, the research paper aimed at identifying of legal nature of corporate contract.

Keywords: corporate law; corporate contract; conception.

В современном экономическом пространстве Российской Федерации все большее значение приобретают корпоративные юридические лица, ввиду своего

масштабного участия в производстве благ и способностью оказывать влияние на экономический фон государства.

Возникающие в связи с этим судебные споры по поводу осуществления или ненадлежащего осуществления своих прав участниками хозяйственных обществ, а также ограничения прав некоторых из них, породили почву для дискуссий между учеными. Споры прямо относятся к документу, регламентирующему осуществление некоторых корпоративных прав участниками хозяйственных обществ – корпоративному договору. Представляется необходимым проанализировать некоторые точки зрения, относительно правовой природы корпоративного договора и сформулировать собственное мнение по данному вопросу.

В континентальной правовой системе преобладает позиция, согласно которой корпоративный договор является обычной гражданско-правовой сделкой, которая не может порождать изменения корпоративной структуры общества. Этот подход к определению правовой природы корпоративного соглашения Е.А. Суханов называет обязательственным. Противоположным обязательственному, по его мнению, является корпоративный подход, который характерен для стран англо-американской системы права.¹ Согласно этому подходу корпоративный договор может вторгаться во внутренние отношения компании, изменяя структуру самой корпорации.²

Сторонниками обязательственного подхода являются многие российские ученые-юристы. Они обращают внимание на то, что корпоративный договор является собой обычное обязательство, которое лишь регламентирует определенным образом осуществление прав, удостоверенных акциями. Так, Д.В. Ломакин, говоря о правовой природе корпоративного договора, отмечал, что корпоративный договор «не является юридическим фактом особого рода — корпоративным юридическим фактом... Это обычный гражданско-правовой договор». Такие договоры «могут лишь регламентировать процедуру осуществления корпоративных прав, но не могут порождать новые корпоративные права, не предусмотренные ни законом, ни уставом указанного общества. То же самое можно сказать и о корпоративных обязанностях».³ А.И. Масляев и Т.В. Грибкова также считают, что корпоративный договор является гражданско-правовым договором, которым устанавливается определенный порядок осуществления прав на акции и прав из акций. При этом ученые не указывают на какое-либо наличие корпоративного элемента. Схожего мнения придерживается и С.П. Степкин.⁴ По мнению С.В. Потапенко и Е.В. Артамкиной, корпоративный договор носит обязательственный характер, так как его заключение возможно в силу общего принципа свободы договора. Так же, по мнению авторов, обязательственная природа подтверждается и тем, что условия корпоративного договора распространяются только на его стороны.⁵

Существует и иная точка зрения на правовую природу корпоративного договора, которая отстаивает его самостоятельность. Ее придерживаются такие ученые

как В.А. Хохлов и В.Н. Гурьев. В.А. Хохлов в обоснование своей точки зрения говорит о том, что о самостоятельности корпоративного договора свидетельствуют такие моменты, как предмет договора и его характер. Ученый утверждает, что предмет договора призван упорядочить осуществление корпоративных прав, а сам договор по своему характеру предопределяет возможные варианты поведения участников хозяйственного общества.⁶ Другой сторонник данной точки зрения В.Н. Гурьев связывает самостоятельность корпоративного договора с лицами, которые имеют право на его заключение, а также с целью заключения такого договора.⁷

Помимо вышеизложенных концепций, имеет место так называемая концепция смешанной правовой природы корпоративного договора, согласно которой, корпоративный договор содержит в себе как обязательственные, так и корпоративные элементы. Данной точки зрения придерживаются Д.И. Степанов и И.С. Шиткина. Первый в обоснование своей позиции говорит, что корпоративный договор «пусть и порождает обязательства в пользу его сторон, но при этом имеет большее или меньшее значение для самого общества, его корпоративной структуры и иных участников (при наличии), не являющихся стороной такого соглашения». По его мнению, существенным признаком корпоративного договора является не только возникновение обязанностей у сторон, его заключивших, но и на тот самый «корпоративный элемент», которым осложнен данный договор. Другими словами, корпоративный договор заключается не только для удобства участников хозяйственного общества, но и для самой корпорации как искусственного образования, существующего только с точки зрения закона.⁸

И.С. Шиткина аргументируя свою точку зрения, сравнивает акционерные соглашения с внутренними документами и локальными нормативными актами корпорации и приходит к выводу, что корпоративный договор, устанавливая определенные внутренние процедуры по управлению обществом и предусматривая общие предписания, не является нормативным.⁹

Резюмируя вышеизложенное, представляется необходимым сформулировать собственное мнение по данному вопросу. Бесспорно, для дальнейшего развития такого правового института как корпоративный договор все перечисленные концепции должны иметь право на существование. Однако, думается что концепция обязательственной правовой природы корпоративного договора является наиболее предпочтительной с точки зрения целесообразности и удобства при разрешении некоторых теоретических и практических задач. Корпоративный договор, бесспорно являясь гражданско-правовым договором, направлен, прежде всего, на возникновение, изменение или прекращение взаимных прав и обязанностей. Об этом свидетельствует и само определение корпоративного договора, которое закреплено в п.1, ст.67.1 ГК РФ. Кроме того, он отвечает всем признакам гражданско-правового договора.

Литература

1. Суханов Е.А. Уставный капитал хозяйственного общества в современном корпоративном праве // Вестник гражданского права. — 2012. — № 2 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Суханов Е.А. Американские корпорации в российском праве (о новой редакции гл. 4 ГК РФ) // Вестник гражданского права. — 2014. — № 5 // СПС «КонсультантПлюс»
3. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. — М.: Статут, 2008. — 511 с.
4. Степкин С.П. Гражданско-правовой институт акционерных соглашений. — М., 2011 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Потапенко С.В., Артамкина Е.В. О понятии значении и правовой природе корпоративного договора // Власть закона. — 2014. — № 3 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Хохлов, В.А. Корпоративный договор как организационный договор российского права/ В.А. Хохлов // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. Тольяти - 2014. - № 4(81) – С. 4-12.
7. Гурьев В.С. Акционерные соглашения как группа корпоративных договоров: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. - М., 2012. - С. 8.
8. Степанов Д.И. Договор об осуществлении прав участников ООО // Вестник ВАС РФ, 2010, N 12, С. 70
9. Шиткина И.С. Соглашения акционеров (договоры об осуществлении прав участников) как источник регламентации корпоративных отношений // Хозяйство и право, - 2011. - № 2.

Шейнов А.А.

студент, ПГНИУ

Научный руководитель: Латыпов Д.Н.

ИСПОЛНЕНИЕ ДЕНЕЖНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В КОНТЕКСТЕ ОЧЕРЕДНОСТИ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ КРЕДИТОРОВ

Аннотация: в статье рассмотрена очерёдность удовлетворения требований кредиторов при ликвидации юридического лица и при процедуре банкротства. Актуальность статьи основана на том, что одной из главных целей процедуры ликвидации юридического лица, в том числе при банкротстве, является удовлетворение требований кредиторов; названная цель предполагает применение положений ГК РФ и ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», нормы которых нуждаются в конкретизации. В статье обосновывается создание единого порядка удовлетворения требований кредиторов.

Ключевые слова: ликвидация юридического лица, банкротство, капитализация, цессия, унификация.

Sheynov A.A.

student, PSU

Supervisor: Latypov D.N.

EXECUTION OF MONETARY OBLIGATIONS IN THE CONTEXT OF THE ORDER OF SATISFACTION OF CREDITORS' CLAIMS

Annotation: The article considers the priority of meeting the claims of creditors in the liquidation of a legal entity and in the process of bankruptcy. The relevance of the article is based on the fact that one of the main

purposes of the liquidation procedure of a legal entity, including bankruptcy, is the satisfaction of claims of creditors; this goal implies the application of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)», the norms of which need to be specified. The article justifies the creation of a unified procedure for the satisfaction of creditors' claims.

Keywords: Liquidation of a legal entity, bankruptcy, capitalization, cession, unification.

Очередность удовлетворения требований кредиторов при ликвидации юридического лица определяется ст. 64 ГК РФ, в которую введена процедура распределения обнаруженного имущества ликвидируемого юридического лица п. 5.2 названной статьи. Более подробное толкование порядка удовлетворения требований в случае признания арбитражным судом несостоятельным ликвидируемого юридического лица, содержится в ст. 134 Закона о несостоятельности (банкротстве).

Гражданский кодекс РФ устанавливает 4 очереди; к первой и второй относятся требования социального характера, т.е. в них указаны лица, являющиеся менее социально защищенными, большинство из них работники, столкнувшиеся с ликвидацией работодателя юридического лица, что вследствие приведет к поиску новой работы:

1) требования граждан по возмещению вреда жизни и здоровью, путем капитализации соответствующих повременных платежей;

о компенсации вреда, вследствие разрушения и повреждения объекта капитального строительства;

нарушения требований безопасности при строительстве объекта капитального строительства, и к безопасной эксплуатации здания, сооружения;

2) выплаты выходных пособий и оплата труда;

выплаты вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности;

Перечисленные требования имеют приоритет перед другими, Выплаты денежных средств, производятся со дня утверждения промежуточного ликвидационного баланса.

3) расчеты по обязательным платежам в бюджет, во внебюджетные фонды;

4) расчеты с другими кредиторами.

Анализ содержания ст. 64 ГК РФ свидетельствует о том, что существующий порядок распределения имущества описан в общих чертах. Главный источник несовершенства законодательства, выражается в том, что «оно не отражает и не решает реальные потребности и задачи рыночной экономики, экономической политики и практики».¹

Тезис о необходимости создания единого порядка удовлетворения требований кредиторов как при ликвидации, так и в ходе банкротства юридического лица, мог стать фундаментом для совершенствования норм ГК РФ о прекращении юридического лица.² предлагается унифицировать нормы ГК РФ и правила, установленные Федеральным законом от 26.10.2002 N 127, путем исключения из ГК

РФ норм об очередности удовлетворения требований кредиторов при ликвидации юридического лица ввиду предполагаемой достаточности имущества для удовлетворения требований всех кредиторов.³

Резюмируя изложенное, такой подход к решению о совершенствовании норм ГК РФ как унификация позволит уточнить и создать единый порядок ликвидации юридического лица и удовлетворения требований его кредиторов, в том числе в части его соотношения с возможной процедурой банкротства»⁴.

Вопреки цели совершенствования законодательства, законодатель выбрал другую позицию и предусмотрел иной порядок удовлетворения требований кредиторов в отличие от процедуры банкротства. Тем самым законодатель признал необходимость дифференцированного правового регулирования, однако аргументации данной позиции в научной литературе нами не обнаружено

Закон о банкротстве подобно ГК РФ выделяет 4 очереди кредиторов по текущим платежам. В сравнении с 1 очередью упоминается термин «капитализация».

Под капитализацией понимают сумму платежей, подлежащих выплате потерпевшему, такое определение основано на положениях п.2 – 3 ст. 135 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», отсюда предполагается возможность единовременной выплаты капитализированных денежных средств. Такое понимание капитализации противоречит ГК РФ, учитывая ст. 1092 ГК РФ, платежи в счет возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью, выплачиваются ежемесячно⁵.

О противоречивости норм также свидетельствует цессия, упоминаемая в п.3 ст.135 Закона о банкротстве, которым предусмотрена возможность перевода капитализированных платежей к Российской Федерации с согласия кредитора. Так, по мнению М.В. Телюкиной, суммы капитализированных платежей подлежат передаче самому потерпевшему либо при согласии потерпевшего осуществляется цессия в пользу Российской Федерации, которая и обязуется в этом случае производить платежи даже при недостаточности имущества должника.⁶

В силу ст. 383 ГК РФ она недопустима в обязательствах из причинения вреда жизни или здоровью, так как эти обязательства являются личными. При переходе к Российской Федерации прав требования и одновременно обязанности по выплате платежей ею обязательство прекращается совпадением должника и кредитора в одном лице (ст. 413 ГК РФ). Законодатель использует в данном случае перевод долга по выплате повременных платежей в связи с ликвидацией юридического лица к Российской Федерации, которая выступает правопреемником должника. Получение согласия Российской Федерации на перевод долга Законом не предусмотрено (п. 5 Постановления от 30 ноября 2006 г. N 57).

Требование при переходе к Российской Федерации подлежит удовлетворению в первую очередь.⁷ Взыскание платежей осуществляется судами общей

юрисдикции. В арбитражной практике при отсутствии судебного решения или решения иного государственного органа, устанавливающего обязательство по выплате повременных платежей, потерпевшим отказывают во включении их требований в реестр требований кредиторов.⁸

Анализируя вторую очередь по Закону о банкротстве и ГК РФ, следует отметить, что существенно различается порядок удовлетворения интересов кредиторов при одинаковом составе требований:

- Законом о банкротстве установлено 3 очереди, где распределение обусловлено принципом пропорциональности в отдельности на каждую подочередь (п.5 ст.136), когда в ГК РФ – в целом.

Пахаруков А.А. предлагает рассмотреть вопрос о целесообразности сохранения норм ГК РФ, а именно ст. 64 ГК РФ устанавливает, что залогодержатели не имеют приоритета над первой и второй очередью в ходе ликвидации юридического лица, требования последних могут быть удовлетворены из стоимости заложенного имущества, такая конструкция заимствована из конкурсного законодательства,⁹ впоследствии Закон о банкротстве обосновано от неё отказался.¹⁰

Представляется необходимым для дальнейшего развития законодательства о прекращении юридического лица детально изучить позицию законодателя по данной теме, а также в целях совершенствования правовых норм развить идею об унификации норм ГК РФ в части ликвидации юридических лиц и правил, предусмотренных Федеральным законом о банкротстве.

Литература

1. Губин Е.П., Право как инструмент решения экономических проблем современной России // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. 2012. N 2. С. 5.
2. Пахаруков А.А., Тюкавкин-Плотников А.А. Удовлетворение требований кредиторов ликвидируемого юридического лица: унификация или дифференциация правового регулирования? // Закон. 2016. N 6.
3. Концепция развития гражданского законодательства о юридических лицах (проект) // Вестник гражданского права. 2009. N 2.
4. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Ст. 1092 ГК РФ, ст. 15 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний».
6. Телюкина М.В. Комментарий к Федеральному закону от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». Комментарий к ст. 135.
7. Обязательства вследствие причинения вреда: Постатейный комментарий главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2009.
8. Определение ВАС РФ от 4 марта 2009 г. N 7686/06 // СПС «КонсультантПлюс»
9. Соответствующие изменения в п. 2 ст. 64 ГК РФ были внесены Федеральным законом от 03.01.2006 N 6-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ и Бюджетный кодекс РФ».
10. Соответствующие изменения в п. 2 ст. 138 Закона о банкротстве были внесены Федеральным законом от 19.07.2009 N 195-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ».

Юркова Д.А.
студент, НИУ ВШЭ (Пермь)
Научный руководитель: Любимова Е.В.

ПРЕДЕЛЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА И ПОЛНОМОЧИЯ СУДА В АПЕЛЛЯЦИОННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: статья посвящена проблеме практического применения положений Гражданского процессуального кодекса РФ об апелляционном производстве после внесения изменений в 2010 году. Раскрываются понятия «полная» и «неполная» апелляция, анализируется модель, существующая в РФ. На основе судебной практики акцентируется внимание на необходимость нового рассмотрения дела в суде первой инстанции при наличии определенных оснований.

Ключевые слова: полная апелляция, неполная апелляция, полномочия суда апелляционной инстанции, пределы рассмотрения дела в апелляционном производстве, направление дела на новое рассмотрение.

Yurkova D.A.
student, HSE (Perm)
Supervisor: Lubimova E.V.

LIMITS OF APPEAL PROCEEDINGS IN A CASE AND APPEAL COURT POWER

Annotation: The article is devoted to the issue of practical application of the altered appeal provisions in the Civil Procedure Code of the Russian Federation. The notions 'complete appeal' and 'incomplete appeal' are revealed, the Russia's model is analyzed. The necessity of new trial of a case by the first-instance court is focused on.

Keywords: complete appeal, incomplete appeal, appeal court power, limits of appeal proceedings in a case, submission of a case on the new proceeding.

Внесенные Федеральным законом от 09.12.2010 N 353-ФЗ¹ изменения, касающиеся реформирования порядка апелляционного и кассационного производства, существуют в Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее - ГПК РФ) и применяются судами на протяжении 5 лет, однако до сих пор в доктрине высказывается большое количество точек зрения на достоинства и недостатки новой системы пересмотра не вступивших в законную силу судебных постановлений.

Проведенная реформа коснулась многих аспектов существующих ранее апелляционного и кассационного способов обжалования не вступивших в законную силу актов, в том числе были внесены изменения в части законодательного регулирования сроков подачи апелляционной жалобы, объекта и субъектов апелляционного обжалования, порядка проведения судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции и т.д. Существует точка зрения, согласно которой обжалование не вступивших в законную силу решений нижестоящих судов и до реформирования (то есть когда апелляционную жалобу можно было подать как в

кассационный, так в апелляционный суд в зависимости от оснований) не ущемляло права участников процесса². При этом, думается, что отсутствие единообразия вызывало большую процессуальную путаницу - лица, участвующие в деле, не всегда успевали подать жалобу, неправильно определяли инстанционную подсудность и т.п., что нарушало ч.1 ст.3 ГПК РФ, поскольку участники не могли в полной мере реализовать право на защиту своих прав и интересов в суде из-за объективных причин.

Особое внимание следует обратить на то, как изменились полномочия и пределы рассмотрения дела судом апелляционной инстанции. Для этого необходимо обратиться к одному из самых дискуссионных вопросов³ в теории гражданского процесса - вопросу о видах апелляции, понятиям «полной» и «неполной» апелляции.

Стоит отметить, что конкретно подразумевается под терминами «полная апелляция» и «неполная апелляция». Полная апелляция предполагает абсолютный запрет на направление дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции, при этом представление новых доказательств неограничено. Суд в рамках такой модели апелляции сначала заново рассматривает дело, и уже только после этого осуществляет проверку законности и обоснованности решения суда первой инстанции. При неполной апелляции ссылка на новые доказательства ограничена, однако суд уполномочен направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

На данный момент в ГПК РФ предусмотрено смешанное апелляционное производство, в котором сочетаются признаки обеих моделей. Так, по неполной апелляции выстраивается оценка доказательств - суд оценивает уже имеющиеся в деле доказательства. Дополнительно представленные доказательства могут быть приняты судом только в том случае, если имела место быть обоснованная, независимая от субъекта апелляционного обжалования невозможность их представления при рассмотрении судом первой инстанции. Более того, стороны не могут предъявлять новые требования (ч.4 ст.327.1 ГПК РФ), соединять/разъединять иски, изменять предмет и основание иска и т.п.

По мнению процессуалистов, в ГПК РФ законодатель делает акцент именно на неполную модель апелляции с целью усилить проверочную функцию суда второй инстанции, тем самым, очевидно, предпринимая попытку унифицировать положения гражданского и арбитражного процессов⁴.

В рамках модели полной апелляции суд второй инстанции в соответствии с ч.5 ст.330 ГПК РФ имеет право рассматривать дело по правилам первой инстанции без учета особенностей, предусмотренных главой 39 ГПК РФ.

Также предусмотрен запрет направлять дело на новое рассмотрение в суд, вынесший первоначальное решение, - среди полномочий суда апелляционной

инстанции, указанных в ст.328 ГПК РФ, право отменить решение и направить его на новое рассмотрение в суд первой инстанции не указано.

Это, безусловно, может вызвать серьезное нарушение прав участников гражданского процесса. Данной позиции придерживаются многие ученые, которые обращают внимание на выработанные судебной практикой, но не учтенные при изменении статей об апелляции основания для отмены решения и направление дела на новое рассмотрение. Среди них:

- рассмотрение дела апелляционной жалобы по правилам первой инстанции *нарушает права лиц, участвующих в деле, на обжалование решения во второй инстанции*⁵, поскольку судебное постановление, которым заканчивается рассмотрение дела по существу в апелляции, вступает в силу с момента оглашения его резолютивной части;

- *наличие нарушения правил подсудности*, предусмотренные как ГПК РФ, так и Конституцией РФ (ч.1 ст.47). Абсолютная невозможность направления дела на новое рассмотрение препятствует исправлению судебной ошибки и «нарушает право заинтересованных лиц на рассмотрение их дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, что не согласуется с самой сутью правосудия»⁶;

- принятое решение *затрагивает права и интересы лиц, не привлеченных к рассмотрению дела в суде первой инстанции*, и в силу этого необходимо, чтобы их права были защищены, в частности, право на обжалование, упомянутое выше, которого такие лица, по сути, лишаются, поскольку постановление суда апелляционной инстанции вступает в силу со дня его принятия, что также нарушает принцип равенства всех перед законом и судом (ст.19 Конституции РФ)⁷.

Верховным Судом РФ (далее - ВС РФ) в Постановлении Пленума от 19.06.2012 № 13 также были разработаны критерии, по которым дело может быть направлено на новое рассмотрение. Так, в качестве основания может выступать заявление подателя жалобы/прокурора в суде первой инстанции ходатайства о неподсудности дела этому суду либо отсутствие возможности заявить в суде первой инстанции такое ходатайство по причине их неизвещения о времени и месте судебного заседания или непривлечения к участию в деле⁸.

При этом ряд процессуалистов не согласны с тем, что новым регулированием апелляционного способа пересмотра не вступивших в законную силу судебных решений права участников процесса нарушаются. Так, Р.В. Шакирьянов считает, что ссылка на позиции Конституционного Суда РФ (далее - КС РФ), которые якобы не были учтены, не совсем правильна, поскольку законодатель, в частности, принял во внимание мнение Суда и закрепил право лиц, чьи права и обязанности были затронуты вынесением судебного решения, на обжалование (ст.320 ГПК РФ). Более того, ученый ссылается на другой акт КС РФ - Определение от 17 января 2013 г. №1-О⁹, в котором Суд признает, что при рассмотрении дела в апелляци-

онном производстве по правилам первой инстанции предусматриваются те гарантии, которые предоставляются участникам процесса при рассмотрении дела в первой инстанции; в итоге - исправление судебной ошибки¹⁰.

Однако, с такой позицией исследователя трудно согласиться. Для обоснования, прежде всего, стоит обратиться к ст.381 ГПК РФ, которая предусматривает возможность отказа в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. Таким образом, законодатель ставит дополнительный «фильтр», определяя кассационное производство как исключительную меру для защиты прав и свобод граждан «для обеспечения баланса публичного и частного интересов и исключения явно необоснованных обращений»¹¹. При наличии таких законодательных условий, апелляционное производство должно быть максимально всесторонним, правильным, в полной мере обоснованным с точки зрения факта и права, поскольку дальнейшее обжалование формально возможно, но на практике трудно реализуемо. В силу этого, эффективность судебной системы, по мнению В.А. Туманова, определяется по второй инстанции, а не первой, и именно апелляционное производство должна стать объектом совершенствования системы судов общей юрисдикции¹².

В силу этого, автором статьи предлагается ввести на законодательном уровне процедуру направления дела на новое рассмотрение, основания которого уже разработаны судебной практикой.

Литература

1. Федеральный закон от 09.12.2010г. №353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. №50. Ст. 6611.
2. Женетль С.З., Алексеева Н.В. Новый взгляд на полную и неполную апелляцию в российском гражданском процессе [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-плюс».
3. Маняк Н.И. Эффективность современного гражданского судопроизводства и виды апелляции [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс».
4. Шкундина Ю.С. Апелляционное производство в гражданском процессе: новеллы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // «Адвокат», 2012, №4.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 16 июля 2003 г. «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2003 г.» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 1.
6. Определение Конституционного суда РФ от 03.07.2007г. №623-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. №6.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2010г. №10-П // СЗ РФ. 2010. №19. Ст. 2357.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2012 № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2013 г. №1-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. №4.
10. Шакирьянов Р.В. Влияние идей Е.В.Васьковского на современные институты пересмотра судебных постановлений по гражданским делам [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-плюс».
11. Определение Конституционного Суда РФ от 25.02.2013г. №220-О // СПС «Консультант-Плюс».
12. Туманов В.А. Стенограмма заседания Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия от 23 июня 2005 г. // Проблемы в гражданском процессуальном праве. М., 2008.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
(ежегодник)

predprin.psu.ru

Корректоры:

Л.О. Грибиниченко, Е.В. Любимова, А.В. Сятчихин

Компьютерная верстка:

А.В. Сятчихин

Подписано в печать 10.07.2017. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 11,68. Тираж 50 экз. Заказ _____

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15